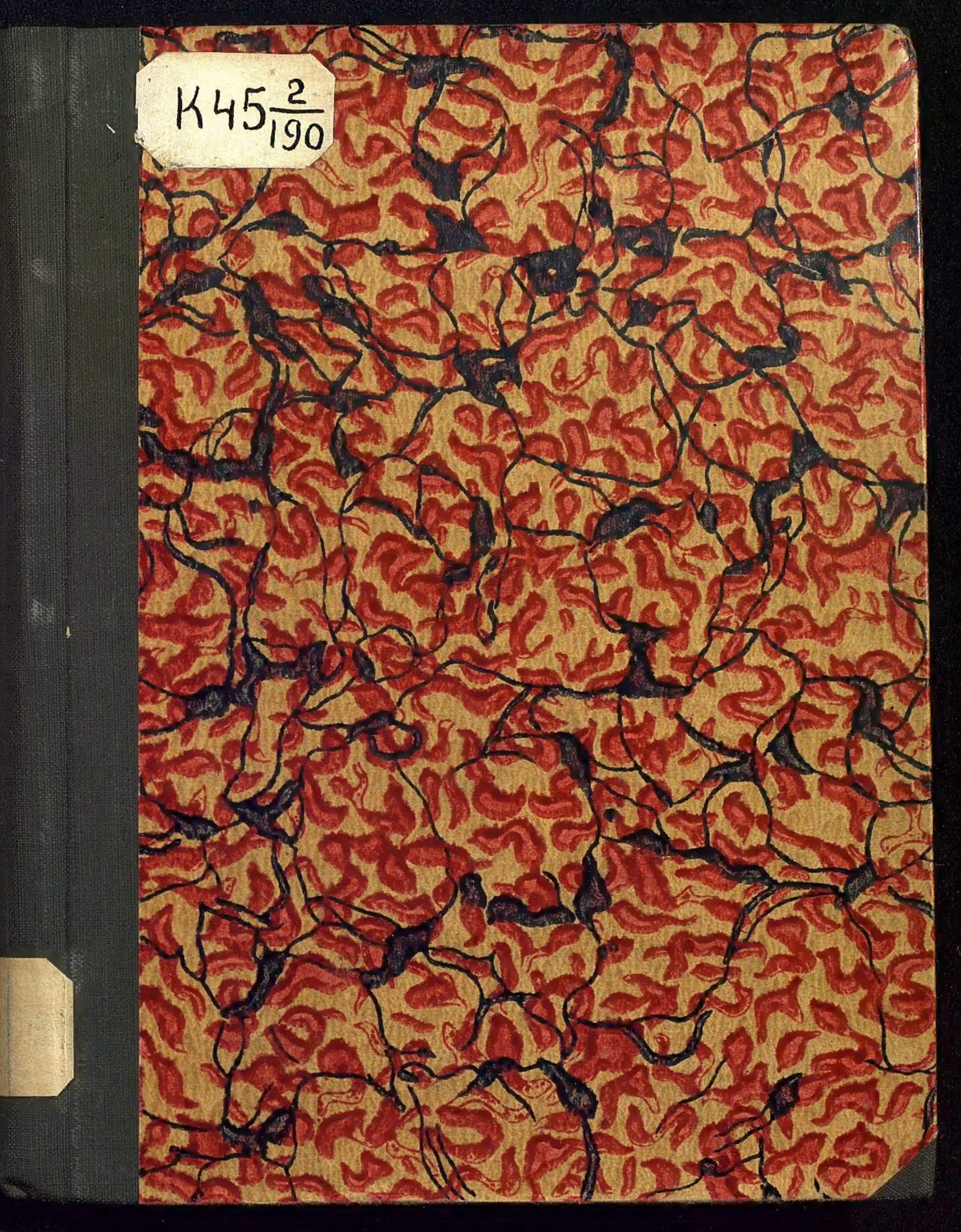
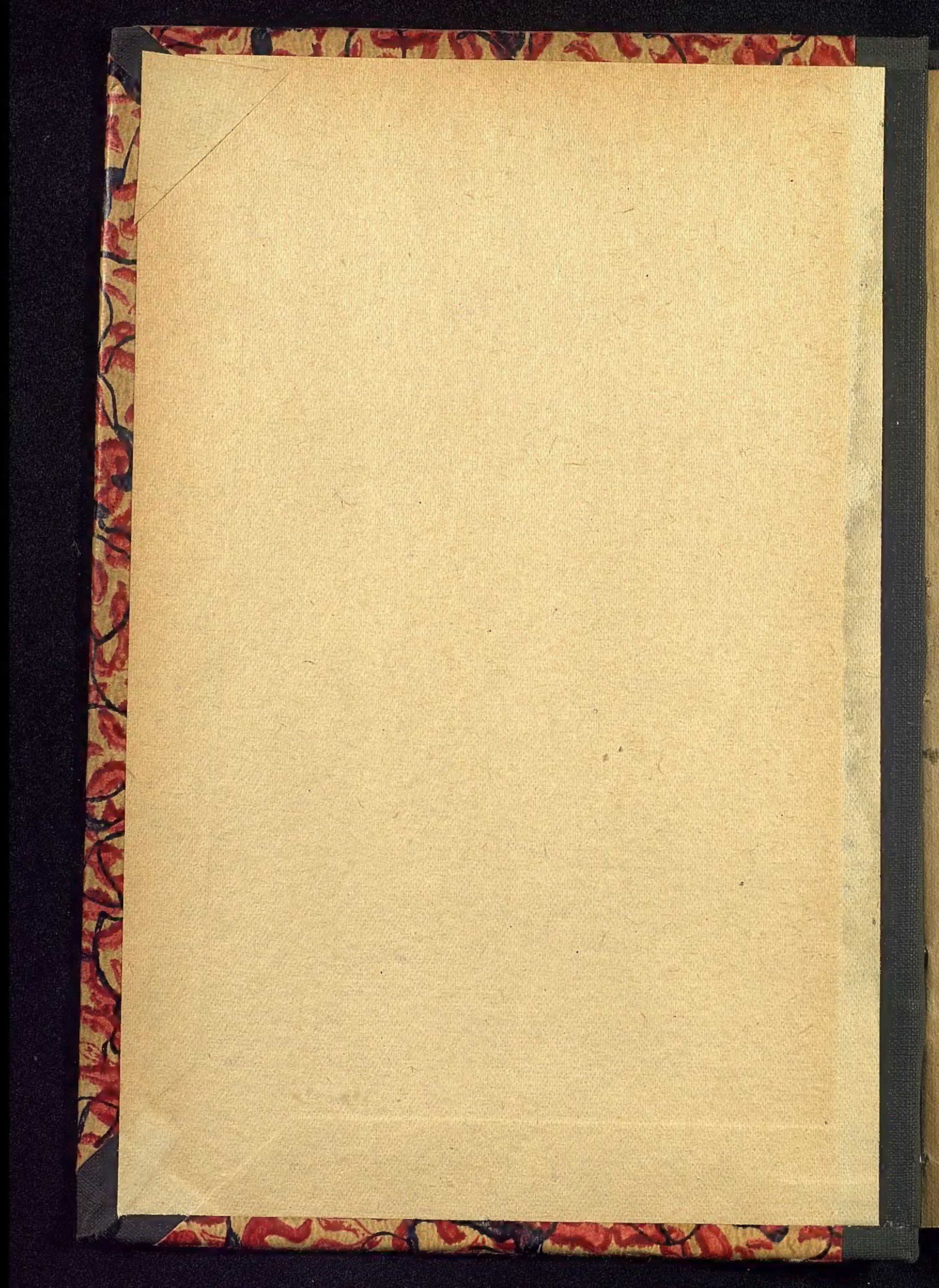
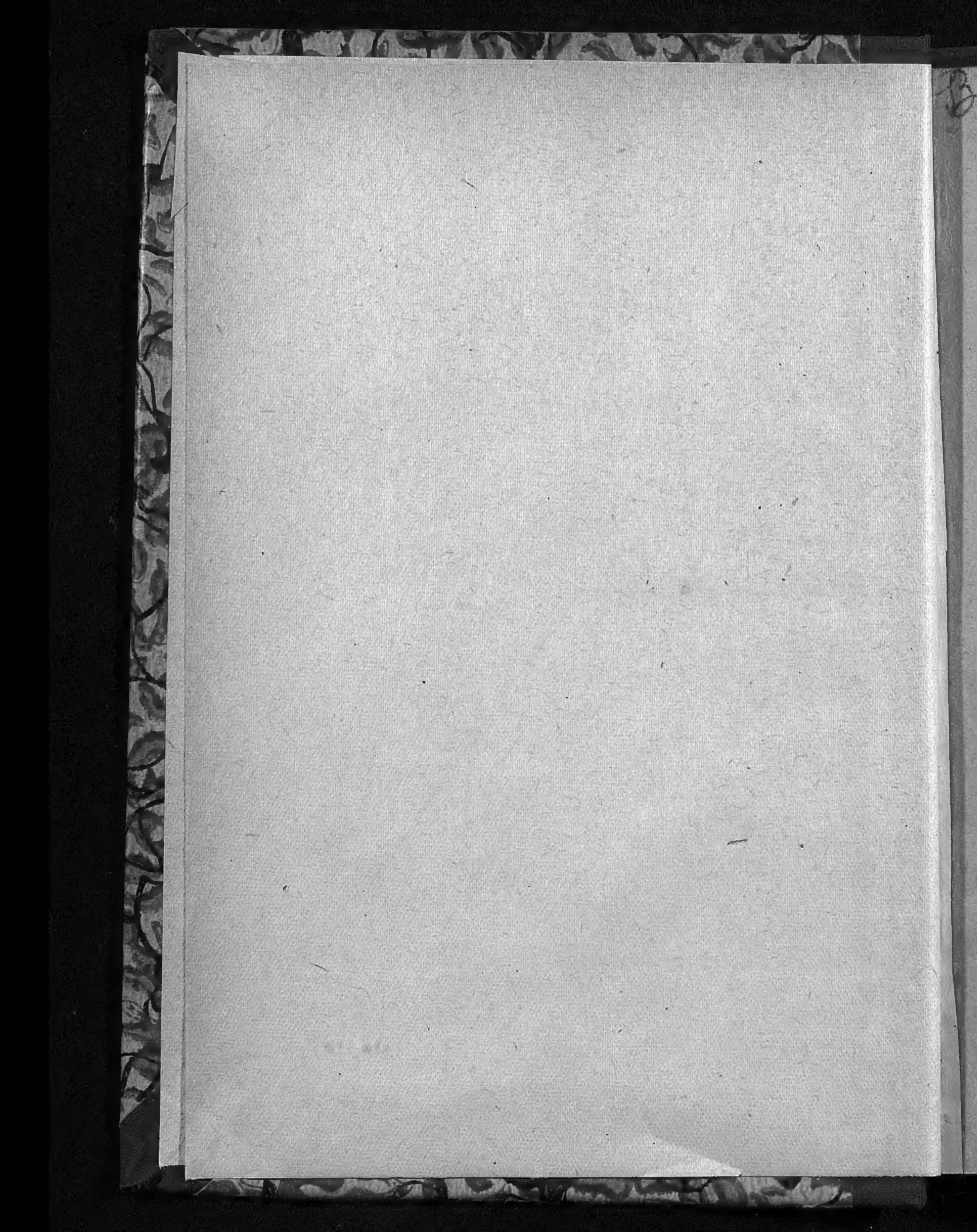

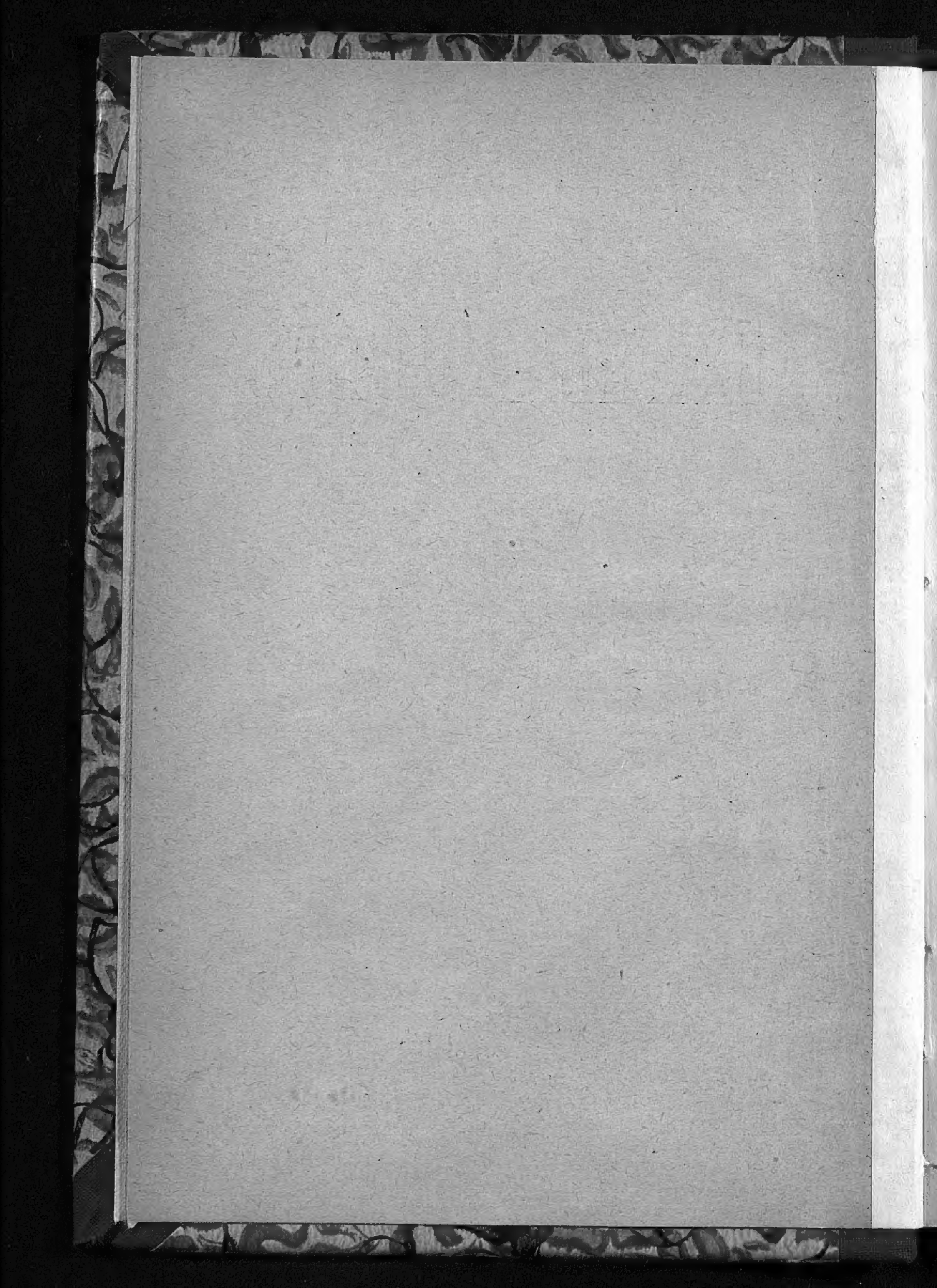

И. Б. Смольяниновъ

ЗАЩИТНЫЙ ЦВѢТЪ

(ВОЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ)

ПЕТРОГРАДЪ
ИЗДАНІЕ М. А. СУВОРИНА
1916

И. Б. Смольяниновъ

ЗАЩИТНЫЙ ЦВѢТЪ

(ВОЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ)

ПЕТРОГРАДЪ
ИЗДАНІЕ М. А. СУВОРИНА
1916

Петроградъ, дозволено военной цензурой 22 марта 1916 г.

 Тип. Т-ва А. С. Суворина—,,Новое Время''. Эртелевъ, 13

ОТЪ АВТОРА.

Всѣ разсказы, собранные въ этой книгѣ, кромѣ двухъ первыхъ, ранѣе печатавшихся въ журналѣ «Лукоморье», были напечатаны, въ видѣ корреспонденцій, въ газетѣ «Новое Время» и являются результатомъ личныхъ наблюденій и впечатлѣній автора, какъ непосредственнаго участника войны, проведшаго около года въ строю, на передовыхъ позиціяхъ.

Часть этихъ разсказовъ въ концѣ прошлаго года была издана въ Москвѣ небольшимъ сборникомъ, подъ названіемъ: «Сѣрыя шинели»; не разсчитывая на очень быстрое распространеніе сборника, издательство помѣтило его 1916 годомъ, до котораго, однако, это изданіе, предпринятое въ большомъ числѣ экземпляровъ, не дошло, и въ январѣ 1916 года «Сѣрыя шинели» были распроданы цѣликомъ.

Въ настоящемъ изданіи собраны *всѣ* военные разсказы И. Б. Смольянинова, при чемъ всѣ они лишь приведены въ извѣстную систему по своему содержанію.

ОТЪ АВТОРА.

Въ разсказахъ, вошедшихъ въ эту книгу, кромѣ двухъ первыхъ, [illegible] въ журналѣ [illegible], [illegible], въ видѣ корреспонденцій [illegible] «Новомъ Времени» [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

Часть этихъ разсказовъ [illegible] была издана въ Москвѣ небольшими сборниками, подъ названіемъ: «Сѣрыя шинели»; [illegible] распространеніе сборника, [illegible] 1916 годомъ, [illegible] [illegible] январѣ 1916 года «Сѣрыя шинели» были [illegible].

Въ настоящемъ изданіи собраны всѣ военные разсказы [illegible], при чемъ всѣ они [illegible] въ [illegible] систему по своему содержанію.

Заколдованное мѣсто.

(Вмѣсто предисловія).

По диспозиціи маневра, съ вечера разосланной во всѣ части отряда, четырнадцатой ротѣ, подъ командой капитана Крестьянова, слѣдовало съ разсвѣтомъ начать атаку.

Капитанъ Крестьяновъ служитъ въ одномъ и томъ же полку двадцать два года. Каждое лѣто онъ приходитъ съ полкомъ въ Красносельскій лагерь и каждый годъ беретъ приступомъ Красную Горку.

Онъ изучилъ всѣ подступы къ этому небольшому холму, съ приземистымъ зданіемъ порохового погреба на самой вершинѣ. Но, когда вчера ему прислали диспозицію, старый капитанъ взволновался.

Шутка сказать—двадцать два года онъ атакуетъ одно и то же мѣсто и до сихъ поръ еще ни разу его не занялъ. Строгіе посредники изъ офицеровъ генеральнаго штаба, наблюдая его атаку съ высоты непомѣрнаго роста рыжихъ голштинскихъ лошадей, взятыхъ на время въ кирасирской дивизіи,—каждый разъ признавали, что четырнадцатая рота безъ остатка уничтожена огнемъ защитниковъ Горки.

Разница была только въ подробностяхъ. Сначала роту уничтожали Преображенцы, потомъ Семеновцы, Измай-

ловцы, Егеря, а за послѣднія пять лѣтъ ее безжалостно косятъ пулеметами.

«И вѣдь выдумаютъ же такой терминъ: «косятъ пулеметами»,—думаетъ капитанъ, до глубины души огорченный за свою уничтожаемую роту.

«И почему это имъ нужно уничтожать непремѣнно четырнадцатую роту? Стрѣляютъ у меня сверхъ отличнаго, артельныя суммы самыя большія въ полку, всѣ портреты начальствующихъ лицъ давнымъ-давно куплены и висятъ въ казармѣ... А если у кого изъ солдатъ второй пары сапогъ не хватаетъ, такъ уже теперь это вина не моя,—теперь это на отвѣтственности полкового интенданта».

И капитанъ Крестьяновъ ловитъ себя на недоброй мысли, что высшему начальству давно бы пора, вмѣсто четырнадцатой роты, начать «косить пулеметами» либо интендантовъ, либо посредниковъ.

Старый капитанъ просидѣлъ всю ночь, не смыкая глазъ, надъ уставомъ.

Только передъ самымъ разсвѣтомъ, когда жирные нумера параграфовъ и тонкія, правильныя, какъ строй гвардейцевъ, строчки устава начали путаться и прыгать въ глазахъ, онъ тяжело задремалъ. Но заснуть ему не дали.

Заспанный, взъерошенный денщикъ хриплымъ спросонья голосомъ доложилъ, что явился фельдфебель.

Это старый служака—его тоже пятнадцать лѣтъ уничтожаютъ огнемъ, хотя онъ и находится все время въ тылу, при четвертомъ взводѣ, оставленномъ въ резервѣ.

Онъ пришелъ доложить, что рота готова и уже осмотрѣна имъ.

До начала маневра оставалось не болѣе часа.

Рота вышла изъ лагеря въ стройной и гибкой колоннѣ по отдѣленіямъ. Временами капитанъ Крестьяновъ отходилъ въ сторону и пропускалъ роту мимо себя. Но его зоркій взглядъ нигдѣ не находилъ и тѣни безпорядка. Люди шли бодро, увѣренно и твердо отбивая тактъ шага, какъ этого требовалъ на послѣднемъ смотру начальникъ дивизіи съ нѣмецкой фамиліей.

До сферы огня оставалось какихъ-нибудь двѣсти-триста шаговъ. Даже ночью капитанъ не могъ бы ошибиться въ оріентировкѣ на этой мѣстности.

Красная Горка виднѣлась вдали и, глядя на нее въ полевой бинокль, онъ уже намѣчалъ мѣсто главнаго направленія атаки. Онъ вспоминалъ, что когда въ прежніе годы онъ велъ атаку на правый флангъ, его обошли и разстрѣляли въ упоръ; при нападеніи на лѣвый флангъ его признали уничтоженнымъ фугасами, а когда, съ отчаянія, онъ бросился въ атаку съ фронта, всѣ офицеры генеральнаго штаба насмѣшливо улыбались и небрежно замѣчали ему:

— Лобовой атакой нельзя взять даже простой деревушки... У насъ въ Манчжуріи...—продолжалъ при этомъ молодой полковникъ, но капитанъ его уже не слушалъ.

«Какое мнѣ дѣло до вашей Манчжуріи,—думалъ онъ,—когда передо мной Красная Горка».

Пока капитанъ размышлялъ о планѣ дѣйствій, рота перестроилась въ боевой порядокъ, и взводы, разсыпавшись мелкими звеньями, бѣглымъ шагомъ двинулись впередъ. Черезъ четверть часа длинная змѣйка пригнувшихся людей, осторожно, но упорно двигавшихся впередъ, обозначила линію наступленія.

Капитанъ пошелъ за цѣпью.

Солнце было еще невысоко, но уже чувствовалось приближеніе знойнаго дня. Кругомъ было тихо. Только шорохъ травы подъ шагами сотни людей, да стрекотанье кузнечиковъ нарушали общій покой.

Гдѣ-то въ тылу рѣзко прозвучала труба. Ей вторила другая, третья, четвертая и скоро всѣ онѣ слились въ общій сигналъ. Поднималась кавалерія, шедшая въ дальній обходъ позиціи «синихъ», авангардъ которыхъ должна была сбить съ Горки четырнадцатая рота.

Цѣпь залегла. Примостившись у кочки, капитанъ опять взялся за бинокль, пристально всматриваясь въ очертанія горы. Временами ему казалось, что весь ея передній склонъ перерѣзанъ черными линіями окоповъ, и тогда ему хотѣлось быстрѣе двигаться впередъ. Но проходила минута, и эти линіи скрывались, и тогда онъ думалъ, что непріятель, навѣрное, притаился за тыльнымъ скатомъ и злорадно ждетъ его приближенія, чтобъ начать косить пулеметами.

Дѣлать было нечего. Второй взводъ былъ посланъ въ обходъ. Снова по гладкому полю, какъ подстрѣленныя утки, побѣжали полусогнутыя фигуры солдатъ—то припадая къ землѣ, то снова вскакивая и бѣгомъ двигаясь впередъ.

Гдѣ-то вдали прозвучалъ выстрѣлъ.

«Это въ кого же?»—подумалъ капитанъ, но, вмѣсто отвѣта, грянулъ второй, третій, потомъ выстрѣлы послышались вблизи, и загорѣлась живая, бѣглая перестрѣлка.

Теперь уже и Красная Горка задымилась полоской пыли, вздымаемой частыми залпами. По этой линіи капитанъ безъ труда опредѣлилъ, что Горка укрѣплена по послѣднему изданію учебника фортификаціи.

Близился полдень. Солнце пекло нестерпимо.

Въ атакѣ четырнадцатой роты назрѣвалъ рѣшительный моментъ. Охвативъ оба фланга позиціи, подтянувъ къ себѣ резервъ, подъ командой стараго фельдфебеля, капитанъ Крестьяновъ ждалъ первой минуты перерыва пальбы непріятеля, чтобы броситься въ штыки.

По счастью, кругомъ, на сколько хватало глаза, не было замѣтно ни одной рыжей лошади штабныхъ посредниковъ.

Пальба прервалась, и съ громкимъ «ура» четырнадцатая рота бросилась на Горку.

«Ну, теперь взялъ»,—думалъ капитанъ, первымъ взбѣгая по отлогому склону.

А въ тылу уже играли отбой и сборъ начальниковъ.

У ставки командира бригады плотнымъ кольцомъ стояла толпа офицеровъ. Разбирали маневръ. Капитанъ Крестьяновъ жадно ловилъ каждое слово генерала, стараясь не пропустить ничего, сказаннаго о его ротѣ.

Наконецъ, дошла очередь и до него.

— Четырнадцатая рота капитана Крестьянова не могла исполнить своей задачи, такъ какъ была уничтожена еще до наступленія снарядами, брошенными съ дирижабля.

— Ваше превосходительство...—началъ, было, капитанъ, но генералъ протянулъ ему кроки военнаго поля и фотографическій снимокъ.

На немъ было отчетливо видно, какъ верстахъ въ двухъ отъ Горки стояла въ колоннѣ по отдѣленіямъ четырнадцатая рота.

— Вы видите—васъ сняли. Этого времени довольно, чтобы сбросить два хорошихъ снаряда и уничтожить всю вашу роту,—сказалъ генералъ.

Капитанъ Крестьяновъ былъ окончательно подавленъ.

Теперь все было противъ него: къ старымъ врагамъ прибавились новые, и это ему было не подъ силу.

«Ладно,—думалъ онъ про себя,—все таки, это маневры... Будетъ война, будутъ и новыя пѣсни... Даромъ не уничтожатъ»...

Въ болотахъ.

Лазарь Пучка—первый торговецъ въ округѣ.

У него одного во всемъ мѣстечкѣ каменный домъ съ деревяннымъ тротуаромъ и яркой вывѣской по фасаду:

«Галантерея, бакалея и хозяйственныя вещи».

Около его воротъ цѣлый день стоятъ телѣги, тарантасы и суетится народъ. Кому нуженъ ситецъ, кому деготь, а кто просто зашелъ, по пути, выпить бутылку квасу, который такъ хорошо умѣетъ варить его невѣстка Сара.

Самъ Лазарь, съ посѣдѣвшими пейсами, въ очкахъ, съѣхавшихъ на середину тонкаго горбатаго носа, въ люстриновомъ лапсердакѣ, цѣлый день сидитъ за прилавкомъ.

Раза два въ день къ нему заходитъ урядникъ. Съ тѣхъ поръ, какъ у Лазаря темной ночью увели буланаго мерина, за котораго онъ отдалъ цыгану шестьдесятъ рублей, урядникъ его первый пріятель. Двое сутокъ урядникъ гонялся за конокрадами, но коня разыскалъ и привелъ его къ Лазарю.

Урядникъ, высокій, кряжистый мужчина лѣтъ сорока, обыкновенно садится у самаго прилавка и у пріятелей начинается бесѣда.

— Ну, что у васъ сегодня новаго?—каждый разъ спрашиваетъ Лазарь.

И добродушный урядникъ обстоятельно разсказываетъ ему послѣднія новости, отдавая должное и вкусному квасу.

Иногда, выждавъ, когда всѣ покупатели выйдутъ на улицу, урядникъ подшучиваетъ надъ Лазаремъ:

— Какъ же это ты, Лазарь Абрамовичъ, торгуешь: вчера у тебя сахаръ стоилъ пятнадцать копѣекъ, а сегодня семнадцать.

— А почему бы ему такъ и не стоить?

— Да, вѣдь, одна, чай, партія-то?

— При чемъ тутъ партія? Нужно понимать экономію: сколько спрашиваютъ и сколько дать могутъ. Если спрашиваютъ много, а запасъ у меня маленькій, то я беру дорого. Если спрашиваютъ мало, а у меня сахару много, то отдамъ дешево.

— Хитро.

— Это вамъ хитро, потому что вы администраторъ. А торговцу это вовсе даже просто. Вы знаете, какъ бываетъ биржа? Что сахаръ? Каждая бумажка въ день по три раза свою цѣну мѣняетъ. И все-таки ее берутъ.

— Такъ что, по-вашему, если сахаръ пустить на биржу...

— Нѣтъ, это я такъ, чтобы вамъ понятнѣе,—говоритъ Лазарь и углубляется въ конторку, гдѣ онъ русскими словами и еврейскими цифрами записываетъ дневную продажу.

Сегодня урядника нѣтъ. Его еще наканунѣ вызвали въ городъ и онъ вернется не раньше, какъ дня черезъ два. Лазарь скучаетъ цѣлый день и сидитъ сумрачный.

Поздно ночью подъ окномъ его спальни, выходившимъ во дворъ, кто-то осторожно постучалъ.

Лазарь поднялся и, заглянувъ въ прорѣзь ставни, увидѣлъ какую-то длинную, темную фигуру.

— Мойша?

— Я.

— Что нужно?

— Отпирай.

— Ну, а что?

— Поскорѣй, пожалуйста.

Лазарь зажегъ свѣчку и, шаркая огромными туфлями, пошелъ къ двери.

— Ну, что случилось?—спросилъ онъ вошедшаго въ полутемную, низкую комнату еврея—длиннаго, худого, въ надвинутой на лобъ смятой соломенной шляпѣ.

— Ой, что случилось! Такое случилось, чего еще никогда не было!—упавшимъ голосомъ сказалъ онъ.

— Ну, что такое?

— Ой, Лазарь, война будетъ!

— Почему?

— Навѣрное.

— Кто сказалъ?

— Цыперовичъ.

— Въ банкѣ?

— Въ банкѣ.

— Когда будетъ?

— Скоро. Завтра сюда пушки прiѣдутъ.

— Много?

— Тридцать четыре.

— Ты еще дальше поѣдешь?

— Поѣду, до самой границы... уже не далеко.

— Ну, съ Богомъ... торопись, если такъ. Впереди еще нашихъ много. А что изъ К—ны слышно?

— Изъ К—ны? Туда тоже везутъ,—быстро отвѣтилъ Мойша, нахлобучивъ опять свою шляпу, и скрылся за дверьми.

А Лазарь вернулся въ спальню, поставилъ оплывшую свѣчу на столъ и пересохшими губами защепталъ молитву.

На утро все мѣстечко знало, что война неизбѣжна, и всѣми овладѣла тревога. Черезъ два дня эти слухи подтвердились.

Жители мѣстечка никогда не ощущали своего близкаго сосѣдства съ крѣпостью, форты которой обнимали его тѣснымъ кольцомъ со всѣхъ сторонъ.

Заброшенное въ невылазныхъ болотахъ, среди густыхъ лѣсовъ, оно казалось всѣми забытымъ и никому не нужнымъ. Правда, по улицамъ и раньше сновали солдаты, каждую весну и осень стрѣляли изъ пушекъ, отчего вдребезги разлетались стекла, а зыбкая земля тряслась, какъ будто близился конецъ свѣта, но этому никто не придавалъ значенія. Развѣ есть гдѣ-нибудь на свѣтѣ такой городъ, гдѣ не было бы солдатъ съ ихъ веселыми оркестрами и гдѣ не стрѣляли бы изъ пушекъ?

Даже такое учрежденіе, какъ штабъ крѣпости, никого не смущало. Его всѣ знали съ самой пріятной и выгодной стороны, какъ покупателя, который разъ въ годъ заказываетъ сотни пудовъ мяса, капусты, картофеля и прочихъ припасовъ, которые ему черезъ того же Лазаря доставляло все мѣстечко.

Но теперь что-то произошло, отчего вся жизнь перевернулась вверхъ дномъ.

Военнаго оркестра нигдѣ не слышно, всѣ солдаты и офицеры сразу преобразились, и вмѣсто нарядныхъ мундировъ надѣли какія-то сѣро-зеленыя брюки и рубахи. Видъ у всѣхъ озабоченный и очень серьезный.

Даже въ лавкѣ Лазаря стало пусто.

Теперь всѣ видѣли, какъ на разсвѣтѣ большія пѣшія команды уходятъ куда-то далеко впередъ съ лопатами, топорами и пилами, и возвращаются къ вечеру, когда солнце уже сядетъ и надъ комендантскимъ домомъ спускается флагъ.

Мальчишки, которымъ удавалось пробираться слѣдомъ за ними, разсказывали потомъ, что солдаты рубятъ деревья, сваливая ихъ между просѣками, опутываютъ ихъ колючей проволокой, зарываютъ въ землю ящики съ порохомъ, роютъ большія канавы между укрѣпленіями и что-то вымѣриваютъ въ полѣ.

А старая Жучиха, которая каждый день носитъ молоко артиллерійской капитаншѣ, говоритъ, что ей сама барыня разсказывала, будто война уже началась и что нѣмцы скоро придутъ къ мѣстечку.

Эти слухи и разговоры такъ подѣйствовали на всѣхъ, что многіе, взявъ съ собой только самое необходимое, выѣхали въ городъ, бросивъ все остальное въ наскоро заколоченныхъ домишкахъ. Другіе, хотя и пріуныли, но выѣзжать не рѣшались.

И только одинъ Николка Безтрубый не унывалъ во всемъ мѣстечкѣ. Но у него для этого были уважительныя причины: офицерамъ выдали пособія и изъ нихъ немалая доля перепала Николкѣ за криво сшитые кителя и мундиры.

Такъ прошло около мѣсяца, когда на всѣхъ углахъ вдругъ появилось объявленіе коменданта, извѣщавшее, что крѣпость объявлена въ осадномъ положеніи. Съ этого дня запрещалось послѣ девяти часовъ ходить по улицамъ, зажигать огни, пѣть пѣсни. Мѣстечко затихало, какъ вымершее и только чуткое ухо улавливало мѣрные звуки шаговъ—это медленно двигались патрули, всю ночь охранявшіе крѣпость.

Прошла еще недѣля. Въ мѣстечкѣ была все та же тишина. Вдругъ глубокой ночью раздался выстрѣлъ. Все затряслось, задребезжали стекла и въ лѣсу гулко раскатилось эхо.

Лазарь, вскочивъ съ постели, выбѣжалъ во дворъ. Яркій снопъ свѣта, похожаго на лунный, лился откуда-

то сверху, освѣщая крыши домовъ и рѣзкими бликами отражаясь въ прудѣ, начинавшемся у самой его усадьбы.

Этотъ снопъ свѣта, тихо колеблясь изъ стороны въ сторону, плавно подвигался впередъ, огибая мѣстечко по кругу. Въ ту минуту, когда яркій бликъ перешелъ съ поверхности воды на землю и разсыпался мелкими пятнами по чахлому ивняку,—сверкнули два другихъ такихъ же снопа прямо ему наперерѣзъ. Кругомъ стало свѣтло, какъ днемъ. Дальше Лазарь ничего не помнитъ: что-то страшно грохнуло, брызнуло огнемъ, обдало его жидкой грязью, а потомъ все погасло.

Когда онъ очнулся, кругомъ было темно, какъ всегда, и только яркія звѣзды, еле мигая, догорали въ небѣ. Брезжилъ разсвѣтъ. Поднявшись на локоть, Лазарь осмотрѣлся по сторонамъ—кругомъ было тихо. Онъ попробовалъ пошевелить рукой—боли не было. Вытянулъ ноги, потомъ согнулъ ихъ—боли тоже не чувствовалось. Тогда онъ осторожно всталъ, будто прислушиваясь къ собственнымъ движеніямъ, но и на этотъ разъ боли не ощущалось.

— Слава Богу, все хорошо!—прошепталъ онъ и побрелъ въ свою темную спальню.

Только съ разсвѣтомъ онъ замѣтилъ, что вода изъ пруда ушла куда-то влѣво и залила огородъ солдатки Матрены.

— Вѣрно, въ самый прудъ попало,—рѣшилъ онъ и успокоился.

Прошло еще нѣсколько дней.

Команды солдатъ уже давно не выходили на работы впереди крѣпости, но и въ мѣстечкѣ ихъ не было видно. Жучиха больше не ходила въ казармы, такъ какъ ея капитанша переѣхала въ мѣстечко, и Лазарь рѣшительно не зналъ, что дѣлается тамъ, куда невольно влекло общее вниманіе.

Въ эти дни урядникъ, въ свое время служившій ротнымъ писаремъ, былъ для него единственнымъ утѣшеніемъ.

— Ну, что слышно?—спрашивалъ его Лазарь, пытливо всматриваясь поверхъ очковъ въ его осунувшееся и поблѣднѣвшее лицо.

— Ждутъ,—рѣшительно отвѣчалъ урядникъ.

— Нѣмцевъ?

— Нѣмцевъ.

— А развѣ они сюда и всѣ придутъ?—спрашиваетъ Лазарь, вспоминая о Цеппелинѣ.

— Обязательно.

— А почему бы имъ и не пойти мимо?

— Никакой возможности нѣтъ. Потому, ты пойми: кругомъ, сколько глаза хватаетъ, сырость одна, а на ней лѣсъ. Только и есть пути, что черезъ насъ.

— А вы-таки думаете, что нѣмецъ обязательно захочетъ идти въ Польшу?

— Ему нельзя не идти! Наши-то, небойсь, какъ у нихъ стояли, все дочиста по ихнимъ дворамъ пріѣли. Теперь и выходитъ, что имъ непремѣнно къ намъ идти надо.

— Значитъ, вы думаете, что здѣсь будетъ настоящее сраженіе?

— Сраженіе въ полѣ бываетъ, а тутъ будетъ осада,—дѣловито замѣтилъ урядникъ.

— А какая вамъ разница?

— Конечно, помирать-то все равно гдѣ, а только осада совсѣмъ на сраженіе не похожа. Въ полѣ—станутъ другъ противъ друга и лѣзутъ—чья возьметъ, а въ крѣпости не то: обсядутъ ее со всѣхъ сторонъ и палятъ, и палятъ, пока она совсѣмъ не порушится, а какъ порушится, тогда брать идутъ.

Но Лазарь уже не слушалъ. При одной только мысли о возможной осадѣ ему становилось не по себѣ.

На батареѣ № 2 было особенно жарко.

Уже третій день подъ рядъ шло артиллерійское состязаніе.

Моросилъ дождь, и въ пропитанномъ сыростью воздухѣ глухо раздавались отдѣльные выстрѣлы, а въ промежуткахъ слышались отрывистыя команды.

— Первое!—командовалъ офицеръ.

— Орудіе!—громко отвѣчалъ наводчикъ.

Грохотъ выстрѣла далеко отдается въ лѣсу.

— Недолетъ,—поправляетъ офицеръ изъ наблюдательной будки по телефону.

Небольшая пауза и снова команда:

— Второе!

— Орудіе!

— Хорошо!—бодро кричитъ наблюдатель.

— Батарея!..

И оглушительный залпъ шести орудій быстро отмѣчаетъ удачную пристрѣлку, и нѣмцы на нѣкоторое время смолкаютъ.

Второй залпъ, третій, четвертый... Въ бинокль видны огромныя брызги взрытаго болота, видно какое-то движеніе. На утро нѣмецкіе снаряды летятъ откуда-то сбоку.

Но ихъ ждали: послѣ нѣсколькихъ залповъ люди скрылись въ казематахъ, а справа, съ сосѣдняго форта, посыпались новыя «очереди» разрушительныхъ бомбъ.

Время отъ времени гдѣ-нибудь крикнутъ:

— Носилки!

Выбѣгутъ санитары, уложатъ раненаго и скоро, осторожнымъ шагомъ, унесутъ его въ казематъ.

Нѣсколько разъ вызывали саперъ—чинить перебитый телефонный кабель. И они ползкомъ лѣзли впередъ, нащупывали въ травѣ оборванные концы, сращивали ихъ и, улучивъ минуту затишья, такъ же ползкомъ возвращались назадъ.

Нѣмцы вели свой обстрѣлъ, какъ на полигонѣ. Каждыя четверть часа на фортъ падалъ снарядъ.

Съ глухимъ жужжаніемъ проносились стальныя бомбы надъ головами защитниковъ; съ оглушительнымъ трескомъ онѣ разрывались, ударившись о стѣнку или крышу каземата. Сѣрые осколки бетона, тонкіе, слоистые, съ острыми краями, далеко разлетались по сторонамъ, обдавая солдатъ крупными зернами пыли.

Деревянное мѣстечко нѣсколько разъ загоралось и приходилось посылать пожарную команду разбирать пылавшіе срубы и заливать обгорѣлыя бревна.

Всѣ улицы пусты. Тѣ немногіе жители, которыхъ осада застала въ мѣстечкѣ, попрятались въ подвалахъ и тамъ коротали свои полные ужаса дни, только ночью выползая наружу подышать свѣжимъ воздухомъ. Лазаря нигдѣ не было видно.

На разсвѣтѣ пятаго дня въ штабѣ крѣпости по безпроволочному телеграфу была получена депеша: «Наша обходная колонна успѣшно совершила движеніе и дѣйствуетъ на сообщенія противника, стоящаго передъ крѣпостью».

Содержаніе телеграммы было немедленно передано на всѣ форты и батареи.

Въ этотъ день работа у орудій шла съ особеннымъ напряженіемъ.

— Нѣмцы уходятъ...

И снаряды десятками сыплются на линію обложенія.

Но нѣмцамъ не до того—они, дѣйствительно, уходятъ.

Въ эту ночь жители мѣстечка, вылѣзшіе изъ подваловъ на воздухъ, впервые послѣ двухнедѣльнаго перерыва, видѣли, какъ солдаты длинными колоннами, съ пушками и пулеметами потянулись изъ крѣпости.

— Зачѣмъ они уходятъ?—съ тревогой спрашивалъ Лазарь.

— Ежели впередъ, значитъ, на нѣмцевъ,—спокойно отвѣчаетъ урядникъ.

— Можетъ быть, нѣмцы уже и стрѣлять не будутъ?

— Не будутъ,—соглашается урядникъ.

И обрадованные пріятели рѣшили спать эту ночь не въ подвалѣ, а въ домѣ.

На позиціи.

День выдался теплый и солнечный.

На позиціи тишина. Ни одного выстрѣла. Наблюдатели зорко смотрятъ черезъ бойницы за «фрицемъ».

— Что видать?—спрашиваетъ взводный, на ходу повѣряя посты.

— Чай пьютъ...

— Кто?

— Нѣмцы.

— Гдѣ?

— А вотъ у стога, полѣвѣй халупы.

Дѣйствительно, черезъ бойницу, какъ въ стереоскопѣ, видна внутренность участка нѣмецкой позиціи. У околицы деревни стоитъ почернѣвшій сарай. Уголъ его разобранъ и заткнутъ соломой.

— Вчерась этой соломы-то не было...

— Какой?

— А у сарая-то, на углу...

— Не было.

— Ишь, черти, разрыли уже!

— Такъ что?

— Какъ, что? Не иначе, какъ пулеметъ поставили.

Лѣвѣе сарая видѣнъ стогъ немолоченой ржи. А подъ

нимъ цѣлая куча сѣрыхъ мундировъ. Въ бинокль, взятый у пулеметчика, видно даже, какъ одинъ нѣмецъ, стоя посреди круга, что-то разсказываетъ, прихлебывая изъ бѣлой кружки.

— Ахъ, язви его душу!—ругается сибирякъ при видѣ этой картины. А самъ идетъ къ телефону «просить у артиллеристовъ горошку»...

— Пущай поѣдятъ, съ чайкомъ-то...

Артиллерія тотчасъ же посыпаетъ стогъ шрапнелью.

На лѣвомъ флангѣ окопы сходятся такъ близко, что наши и нѣмцы не только свободно видятъ другъ друга, но даже слышатъ громкій разговоръ.

Когда саперы приходили укрѣплять позицію, офицеры смѣялись:

— Гдѣ же вы проволоку-то поставите?

— А что?

— Да ужъ очень близко...

— Какъ-нибудь придумаемъ.

— Остается одно: позвать сюда нѣмецкаго сапера и съ нимъ сговориться ставить ее участками, пополамъ.

На дѣлѣ вышло, разумѣется, иначе. Постановка проволоки свелась къ тому, что обѣ стороны мѣшали другъ другу ее ставить.

И проволоки не было.

У стрѣлковъ тоже постоянная борьба съ нѣмцами. Разстояніе между окопами такое, что изъ винтовки можно попасть въ самую бойницу. Вопросъ въ томъ, кто первымъ займетъ линію этихъ черныхъ, зіяющихъ дыръ. А когда онѣ заняты, противнику остается только прятаться подъ козырькомъ и не показывать носа.

Пуля въ лобъ обезпечена.

Передъ вторымъ батальономъ на позиціи нѣмцевъ небольшой садъ.

На разсвѣтѣ видимъ, что деревья неистово качаются. А кругомъ тишина.

— Наблюдателя сажаютъ на день,—говоритъ кто-то изъ солдатъ.

Не успѣлъ сказать, какъ съ дерева затрещало ружье-пулеметъ. Пули такъ и посыпались по окопу, влипая въ его тыльную отлогость.

— Эй, Борзенковъ, стаскивай-ка и ты чехолъ съ пулемета. Пущай онъ воздухомъ подышитъ.

— Стрѣлять?

— Ну да!

— А куда?

— Чучело, куда! По деревамъ!

Борзенковъ расправляетъ кости, разминается послѣ тѣснаго блиндажа и идетъ къ пулемету.

Та-та-та-та... Только гулъ пошелъ.

— По-сы-пались!—кричатъ солдаты, видя, какъ нѣмцы падаютъ съ дерева.

— Турманомъ пошелъ...

— Держись, фрицъ, за землю!

А Борзенковъ опять надвинулъ чехолъ и полѣзъ въ блиндажъ.

Изъ березовой рощи, занятой нѣмцами, каждое утро слышенъ барабанъ.

— Учится, подлецъ... Ратниковъ пригналъ и теперь подтягиваетъ.

Артиллерія открываетъ огонь, и барабанъ умолкаетъ.

На утро то же самое.

— Ишь, подлецъ, удержу на него нѣтъ!

Снова осыпаютъ рощу шрапнелью и снова воцаряется тишина.

— Дѣлать ему нечего... Ученье затѣялъ,—ворчатъ солдаты.—Мы те дѣло найдемъ!

И въ первую же ночь приступаютъ къ работѣ.

Строятъ ложныя батареи, раскидывая вѣеромъ по всему фронту. А въ полуразбитой деревнѣ, гдѣ не показывается душа, надѣлали чучелъ и разставили ихъ по деревьямъ, у угловъ халупъ. Получается впечатлѣніе, что здѣсь идетъ накапливаніе.

Нѣмецкій аэропланъ, пролетая, забросалъ всю деревню блестками, показывая этимъ, что она сильно занята. Нѣмцы открыли по ней орудійный огонь.

— Ишь, какъ взялъ въ оборотъ! Обижается.

— Пущай потратится... А то, вишь, что придумалъ— ученье...

— Даромъ, думаешь, ему наука-то дается...

Начинается артиллерійскій обстрѣлъ окоповъ.

— Эй, тамъ, которые гдѣ заболтавши, лѣзь по блиндажамъ!—кричитъ фельдфебель, красный отъ загара, какъ хорошая кастрюля.

Въ блиндажѣ тѣсновато.

— Тише ты, лѣшій, чего егозишь!..

— Тутъ санитаръ влѣзъ...

— Чего ему надо?

— Да такъ... До своей-то землянки не добѣгъ...

— Прикрыло?

— Ладно, самого какъ бы не кинуло.

Снаряды ложатся у самыхъ окоповъ.

— Ишь, кроетъ!

Завыли осколки.

— О, Господи! Никакъ въ насъ?—крестится бородачъ ратникъ.

— А ты думалъ, въ кого же? Въ батюшку, что ли?

— Зачѣмъ...

Бумъ!.. Снова завыли осколки.

— Ишь, какіе подбрасываетъ...

— Сроду не видалъ?

— Гдѣ же ее увидишь?

— На базарѣ не продаютъ.

Бумъ! Бумъ!

— Во, кучами валяетъ!

— Эхъ, дурной! Самъ ты куча... Очередью!

— То же сказалъ—очередью... Это называется бѣглый!..

Бумъ! Бумъ! Бумъ!

— Тьфу, ты, пропасти на тебя нѣтъ! Все небо дымомъ застлалъ...

— Сиди знай! Твое дѣло маленькое.

— Извѣстно, маленькое... Насъ не касаемо.

— А чего же наша-то молчитъ?

— Стало быть, не для ча ей и разговаривать.

— Неушто у пушки-то твой языкъ? У нея зря не качается...

Бумъ! Бумъ!

— Зарядилъ, чортъ!

— Таперь до вечера... хучь спать ложись...

— Заснешь, какъ разъ.

Бумъ! Бумъ!

— Онъ те погладитъ... соннаго-то...

Надъ нѣмецкими окопами показывается змѣйковый привязной аэростатъ.

— Глядико-сь, робя, нѣмцамъ черти муку посылаютъ!

— Вона, чертей на небо посадилъ! Эхъ, ты, перомской!

— Муки не видалъ!

— Зачѣмъ... У насъ мука есть... Чего зря...

Надъ головой просвистѣла шрапнель.

— Это куда же?
— Куда, по колбасѣ.
— О-о? Нешто ему чего будетъ?
— Еще какъ будетъ-то!
Шаръ, подъ обстрѣломъ, начинаетъ опускаться.
— Гляди, гляди, вишь, къ низу пошелъ!
— Пойдешь...
— По чему же онъ пошелъ-то?
— По веревкѣ...
— О-о? Нешто онъ на привязи?
— А то на чемъ же?.. Воздухомъ-то его бы давно уперло.
— Ну, и чудно!
— Ничего и чудного тутъ нѣтъ. Дѣло самое обыкновенное.
— Дяинька, а на емъ, что же, и человѣкъ сидитъ?
— А то какъ же? Сидитъ и глядитъ.
— О-о!.. и видать?
— Извѣстно, видать... Захотитъ и тебя увидитъ.
— Песъ съ имъ, коли такъ.
Молодой лѣзетъ подъ козырекъ. Кругомъ хохотъ.

На позиціи произошла какая-то перемѣна.

На тѣхъ участкахъ, гдѣ до сихъ поръ можно было ходить открыто даже среди бѣла дня, при малѣйшемъ шорохѣ свистали пули. И наоборотъ: былъ участокъ, гдѣ въ промежуткѣ между двумя бѣлыми халупами буквально нельзя было показаться. Весь промежутокъ, шаговъ въ пятьдесятъ, засыпали пулями, не жалѣя ихъ даже для отдѣльныхъ людей. Группы же обстрѣливали изъ пулемета. Но теперь здѣсь была мертвая тишина.

Очевидно, нѣмцы смѣнились.

Для выясненія обстановки было приказано произвести развѣдку и во что бы то ни стало захватить плѣнныхъ, по возможности, съ каждаго боевого участка.

Цѣлыя ночи просиживали развѣдчики въ засадахъ, шарили все пространство передъ своими окопами, вплоть до непріятельской проволочной сѣти, но плѣнныхъ захватить не могли.

Нигдѣ ни одного нѣмца не было. Всѣ они робко жались за своей проволокой и впередъ не показывались ни на шагъ.

Пробовали пролѣзать за проволоку, чтобы вытащить какъ-нибудь зѣваку-часового изъ окопа, но это тоже не удавалось. При первомъ же прикосновеніи ножницъ къ проволокѣ въ нѣмецкомъ окопѣ неистово трещалъ звонокъ, взлетали кверху ракеты и по всему фронту поднималась бѣшеная ружейная трескотня, въ которой иногда принималъ участіе и пулеметъ.

Измученные, обозленные уходили развѣдчики со свѣтомъ на отдыхъ, но не падали духомъ, надѣясь какъ-нибудь изловчиться и поймать хоть одного проклятаго нѣмца.

Окончивъ на разсвѣтѣ работы въ окопахъ, саперы отходятъ «въ свою деревню». Усталые, полусонные, они бредутъ по дорогѣ, изрѣдка обмѣниваясь отрывочными замѣчаніями:

— Развѣдчики сегодня опять ходили...

— Привели?

— Какъ же, приведешь его...

— Онъ за проволокой сидитъ...

— Боится...

— А здорово мѣшаютъ намъ эти развѣдчики!

— Чего?

— Да полѣзутъ ему подъ самый носъ, а онъ, конечное дѣло, крысится...

— И палитъ.

— А ему тоже, какъ не палить? Посади тебя, тоже запалишь...

— Оно конечно, а только...

— Чего только?

— Работать не такъ способно.

— А по мнѣ все равно,—равнодушно замѣчаетъ каптенармусъ.

— Тебѣ-то еще бы не все равно: твое дѣло какое? Раздалъ инструментъ и пошелъ спать въ блиндажъ. А ты бы вотъ впередъ пошелъ, колья бить!..

Разговоръ, начинавшій уже переходить на личныя темы, вдругъ оборвался командой ротнаго:

— Головное звено ко мнѣ!

Пять саперъ съ ефрейторомъ бросились къ командиру, шедшему шаговъ на триста впереди.

Прямо передъ командиромъ, въ сѣро-синихъ шинеляхъ, съ поднятыми кверху руками, стояли два австрійца.

— Попались, голубчики!

— Веди ихъ, братцы, къ дому.

Австрійцевъ повели.

— Мы вышли,—говоритъ драгунъ Карлъ Янгкъ,—изъ своихъ окоповъ три дня назадъ. Насъ было шестеро. Два унтеръ-офицера, одинъ изъ нихъ здѣсь со мною въ плѣну. Намъ было приказано пройти къ русскимъ окопамъ, снять ихъ и къ разсвѣту вернуться. Мы отправились. Ночь была темная и, укрываясь въ канавахъ и прячась за деревьями, мы удачно подошли къ окопамъ и даже нащупали небольшой промежутокъ между ними.

— Всѣ шестеро?

— Нѣтъ, только двое. Остальные четверо отдѣлились раньше и пошли по другому направленію.

Войдя въ промежутокъ, мы пошли прямо передъ собой, но, пройдя метровъ 600, сбились съ дороги. Начинало свѣтать. Боясь нарваться на русскихъ, мы зарылись въ ближайшую скирду ржи и провели здѣсь весь день, въ

теченіе котораго ничего не ѣли и не пили. Съ наступленіемъ темноты, мы вышли изъ скирды и рѣшили идти назадъ.

— Какъ же вы оріентировались?

— Мы оба запомнили, что промежутокъ въ русскихъ окопахъ лежитъ на серединѣ разстоянія между нашими промежутками. Но въ эту ночь намъ не везло: свѣтилъ только одинъ прожекторъ, и мы никакъ не могли опредѣлить, куда намъ идти—вправо или влѣво. Проблуждали всю ночь, все время натыкались то на ваши окопы, то на тыловыя заставы, и, наконецъ, рѣшили попытать счастья на слѣдующую ночь. Скирду свою мы тоже потеряли. Приходилось искать новое убѣжище. Нашли въ полѣ картофельную яму и залѣзли въ нее. Просидѣли здѣсь опять цѣлый день. И опять не ѣвши. Ночью снова вышли наружу, но на этотъ разъ намъ еще больше не везло, чѣмъ наканунѣ.

— Почему?

— Прожекторы вовсе не работали. А по тѣмъ ракетамъ, которыя бросали нѣмцы, оріентироваться было совершенно невозможно. Опять проблуждали всю ночь, а на разсвѣтѣ... насъ взяли саперы...

Другой австріецъ ничего не разсказалъ. Онъ только подтвердилъ слова своего товарища и сказалъ два слова о себѣ:

— Я доброволецъ того же полка и эскадрона, что и Карлъ Янгкъ.

— Доброволецъ? Чѣмъ же вы занимались до службы?

— Я артистъ.—И по его интеллигентному лицу, съ небольшой русой бородкой, скользнула улыбка. Ему, видимо, стало неловко.

— Какого театра?

— Вѣнскаго драматическаго. Это одинъ изъ лучшихъ театровъ въ Европѣ, не безъ гордости добавилъ онъ, въ видѣ поясненія.

— Я знаю.

Доброволецъ опять сконфуженно улыбается.

— Ваша фамилія?

Молчитъ. Повторяю вопросъ, но онъ снова молчитъ.

— Вы не хотите называть себя?

— Мнѣ неудобно...

— Отчего? Вы могли бы извѣстить своихъ близкихъ, я вамъ въ этомъ помогу, чѣмъ сумѣю.

— Благодарю васъ... Но моя фамилія слишкомъ крупно печатается на афишѣ, чтобы ее можно было называть въ плѣну...

Мнѣ показалось, что при этомъ онъ даже покраснѣлъ. Допросъ кончился. Плѣнныхъ напоили чаемъ, что для нихъ было очень кстати. Здоровенный, краснощекій Янгкъ отдалъ должную честь и нашему солдатскому хлѣбу и чаю, съ неизмѣннымъ запахомъ дыма отъ непрогорѣвшаго костра.

Къ вечеру во всѣ части, по обыкновенію, разсылалась новая сводка свѣдѣній о противникѣ и боевыхъ дѣйствіяхъ на фронтѣ дивизіи. Въ сводкѣ, между прочимъ, сообщалось, что «около шести часовъ утра, въ штабъ дивизіи доставлены два австрійца, взятые въ плѣнъ командиромъ саперной роты. При опросѣ плѣнные показали, что они принадлежали ко второму драгунскому полку, расквартированному, въ мирное время, въ Вѣнѣ. До настоящаго времени полкъ работалъ въ Галиціи, гдѣ понесъ серьезныя потери. При переброскѣ на нашъ фронтъ, полкъ прослѣдовалъ черезъ Вѣну, гдѣ получилъ пополненіе людьми, конскимъ составомъ и обновилъ матеріальную часть. Въ настоящее время полкъ снова серьезно пострадалъ и содержитъ едва треть штатнаго состава. Въ пѣшемъ строю, имѣя коноводовъ въ двѣнадцати верстахъ сзади, полкъ занимаетъ позицію у дер. П...це, входя въ составъ отряда генерала Г...са».

Дальше слѣдовали указанія, кто стоитъ вправо, кто расположенъ лѣвѣе, гдѣ находятся батареи, резервы и обозы противника.

Прочитали эту сводку въ полкахъ и посмѣялись.

— Никакого порядка нѣтъ у этихъ австрійцевъ: не знаютъ даже, кому и въ плѣнъ надо сдаваться!

А ретивые развѣдчики поддразниваютъ:

— И пошлетъ же Богъ такую благодать, кому не надо...

Ночные огни.

Только съ сумерками пересталъ моросить дождь, зарядившій съ самаго разсвѣта. Дороги разбухли, кругомъ мокрота, слякоть, лужи. Даже костра нельзя разжечь изъ-за сырости.

Кругомъ непроглядная тьма.

Въ окопахъ молчаніе. Позиція новая, только вчерашней ночью занятая съ боя. Откуда-то «тянетъ» трупомъ, вездѣ обрывки одежды, обломки и неизбѣжныя у нѣмцевъ бутылки...

Ждутъ удара. Едва ли нѣмцы сразу примирятся съ потерей такого большого участка. Но пока у нихъ тихо. И это даетъ поводъ надѣяться на отдыхъ. Передъ атакой у нихъ былъ бы пьяный говоръ, бравурныя пѣсни.

Тѣмъ не менѣе взводные то и дѣло снуютъ по окопамъ, «подбадривая» наблюдателей.

— Носъ-то погоди вѣшать... гляди!

— Чего глядѣть-то? не видать ничего.

— Слушай, коли такъ...

— А какъ его услышишь?

— Какъ! Зазвонитъ банка на проволокѣ, стало быть, онъ тутъ и есть...

Кое-гдѣ, на мѣстахъ отмѣченнаго обстрѣла, возня.

— Тащи, тащи чехолъ-то, на себя возьми. Э-э, нескладный какой! До сихъ поръ пулеметъ въ чехлѣ держитъ. Нешто можно: чуть стемнѣло, сейчасъ съ него и чехолъ долой!

Гдѣ не успѣли хорошенько усовершенствовать окопы,— принимаются за работу. Изъ ближней деревни тащатъ балки, доски, рубятъ деревья.

— А, чортъ, не ухватишь ее, подлую... Осклизла вся,— ругается кто-то впотьмахъ, поднимая изъ грязи свалившуюся съ плеча балку.

— Поднялъ, что ли? Дождешь, пока изъ пулемета дунетъ. Оралъ бы громче...

Кое-какъ балку подняли и понесли.

Гдѣ-то вправо послышался стукъ. Какъ будто поѣздъ идетъ. Почти въ то же время прямо передъ фронтомъ взлетѣла ракета. Съ легкимъ шипѣніемъ въ воздухѣ взвивается зеленовато-бѣлый шаръ, описывая крутую дугу... Падая, онъ освѣщаетъ все кругомъ, шаговъ на пятьдесятъ, какъ будто бенгальскимъ огнемъ. Потомъ—легкій трескъ, и все гаснетъ.

Послѣ этой вспышки, ночь кажется еще чернѣе, чѣмъ раньше. Но во мракѣ уже взвивается новая ракета.

— Раскидался...

— Сколько онъ денегъ на этихъ ракетахъ даромъ расшвыряетъ.

— Да-а...

— Ежели по полтиннику штука класть... Такъ онъ ихъ за ночь-то сколько пуститъ?

— Небойсь, онъ не глупѣе тебя... Дорогого не кинетъ.

— А чего-это у нѣмцевъ тарахтитъ?

— Гдѣ?

— Вонъ, послушай...

Всѣ притихли. Напряженный, уже выработанный мѣсяцами войны, чуткій слухъ ясно улавливаетъ стукъ тяжелыхъ колесъ.

— Не то моторъ, не то поѣздъ...

— А оказываетъ такъ, что будто гдѣ близко стучитъ...

— Чего близко? Можетъ, и далече, только здорово.

— Кто его знаетъ... Надо, вотъ, дойти, ротному сказать.

Мракъ все сгущается.

Крутыя траекторіи ракетъ, надолго сохраняемыя глазомъ, погруженнымъ въ непроглядную тьму, даютъ въ мозгу яркое очертаніе нѣмецкаго фронта.

Узкое шоссе, разрѣзающее нашъ фронтъ пополамъ и убѣгающее «туда», къ нѣмцамъ, совершенно потонуло въ грязи и потемкахъ. По немъ съ шумомъ идетъ тяжелый грузовикъ.

— Чего-то везутъ...

— Тебѣ гостинцы пріѣхали.

— Зачѣмъ?.. Я вѣрно говорю...

— А я что же, шучу, что ли?

Близко упавшая ракета заставляетъ спорящихъ прыгнуть въ окопъ.

— Ишь, нехристи... Костей расправить не дадутъ. Надо ихъ попужать.

Темная фигура подходитъ къ бойницѣ, выравниваетъ винтовку и пускаетъ пулю наугадъ. Рѣзко звучитъ одиночный выстрѣлъ.

— У кого тамъ языкъ за зубами не держится?!—кричитъ взводный.

Вмѣсто отвѣта, съ нѣмецкой стороны, разрѣзая наискось линію нашихъ окоповъ, тянется холодный лучъ прожектора. Дрожащая лента лиловатаго свѣта, какъ будто разматываясь съ какой-то черной катушки, тянется все глубже, глубже...

Въ окопахъ всѣ спрятались подъ козырьки, а въ тылу—залегли на промокшую землю.

Лучъ погасъ. Но тотчасъ вспыхнулъ новый, съ другой стороны. Откуда-то сверху, будто съ вышки, протянулъ онъ свои щупальцы и шаритъ ими по всей позиціи.

Сзади, на шоссе, снова зашумѣлъ моторъ.

Опять тьма. Говорить никому не охота: только разговоришься, захочется вылѣзть изъ окопа, а тутъ-то тебя и поймаетъ свѣтящее чудовище.

Но нѣмцы не удовлетворены.

Проходитъ около четверти часа, и снова широкая полоса лиловатаго свѣта ползетъ по ближайшему тылу окоповъ.

Ползетъ, ползетъ и вдругъ замираетъ... Передъ ней, прямо на перерѣзъ, горитъ холоднымъ, ослѣпительно-бѣлымъ свѣтомъ, лучъ нашего прожектора. Образовалась свѣтовая завѣса, пройти которую нѣтъ возможности.

Врагъ пойманъ. Теперь съ артиллерійскаго наблюдательнаго пункта ясно виденъ вражескій прожекторъ... Пойманный лучъ, суживаясь вдаль, сходится въ яркій кружокъ: это рефлекторъ.

— Бѣглый! На ударъ...

Засвистѣли снаряды. Лучъ погасъ.

— Потушили нѣмецкую лампу.

— Нѣтъ... Едва ли... Должно, самъ загасилъ...

— Онъ, братъ, тоже понимаетъ, когда ему всыпать могутъ.

Въ напряженномъ ожиданіи проходитъ около получаса. Нѣмцы не свѣтятъ. Только безъ удержу бросаютъ ракеты.

Нашъ прожекторъ, поднявшись на вышку, бросаетъ свой лучъ, по направленію страннаго стука. Быстро, какъ отпущенная стальная пружина, прыгаетъ впередъ свѣтовая волна, властно разрѣзая тьму.

Лучъ гаснетъ, а надъ головами несутся новыя очереди снарядовъ.

— О-о! тяжелые пошли!..

Издалека доносятся взрывы.

— Долетѣли!

— Дай, Господи!

— А въ кого это они туда?

— Кто же ихъ знаетъ?

— Сказываютъ, у нѣмцевъ поѣзда тамъ ходятъ.

— Нешто тамъ желѣзная дорога есть?

— Значитъ, построили.

— Въ одну недѣлю-то?

— А то что же?

— А рельсы у него гдѣ? Что, онъ ихъ въ карманѣ, что ли, носитъ?

— Да я-то почемъ знаю?.. Чего вы ко мнѣ пристали? Хочешь узнать, пойди, да у него и спроси!

Но споривший былъ правъ. У нѣмцевъ, дѣйствительно, ходили поѣзда безъ рельсовъ, съ паровозами-рутьерами. Въ лучѣ прожектора были ясно видны и самые паровозы и вагонетки. Теперь задача тяжелой артиллеріи—разворотить какъ можно глубже шоссе. А по проселку рутьеры не пройдутъ.

И снаряды летятъ очередь за очередью.

— Занялись тяжелые...

— А то какъ же? Каждый человѣкъ свою службу справлять долженъ.

Стрѣльба, очевидно, причиняетъ нѣмцамъ не мало хлопотъ. Ихъ прожекторы нервно мечутся своими лучами по фронту. Очевидно, они думаютъ, что наши батареи подъѣхали ближе, и хотятъ ихъ найти. Но ихъ снова отбиваютъ лучомъ, преграждающимъ доступъ любопытному глазу къ военнымъ тайнамъ.

— И что это у него за страсть, за такая, у нѣмца! Чуть потемнѣло и почнетъ ракеты кидать.

— Пускай швыряетъ. Онѣ, сказываютъ, марку стоятъ.

— Опять же и намъ свѣтитъ.

— Да-да... Особливо, когда луны нѣтъ. Того и гляди въ окопѣ носъ съ носомъ соткнешься... А какъ посвѣтитъ ракетой, все и видать.

Начальство, разумѣется, было другого мнѣнія объ этихъ ракетахъ, которыхъ нѣмцы выбрасываютъ, дѣйствительно, огромное количество.

Изъ всѣхъ солдатскихъ сужденій оно раздѣляетъ только одно. Когда нѣмцы бросаютъ ракеты, можно быть увѣреннымъ, что они въ атаку не пойдутъ. Напротивъ, тогда они сами боятся нашей атаки. Въ этомъ и смыслъ ихъ бросанія. За то каждое наше движеніе впереди окопа имъ видно. Каждое наше поползновеніе къ активности ими обнаруживается. И этому нужно во что бы то ни стало помѣшать.

— Надо бы намъ что-нибудь въ этомъ родѣ завести,— говорили между собой офицеры. Съ этимъ же они пристаютъ и къ саперамъ, когда они появляются въ окопахъ для оборонительныхъ работъ.

— Неужели у васъ нѣтъ ракетъ?

— Не безпокойтесь, скоро увидите... Почище нѣмецкихъ.

— Хотя бы такихъ-то дали.

— Это же дрянь. Обыкновенный бенгальскій огонь и больше ничего.

— А какъ бросаютъ ловко!

— Тоже чепуха. Срѣзаютъ стволъ охотничьяго ружья и вдѣлываютъ въ колодку. Получается пистолетъ. Изъ него и стрѣляютъ. У насъ будетъ лучше устроено.

— А когда?

— Да вотъ, когда надо будетъ въ атаку идти или въ усиленную развѣдку, такъ и запустимъ.

— А уже получили ракеты?

— Сколько хотите...

Въ штабѣ дивизіи уже третій день получаются донесенія, что на правомъ флангѣ, на самомъ берегу глубокаго озера, нѣмцы развиваютъ усиленную дѣятельность.

Цѣлыя ночи они роютъ землю, усиливаютъ свои окопы. Слышали даже, какъ по дну рва своихъ окоповъ они проволокли пулеметы. Развѣдчики говорятъ, что они особенно усердно укрѣпляютъ двухъэтажное каменное зданіе школы, ставя здѣсь пулеметы для обстрѣла во флангъ подступовъ по всему правофланговому участку своей позиціи.

— Можетъ ли это быть?—спрашиваетъ генералъ.

— Почему же нѣтъ?

— Мы же можемъ разнести этотъ домъ артиллеріей.

— Это связано съ рискомъ,—замѣтилъ командиръ артиллерійскаго дивизіона.

— Почему?

— Разстояніе между окопами здѣсь не свыше полутораста шаговъ... Разсѣиваніе снарядовъ можетъ оказаться очень неблагопріятнымъ для насъ же...

— Гмъ! А подорвать его нельзя?

— Проще сжечь, ваше пр—во...

— Чѣмъ?

— Ракетой...

— Беретесь? Пробуйте...

Вечеромъ противъ злополучнаго дома копошились саперы.

— Никакъ астролюбію принесли?

— Это станокъ.

— А далеко стрѣляетъ?

— Далеко... Можно больше чѣмъ на версту бросить...

— Скажите, пожалуйста... Какъ настоящее орудіе...

— А гдѣ у васъ ракеты?

— Лежатъ у окопа.

— Эти огромные цилиндры?

— Ну да...

— Съ хвостами?

— Да. Вотъ, увидите, какъ полетитъ. Будутъ довольны ваши пріятели...

Въ поворотѣ окопа, за траверсомъ установили станокъ.

— Ну, теперь наводи.

— Какъ есть, орудіе,—ухмыляются стрѣлки.

— А то что же... Давай-ка ракету!

Двое саперъ поднесли толстый цилиндръ, съ длиннѣйшимъ деревяннымъ хвостомъ.

— А это для чего?

— Правѝло, чтобы, значитъ, не вихлялось... Летитъ-то, чай, далеко... Долго ли тутъ до грѣха?..

— Ну, что же, готово?

— Такъ точно.

— Ну, разойдись, молодцы... Подпаливай...

— Куды ее подпаливаютъ-то?—любопытствуютъ стрѣлки, на всякій случай отступая отъ станка, какъ отъ невидали.

— Куды? Извѣстно, подъ хвостъ.

— О, братъ!.. Это ужъ вѣрно, что полетитъ!

Вспыхнулъ огонекъ и всѣ, кто стоялъ рядомъ, отпрянули назадъ. Такимъ сильнымъ и неожиданнымъ оказался эффектъ. Съ дикимъ воемъ и ужасающимъ, рѣзкимъ свистомъ взвилась кверху ракета.

— Ишь, будь ты неладна!

— Ровно вѣдьма, летитъ!

— Ну, и завыла... пропасти на нее нѣтъ!

Сухой трескъ оборвалъ эту брань. Долетѣвъ до нѣмецкихъ окоповъ, ракета разорвалась и разсѣялась десятками фосфорически-бѣлыхъ свѣтящихъ шариковъ.

Стало свѣтло, какъ днемъ.

— О, братъ, ну и ракетина!

— Свѣтитъ-то, свѣтитъ-то!

— Язви ее!..

Ротный командиръ оживился.

— Еще пустите?

— Сколько хотите...

— Я изъ пулемета буду стрѣлять.

— По комъ?

— Должны же они завозиться отъ такой штуки, или нѣтъ?

Вторую ракету уже привѣтствовали.

На свѣтломъ пятнѣ освѣщенной ею внутренности нѣмецкой позиціи сразу показались группы солдатъ, выскочившихъ отъ неожиданности изъ всѣхъ щелей.

Послѣ третьей и четвертой ракетъ у нѣмцевъ окончательно поднялся переполохъ. Видно было, какъ они метались отъ одного дома къ другому, бѣгали...

Ихъ взбрызнули изъ двухъ пулеметовъ. Ракеты погасли и снова воцарилась тишина.

Слѣдующая ракета угодила прямо на деревянную крышу школьнаго зданія.

— Попали, попали!—закричали стрѣлки, видя, какъ занимаются доски.

— Капутъ теперь нѣмцу!

— Къ бойницамъ, всѣ, живѣй! Пачки!

Затрещали винтовки. И не даромъ. Откуда-то на смѣну «скошеннымъ» лѣзли новыя кучи нѣмецкихъ солдатъ, топтались у горящаго зданія, силясь его потушить.

Но теперь ракета летѣла за ракетой и, пользуясь ихъ свѣтомъ, наши пулеметы непрерывно отбивали свою частую дробь. Къ дому нельзя приступиться. Подхваченный вѣтромъ, огонь разгорѣлся и, объявъ всю внутренность зданія, выбивался изъ него широкими, волнующимися языками.

— Крышка ему теперь!

— Все хозяйство попортили...

— На всю ночь нынче свѣту хватитъ. И лучины жечь не надо. Нѣмецъ на казенный счетъ свѣтитъ.

Ночные гости.

I.

Цѣлый день шелъ бой. Вся дорога къ деревнѣ, въ которой засѣли нѣмцы, и по которой пришлось наступать нашей пѣхотѣ, изрыта снарядами. Трупы, раненые, убитыя лошади лежатъ по обѣимъ сторонамъ, среди огромныхъ пятенъ крови, еще не впитанной глиной.

Теперь тихо. Охваченный съ обоихъ фланговъ, нѣмецкій батальонъ отошелъ, торопливо разстрѣливая пулеметныя ленты. Около приземистыхъ пивницъ [1]) валяются тысячи гильзъ. На нихъ и стояли эти чудовища истребленія. Много гильзъ съ черной каемкой посерединѣ... Это разрывныя пули...

Къ 7 часамъ вечера трескотня кончилась и теперь полная луна освѣщаетъ въ деревнѣ новыхъ хозяевъ. Утомленные боемъ, стрѣлки устраиваются на отдыхъ, расползаясь по уцѣлѣвшимъ халупамъ и стодоламъ. Одна рота торопливо окапывается впереди. У нѣмцевъ мертво.

По дорогѣ, со стороны нашего тыла, слышны шаги— идетъ строй. Прислушавшись, можно различить, какъ при поворотѣ лязгнетъ штыкъ, поскрипываютъ слабо подвязанные котелки.

---

[1]) По-польски погребъ.

— Кто?—хрипло спрашиваетъ часовой на тыловой заставѣ.

— Саперы...

— На работу?

— На работу.

— А проволока у васъ есть?—слышенъ вопросъ офицера, вышедшаго изъ халупы на голоса.

— Есть, хватитъ...

— А у васъ колья найдутся?—въ свою очередь спрашиваютъ саперы.

— Надѣлаемъ,—бодро отвѣчаютъ стрѣлки,—только проволоки дайте побольше... Сколько рядовъ будете ставить?

— Три.

— Это хорошо.

Стрѣлки любятъ проволоку. И когда изъ двуколокъ выкатили ея толстые мотки съ длинными острыми колючками, чуть ли не каждый подходилъ и пробовалъ ее наощупь.

— У нѣмцевъ не такая...

— У нихъ толще.

— Зато мягкая. Рѣзать легче.

— И много же ея у проклятаго!

Подошелъ батальонный. Молодой штабсъ-капитанъ, съ Владиміромъ.

— Что за люди толпятся? Кто такіе?

— Саперы.

— Рабочихъ вамъ нужно?

— Да, роту нужно.

— Въ резервѣ вторая,—ее и возьмите.

Начали работу. По командѣ своего офицера, саперы раздѣлились на три группы и пошли впередъ. Надѣвъ на черенья лопатъ колючую проволоку, впереди всѣхъ идутъ «заградители». Имъ дальше другихъ. Вторая кучка, поменьше, разсыпалась по окопу, который спѣшно роютъ стрѣлки.

Третья пошла по деревнѣ—собирать все, что есть годнаго на колья для сѣти.

— Не рой круто... Чемоданъ попадетъ и завалитъ. Положе скатъ дѣлай!—учитъ саперъ...

— Какъ же ты стойку-то ставишь... Развѣ такъ козырекъ удержится? Прирубить надо.

И, вынувъ изъ чехла топоръ, саперный унтеръ нѣсколькими ударами выдѣлываетъ шипъ и скрѣпляетъ накатины.

— Вотъ теперь живетъ,—говоритъ онъ, похлопывая рукой по дереву,—застилай сверху досками.

— Дяденька, а земли сверху сколь сыпать?—спрашиваетъ молодой «маршевикъ», только что прибывшій на пополненіе полка. Теперь онъ уже обстрѣляный, «настоящій» и это гордое сознаніе заставляетъ его работать за двоихъ.

— Сыпь больше, чтобъ гранатой не повредило.

Работа кипитъ. Увѣренно и пока, слава Богу, спокойно.

Но вотъ впереди уже слышны короткіе, сухіе удары дерева о дерево: саперы забиваютъ колья для проволоки.

— Тише бы вы стучали—зря обстрѣляютъ...

— Впервой что-ль?

— Ежели бы цѣпь была, а то много ли насъ?—ему тоже попадать не легко...

— Поди, за день-то страху набрался—и теперь руки дрожатъ...

И короткіе удары сыплются попрежнему.

Бззъ!.. просвистѣло гдѣ-то.

— Ишь, обидѣлся!—замѣчаетъ саперъ, закрѣпляя скобкой проволоку у кола.

Бззъ!.. Бззъ!..

— Посыпалъ!—такъ же равнодушно и мрачно бросаетъ кто-то.

А пули начинаютъ свистѣть все чаще и чаще. Одна шлепнулась въ колъ и разсыпалась яркимъ, ослѣпительнымъ огонькомъ.

— Бѣлячками дуетъ,—сердится саперъ, сообразивъ, что нѣмцы стрѣляютъ разрывными пулями.

Гдѣ-то послышался стонъ.

— Чумкина ранило!

— Бѣги скорѣй, проси у стрѣлковъ санитаровъ!

Чумкинъ, рослый здоровый дѣтина, упалъ, какъ подкошенный. «Бѣлячокъ» попалъ ему въ бокъ, около поясницы и, конечно, разорвался внутри. Идти онъ не можетъ. А подбѣжавшіе санитары долго бьются съ нимъ, не зная, какъ его положить,—ему все больно. Наконецъ, кладутъ на животъ и быстрымъ шагомъ уносятъ подъ свистъ пуль и всплески бѣленькихъ огоньковъ, вспыхивающихъ всюду, при ударѣ о камень, объ стѣну и даже о вѣтви деревьевъ...

Близко разсвѣтъ. Саперы торопятъ рабочихъ. Привычки «нѣмца» изучены до мелочей. Какъ разсвѣтетъ, онъ начнетъ «чемоданить» и тогда, конечно, не до работы. Надо сидѣть въ окопѣ, плотно прижавшись къ землѣ. И стрѣлки налегаютъ на лопату, быстро выкидывая наружу огромные комья земли. Еще чаще слышны впереди удары по кольямъ. Теперь уже на «бѣлячковъ» не огрызаются,—спѣшатъ скорѣе забить и заплести проволокой колья. Сдѣлано много—двѣ трети окопа уже опоясано сизой лентой, которую безплодно разстрѣливаютъ нѣмцы и которую они преодолѣваютъ, въ концѣ концовъ, только однимъ пріемомъ: заваливая ее своими трупами. Въ этомъ стрѣлки имъ отличные помощники.

Со свѣтомъ, саперы уходятъ. Добрые полчаса занимаетъ, при этомъ, сборъ инструмента. Оцѣнившій пользу лопаты, стрѣлокъ ни за что не хочетъ разстаться съ большой лопатой, взятой у «дяденьки», предпочитая ее своей маленькой «зубочисткѣ». Но «дяденька» не меньше стрѣлка «знаетъ порядокъ» и сыщетъ свою лопату всюду, куда бы ее ни засунули расторопные «маршевики», «кадровые» и «православные» [1]).

---

[1]) Солдаты изъ ратниковъ.

Но пока искали—замѣшкались. На свѣтло-сѣромъ шоссе рота, вытянувшаяся длинной змѣйкой, уже видна нѣмецкому наблюдателю, примостившемуся гдѣ-нибудь на фабричной трубѣ, на деревѣ или подъ шпицемъ костела. И по колоннѣ, съ большими промежутками, выпускаютъ десятокъ шрапнелей. Лѣниво, какъ-будто спросонья, стрѣляютъ нѣмцы—всѣ разрывы легли въ бокъ, безъ вреда для саперъ.

Если бы наблюдатели знали, что это уходятъ виновники того, что «руссъ» въ одну ночь устроился въ отбитой деревнѣ, они отнеслись бы къ своему дѣлу иначе. А теперь они ограничиваются пристальнымъ разсматриваніемъ того, что за ночь выросло передъ ними. Они видятъ сизую полосу проволоки, въ неясныхъ очертаніяхъ складокъ мѣстности угадываютъ линію окопа съ козырькомъ, котораго не пробьетъ граната, и длиннымъ рядомъ бойницъ, готовыхъ залить все передъ собой свинцовымъ дождемъ. Нѣмцы ограничиваются наблюденіемъ, силясь опредѣлить разстояніе до новой позиціи.

А черезъ нѣсколько минутъ уже летитъ, съ характернымъ свистомъ, первый чемоданъ. Начинается день.

II.

— Ваше в—іе, телефонограмма.

— Давай.

«Командиру саперной роты. Въ окопахъ крайняго праваго фланга тяжелыми снарядами разбиты козырьки, часть окопа засыпана землей. Прошу содѣйствія. Штабсъ-капитанъ...»

— Отвѣта не будетъ?

— Самъ пріѣду.

Частая орудійная пальба, не умолкавшая съ разсвѣта, стихаетъ. Солнце, поднимаясь, переходитъ на нашу сторону и свѣтитъ нѣмцамъ въ глаза. Теперь наша очередь открывать огонь. Изъ окопа отлично видно, «гдѣ живетъ нѣмецъ».

Нѣжно-желтой поверхностью выдѣляется брустверъ окопа. Благодаря этому освѣщенію, особенно рѣзко чернѣютъ широкія бойницы, изъ которыхъ выглядываютъ стволы винтовокъ.

Въ бинокль осматриваемъ это вмѣстѣ: стрѣлковый ротный командиръ, артиллеристъ-наблюдатель и я.

— Сейчасъ мы ихъ погладимъ,—говоритъ артиллеристъ, отходя къ телефону.

— Съ музыкой?

— Навѣрное,—улыбается онъ.

Ждемъ. Минутъ черезъ пять надъ головами проносится съ ужасающимъ воемъ гаубичный снарядъ.

Артиллеристы придумали забаву. На голову снаряда надѣваютъ консервную банку, провертѣвъ въ ея донышкѣ нѣсколько дыръ. На полетѣ получается не снарядъ, а какая-то адская сирена, вѣстникъ смерти. Нѣмцы «не любятъ» этого звука, и когда бомба съ такой сиреной взлетаетъ надъ ихъ колонной, они бросаются врассыпную. Имъ, вѣроятно, кажется, что стрѣляетъ не полевая гаубица, а какое-нибудь чудище въ родѣ ихъ 42-сантиметроваго орудія.

На правомъ флангѣ, дѣйствительно, большія поврежденія. Восьми-дюймовыми снарядами почти совершенно зарыто около четверти окопа. Пока я дошелъ до него, изъ-подъ обломковъ и кучъ песку уже вынесли всѣ трупы и раненыхъ. Были видны только кровавые слѣды недавней смерти и тяжкихъ страданій.

— Гвоздили часа три,—говоритъ штабсъ-капитанъ, командующій батальономъ. И, вѣдь, какъ стрѣляютъ... Пристрѣляются по одному мѣсту и начинаютъ долбить...

— Долго?

— Пока всего не сравняютъ... Что здѣсь дѣлалось—трудно сказать. Все кипѣло. Дымъ, песокъ, обломки... Ужасъ!..

— Много потеряли?

— Не знаю... Считаютъ... А къ ночи, вѣроятно, опять начнутъ, когда солнце сядетъ...

— А потомъ атака?

— Конечно, какъ всегда...

Надо было что-нибудь придумывать. Очевидно, для нѣмцевъ нашъ участокъ имѣлъ серьезное значеніе и они, съ обычнымъ упорствомъ, рѣшили его прорывать.

Впереди нашихъ окоповъ деревня, вѣрнѣе, ея слѣды, такъ какъ все горючее уже погибло въ пламени и о быломъ жильѣ говорятъ только каменныя трубы, широкія и длинныя, какъ жирафы.

— Изъ-за нихъ ничего не видно,—жалуется прапорщикъ. Нѣмцы накопятся и подойдутъ вплотную рѣзать проволоку.

Но, пока это еще будетъ, нѣмцамъ приходится туго. Гаубичныя «сирены» ложатся какъ слѣдуетъ. Видно, какъ изъ «ихъ» окоповъ взлетаютъ каски, обломки дерева, клубы земли, окрашенные дымомъ взрыва, и тѣла во всемъ сѣромъ.

Наступилъ вечеръ и съ нимъ тишина... Орудія смолкли. Слышны только отдѣльные ружейные выстрѣлы, гулко разносящіеся по лѣсу.

— Какъ отдаетъ,—говорятъ саперы, подходя къ окопамъ.

— Вы съ двуколками?

— Да.

— Какъ же вы ихъ подадите?

— Съ кухнями. Вѣдь кухни пойдутъ?..

— Пойдутъ... Вы что привезли?

— Пироксилинъ.

— Взрывать хотите?

— Да, трубы надо убрать.

— Не знаю, какъ это вамъ удастся... Нѣмцы вышли изъ окоповъ...

— Куда?

— Впередъ, къ заставамъ...

— Что же вы не стрѣляете?

— Ждемъ. Рѣшили поближе подпустить. Польемъ изъ пулемета.

Я задумался.

— Будете все-таки?

— Что?

— Да, взрывать-то?

— Надо. Подожду темноты, а тамъ посмотримъ.

Двуколки съ пироксилиномъ подошли отлично и саперы уже принялись вязать заряды. Быстро, сноровисто прикладывая шашку къ шашкѣ, связали они свои убійственные свертки и пошли искать дерева. Стемнѣло.

— На что вамъ дерево?—спрашиваетъ прапорщикъ.

— Для забивки. Если зарядъ с верху не прикрыть, всѣ газы уйдутъ по трубѣ кверху и ничего не выйдетъ.

— А тамъ изъ-за дерева драка.

— Почему?

— Да ваши у стрѣлковъ дрова потаскали, не на чемъ чай грѣть.

— Пустяки...

— А скоро взрывъ?

— Уводите вашихъ людей изъ окопа. Можетъ подбить кирпичами.

— Саперы пошли?

— Уже.

— Всѣ сразу?

— Сразу.

До нѣмецкихъ заставъ отъ нашего окопа не больше сотни шаговъ. На половинѣ этого разстоянія даже въ потемкахъ видны злополучныя трубы.

Тихо, низко пригнувшись, идутъ саперы. На каждую трубу назначено по четыре человѣка. Двое идутъ впереди. Одинъ выходитъ впередъ и становится часовымъ, зорко всматриваясь въ окружающій мракъ и чутко прислушиваясь,—

не зашуршитъ ли высохшій на корню овесъ, за которымъ залегли нѣмцы. Другой быстро очищаетъ внутренность печки, ея топку, которой теперь суждено называться зарядной камерой. Двое остальныхъ несутъ пироксилинъ и забивку.

Минутъ двадцать работы, и все готово. Задержка за одной печью. Отъ пожара она обвалилась и топка завалена обломками кирпича. Выбирать его трудно, а тутъ еще нѣмцы, какъ бѣшеные, сыплютъ пулями безъ разбора. Онѣ то и дѣло шлепаются о кладку печей и летятъ во всѣ стороны причудливыми рикошетами, сразу измѣняя голосъ изъ высокаго на очень низкій.

Наконецъ, зарядили и ее. Короткій свистокъ служитъ сигналомъ. Сразу вспыхиваетъ тринадцать огоньковъ, но это только мгновенье. Затѣмъ опять мракъ, который нѣмцы съ удвоенной энергіей пронизываютъ своими пулями. Отходить нельзя. Саперы ложатся, быстро отползаютъ къ окопу и прячутся подъ козырьки.

Съ дикимъ трескомъ взорвались заряды.

Сначала одинъ, потомъ три вмѣстѣ, потомъ порознь, одинъ за другимъ, остальные. Вспыхнуло желтое пламя, но его заслонило густыми клубами чернаго дыма, смѣшаннаго съ алой пылью отъ раздробленнаго кирпича, и снова все окутало мракомъ. Слышно только, какъ по мягкой землѣ грузно шлепаются разлетѣвшіеся кирпичи.

— Ну и здорово!—говоритъ прапорщикъ, виновникъ разрушенія.

— Нравится?

— Да-а!... Никого не потеряли?

— Кажется, нѣтъ...

— Спасъ васъ Богъ. Вѣдь, какъ крыли-то крѣпко...

— Да, стрѣльба частая...

— Уходите?—спрашиваетъ онъ, видя, какъ саперы укладываютъ двуколки.

— Уходимъ. Теперь ужъ ваше дѣло. Мы вамъ обстрѣлъ расчистили. А тамъ уже и свѣтаетъ,—показываю ему на востокъ. Скоро свѣтло будетъ, нѣмцы опять чемоданить начнутъ.

Онъ тяжело вздохнулъ и спустился въ окопъ.

Мы ушли. Стрѣльба продолжалась съ прежнимъ упорствомъ, какъ ночью. А черезъ полчаса наша артиллерія открыла бѣглый огонь.

— Въ чемъ дѣло?

— Нѣмцы напираютъ...

Работа пошла впрокъ. Эти трубы были бы для нихъ единственнымъ закрытіемъ на пути къ нашимъ окопамъ. Но теперь онѣ взорваны, и каждое движеніе врага для насъ видно, какъ на ладони.

Ликъ Божій.

Затишье рѣшено использовать для усиленія позиціи. Съ самаго утра по позиціи, позади окоповъ, спустившихся на половину ската холмистой гряды, ходятъ батальонные командиры съ артиллеристами и саперами, намѣчая линіи будущихъ «поддержекъ» и второй линіи укрѣпленій.

— Посмотрите-ка, какъ отсюда нѣмцевъ хорошо видно!

— Какъ на ладони... Бойницы считать можно.

— Зато и мы будемъ видны до послѣдняго.

— Никто же не говоритъ, что мы здѣсь будемъ сидѣть все время. Эта позиція на случай прорыва, отхода...

— Надо провѣрить съ нашего наблюдательнаго пункта—вмѣшался артиллеристъ,—не окажутся ли эти новые окопы въ линіи обстрѣла съ теперешней позиціи нѣмецкихъ батарей. А то они и работать не дадутъ.

— По ночамъ будемъ рыть.

— Какой же прокъ? Ночью построите, а днемъ они забросаютъ чемоданами ваше рытье—такъ изъ починки и не вылѣзешь... Затянется дѣло...

— Мы вамъ сегодня же скажемъ, какъ это дѣло обстоитъ.

— Лучше этого мѣста намъ не найти,—настаивалъ батальонный.

И снова, закрывшись отъ солнца рукой, онъ зоркимъ взглядомъ всматривается въ линію нѣмецкихъ окоповъ, видныхъ отсюда, съ пригорка, до мельчайшихъ подробностей.

— Посмотрите, господа, всѣ повороты видны...

— А главное, отсюда внутренность нашей первой линіи обстрѣливается...

— То-то же и дѣло... Одно только меня смущаетъ,— небольшая лощина, вонъ у той груши... Какъ будто бы тамъ мертвое пространство...

— Мы его можемъ взять въ свой обстрѣлъ,—замѣтилъ батарейный.

— Нѣтъ, батенька, такъ не выйдетъ. У васъ въ бою найдутся свои цѣли... Это наше дѣло.

Лощина не даромъ смущала батальоннаго. Глубокая, съ обрывистыми берегами, она шла перпендикулярно къ будущему фронту, затрудняя связь между сосѣдними окопами. Обстрѣлять же ее изъ окоповъ не было никакой возможности.

— Вотъ ежели бы саперы намъ здѣсь фугасовъ наставили...—говоритъ батальонный.—Только вотъ чѣмъ бы ихъ намъ прикрыть. Все-таки ихъ подъ огнемъ надо держать.

— Фугасы? А зачѣмъ ихъ прикрывать? Мы ихъ камнеметными сдѣлаемъ. Они сами себя прикроютъ достаточно.

— Ну, идетъ.

Къ полудню позицію выбрали, размѣтили колышками и рѣшили, что съ ночи примемся за работу.

— Всѣхъ людей дамъ на это дѣло,—рѣшительно заявилъ батальонный.—Только бы намъ усидѣть здѣсь. Ужъ очень мѣсто хорошее: сухо, дерева много, обстрѣлъ отличный...

За нѣсколько ночей непрерывной работы «голая» холмистая гряда замѣтно обросла окопами. Тонкая, извили-

стая линія выемокъ опоясывала малѣйшіе изгибы ея поверхности, убѣгая въ даль. Кое-гдѣ позади окоповъ едва замѣтно возвышались небольшія кучи взрытой земли. Это будущіе блиндажи, послѣднее слово опыта въ этой войнѣ. Около нихъ постоянно собираются офицеры, любовно смотря на каждое вновь уложенное бревно, на каждую брошенную сверху лопату песку.

— Хорошъ блиндажъ,—одобряетъ батальонный.

— Счастье, что здѣсь воды близко нѣтъ... Зарылись на цѣлую сажень.

— Не пробьетъ граната.

— Что вы!? Шестидюймовка не пробьетъ!

— Ну, тогда благодать! А много будетъ такихъ блиндажей?

— Два на взводъ.

— Ого! Восемь на роту? Пускай стрѣляютъ, какъ хотятъ.

— Только бы нѣмцы работъ не замѣтили,—предостерегаетъ батальонный, а то они вамъ испортятъ настроеніе.

— Артиллеристы говорятъ, что сюда не хватитъ.

Додѣлать остается не много. Козырьки готовы, блиндажи также закончены. Остановка только за нѣсколькими ходами сообщенія. Двѣ-три ночи и все будетъ готово. Съ наступленіемъ темноты, у деревни Гралево, вплотную прилегающей къ новой позиціи, собираются роты, высланныя на работу.

Люди разсаживаются, на корточкахъ, по ходамъ сообщеній, закуриваютъ и мирно бесѣдуютъ въ ожиданіи раздачи инструмента.

— Ловко саперы деревню прибрали.

— Н-да. Не деревня, а одно званіе осталось.

— Декорація,—добавляетъ кто-то.

Деревня, дѣйствительно, похожа на декорацію. Всѣ стѣны домовъ, обращенныя внутрь нашего тыла, разобраны на матеріалъ. Уцѣлѣли только угловые столбы, напольныя стѣны, да крыши. Если смотрѣть отъ нѣмцевъ, то разборки не видно совершенно.

— А что ежели снарядъ да надъ такимъ домомъ пролетитъ—повалитъ онъ его или нѣтъ?

— Ну да, повалитъ.

— А почему?

— Вотъ, чудной—почему? Воздухомъ.

— Да столбы-то цѣлы.

— Ну, что жъ, что столбы...

— Держатъ.

— Нешто столбъ противъ чемодана можетъ?

— А то нѣтъ? А въ блиндажѣ-то какъ же, тамъ тоже, чай, все на столбахъ стоитъ.

— Дура! Въ блиндажѣ земля... Отъ земли вся крѣпость и есть.

— Пошелъ за инструментомъ!..—приказываетъ подпрапорщикъ и споръ обрывается.

— Что, молодецъ, наломалъ спину-то?—усмѣхается бородачъ, стоя по колѣна во рву.

— Ништо...

— То-то, ништо... Кидай землю-то покучнѣй... Не разсыпай зря.

— Передохнуть надо... Взопрѣлъ весь...

— Эхъ, вы... капустники!—усмѣхается бородачъ, попыхивая коротенькой трубочкой.

Гдѣ-то вправо послышалась ружейная трескотня.

— Не иначе, въ развѣдку наши пошли.

Съ нѣмецкой стороны взлетѣли ракеты.

— Подглядываетъ... опасается... Бережетъ шкуренку-то!

— Пущай... Все равно пройдутъ, куда надобно.

Но трескотня разгорается все сильнѣе... Кое-гдѣ прорывается пулеметъ.

— Машинку завелъ...

— Это наша.

— Зачѣмъ? Наша чаще бьетъ... это евонная...

Пулеметъ, между тѣмъ, не унимается и трещитъ.

— Разгорается... Атака у нихъ, что ли?—спрашиваетъ молодой.

— Копай, знай, помаленьку... пока тебя не позвали... Кому надо, тѣ и пошли.

Съ лѣвой стороны, прямо по направленію работъ, рѣзко врѣзался прожекторъ. Всѣ приникли къ землѣ.

— Ишь, напужался какъ... Все выволокъ...

Вслѣдъ за прожекторомъ засвистѣло сразу нѣсколько шрапнелей.

— Вона, за горохъ принялся...

— Самъ бы ѣлъ, у насъ покеда и хлѣбушка хватитъ...

Снаряды ложатся правѣе. Тѣмъ не менѣе, работы приказано прекратить.

— Почему вы снимаете людей? Пустяки и дорыть-то осталось,—волнуется саперный офицеръ.

— Видите, какая завируха начинается,—отвѣчаетъ батальонный.

— Съ чего бы это?

— Правѣе насъ начали усиленную развѣдку, но наткнулись на такую же развѣдку у нѣмцевъ... Разодрались во-всю, вызвали дежурныя части...

Свистъ отъ шрапнелей сгущается.

— Разгорится, думаете?

— Обязательно. Слышите, что дѣлается?

Артиллерія смолкла. Зато ружейная перестрѣлка участилась, пулеметы трещатъ, почти не смолкая.

— Жарко дѣлается... Надо къ телефону идти. Уходите вы по-добру, по-здорову,—совѣтуетъ батальонный и скрывается въ блиндажѣ.

Но уйти саперамъ не удалось.

Только-что команда вытянулась по улицѣ Гралева, какъ въ каменный домъ католической школы влетѣлъ снарядъ. На мгновенье стало свѣтло, потомъ все померкло, и сквозь трескъ разрыва прорвался визгъ осколковъ и свистъ разлетѣвшихся кирпичей.

Команда легла. Но не успѣла она подняться, какъ новый снарядъ взорвался прямо на дорогѣ. Переднихъ засыпало землей, но осколки счастливо перелетѣли надъ головами, со стукомъ влипая въ деревянныя стѣны домовъ.

— Взялся...

Нѣмецъ, дѣйствительно, «взялся». Тяжелые снаряды сыпались на Гралево безъ счета. Вспышки свѣта разрывовъ чаще и чаще. На околицѣ загорѣлась усадьба. Вспыхнула крыша костела, три снаряда сразу угодили въ домъ ксендза. И въ свѣтѣ пожара было видно, какъ каменная стѣна, пробитая сверху до низу, разсыпалась на двое, съ грохотомъ обсыпаясь кирпичной щебенкой по бетоннымъ ступенямъ.

На утро—снова затишье.

— Какъ, цѣла ваша позиція?—интересуется батальонный, обходя Гралево, превращенное въ груды обломковъ.

— Позиція почти цѣла. Нѣсколько козырьковъ сломало, да два недостроенныхъ блиндажа завалило. Зато Гралево-то какъ раскатали!

— А вы видѣли костелъ? Пойдите посмотрите.

Отъ костела остались однѣ стѣны. Крыша сгорѣла, желѣзныя балки, скрюченныя, обожженныя, лежатъ на

полу, среди обгорѣлыхъ обломковъ люстръ и какихъ-то пластинокъ; въ выгорѣвшей исповѣдальнѣ отъ всего убранства остались однѣ пружины отъ сидѣнья кресла... Рѣшетка алтаря разбита въ куски, сверкающіе позолотой, среди толстаго слоя копоти и кирпичной пыли... Расписныя стѣны осыпались и отъ строгаго готическаго узора нѣтъ и тѣни воспоминанія: видна только голая дрань, съ обугленными концами.

Но фрески, съ изображеніемъ евангелистовъ, остались невредимы. Ни одной царапины осколкомъ, ни одного вылущеннаго взрывомъ куска, и вдохновенные лики хранителей Слова попрежнему кротко и вдумчиво глядятъ передъ собой, вглубь поруганнаго храма.

Рядомъ съ костеломъ каплица. Тяжелый снарядъ ударился въ стѣну, у самаго фундамента. Пробилъ насквозь полутора-аршинную кладку и разорвался внутри. Слѣдъ разрыва отчетливо виденъ на каменномъ полу. Осколки разлетѣлись во всѣ стороны. На стѣнахъ отъ нихъ нѣтъ живого мѣста. Всюду видны ихъ характерныя «брызги», въ видѣ глубокихъ бороздъ въ толщѣ уцѣлѣвшей штукатурки.

Осколками сбиты иконы, лампады, изуродованы высокіе подсвѣчники, изломана рѣшетка алтаря. Около него эти брызги особенно густы. Вся штукатурка изодрана ими. И въ этомъ адскомъ потокѣ—совершенно невредимымъ остался и большой черный крестъ, и золоченая фигура Распятаго, пригвожденнаго къ кресту.

Сюда не залетѣло ни одного мельчайшаго осколка.

Позже, когда мы уходили изъ Гралева, батальонный предлагалъ ксендзу вывезти это Распятіе, какъ памятникъ рѣдкаго чуда. Но ксендзъ отказался.

— Нѣтъ... Пусть останется здѣсь... Наше дѣло Божье, и пусть они видятъ, что противъ Бога ихъ сила—ничто.

Борьба за воздухъ.

Вчера въ приказѣ было написано:

«...Стрѣлковый полкъ, не успѣвъ во время надѣть респираторы, былъ застигнутъ врасплохъ потокомъ удушливыхъ газовъ».

Отъ нашей позиціи это въ какихъ-нибудь восьми-девяти верстахъ, невольно думаешь, что теперь очередь за нами. Въ окопахъ объ этомъ говорятъ опредѣленно и ждутъ газовъ, какъ атаки или артиллерійскаго обстрѣла.

Передъ вечеромъ, когда стихла артиллерійская пальба, въ окопахъ произвели повѣрку «противогазовъ»—у всѣхъ ли они есть, всѣ ли знаютъ, какъ надо ими пользоваться. А къ ночи, по обыкновенію, пришли саперы. На ихъ ротнаго командира набрасываются, какъ на газету.

— Въ штабѣ были сегодня?

— Былъ.

— Какія новости?

— Ничего особеннаго...

— Что на южномъ фронтѣ?

— Тихо. Теперь, вѣдь, все вниманіе на насъ. А у васъ, господа, нашатырь-то цѣлъ? Слыхали, что у сосѣдей было?

— Цѣлъ.

— А вода въ окопахъ есть?

— Есть, вотъ бочка стоитъ.

— Ее надо закрыть. Иначе она не поможетъ. Вѣдь, газы хлористые... Вода, если ее держать открыто, насытится хлоромъ и помогать не будетъ.

— Гм! Ну и война,—ворчитъ сѣдой капитанъ,—тутъ предѣльный возрастъ, а вспоминай химію изъ курса пятаго класса!

— А вы, г. поручикъ, слышали нашу новость?—обратился къ саперу юный подпоручикъ, командующій ротой, только сегодня «сѣвшій» въ окопы, на смѣну другой.

— Какую?

— Пришли мы сегодня въ окопъ... Осмотрѣлись, выслали секреты и уже собирались спать, какъ услышали у нѣмцевъ стукъ.

— Гдѣ?

— А знаете, передъ нашимъ окопомъ есть песчаный бугорокъ? Какъ разъ на немъ. Что они дѣлаютъ, трудно сказать, я сегодня днемъ разсматривалъ, но хорошо разсмотрѣть не могъ—мѣшаетъ рожь.

— Давайте скосимъ сегодня... У насъ четыре косы найдутся.

— Отлично. А на разсвѣтѣ, тогда, съ вами посмотримъ.

— Идетъ. По звуку нельзя опредѣлить, что именно они дѣлаютъ?

— Чортъ ихъ знаетъ... Не то новый окопъ, не то какой-то блиндажъ... И знаете, ночью работаютъ, а на день уходятъ и тамъ никого нѣтъ. Наши развѣдчики пробовали пробраться туда, но не могли. Справа и слѣва открываютъ такой огонь, что нельзя сдвинуться и съ мѣста.

Цѣлую ночь стрѣлки и саперы косили неубранную рожь передъ окопомъ. А когда разсвѣло, черезъ брустверъ окопа отлично была видна вся впереди лежащая мѣст-

ность. Шаговъ на 600 впереди тянется прямая желтая линія нѣмецкаго окопа, передъ нимъ песчаный увалъ съ небольшимъ бугоркомъ посрединѣ. Вершина бугра, очевидно, уже хорошо разрытая съ нѣмецкой стороны, имѣла правильныя очертанія.

— Вотъ здѣсь нѣмцы и работаютъ... Слышали, какъ они приколачиваютъ дерево?

— Да, да... Все-таки хорошо бы посмотрѣть, что они дѣлаютъ. Давайте—такъ сдѣлаемъ. Сейчасъ они будутъ отходить съ работы. И если мы пойдемъ къ бугорку, они, пожалуй, стрѣлять начнутъ не сразу, чтобы не перебить своихъ. А пока спохватятся, мы успѣемъ дойти. Пойдемъ?

Подпоручикъ согласился.

— Только не будемъ брать много людей. Я возьму трехъ саперъ, и довольно; хорошо?

Черезъ нѣсколько минутъ четыре фигуры ползкомъ направились къ бугорку.

— Смотрите, не заставьте рогаткой проходъ въ проволокѣ, да углубите нору передъ окопомъ,—отдалъ последнее приказаніе саперный офицеръ, присоединяясь къ развѣдчикамъ.

До бугра добрались вполнѣ благополучно. Ни одинъ выстрѣлъ не нарушилъ тишины чуднаго, яснаго утра. Подобравшись къ бугру, офицеры выползли впередъ. Въ бугрѣ оказалось цѣлое сооруженіе. Большой, глубокій блиндажъ изъ пятивершковыхъ бревенъ, весь облицованный досками, былъ усиленъ сверху двумя рядами рельсовъ, поверхъ которыхъ лежали мѣшки, а затѣмъ уже бревна, присыпанныя сверху землей.

Въ передней стѣнкѣ блиндажа сдѣланы четыре узкихъ бойницы, облицованныхъ досками, въ днѣ которыхъ выдолблены тонкіе, полукруглые желоба. Въ полу, противъ каждой бойницы, сдѣланы круглыя гнѣзда, какъ будто для установки какихъ-то цилиндровъ.

— Газовая батарея,—сказалъ саперный офицеръ.

— Неужели?

— Видите, въ этомъ желобѣ кладется выводящая газы трубка, а здѣсь,—онъ показалъ на гнѣзда въ полу,— ставятся баллоны съ газомъ. Здѣсь не хватаетъ еще мѣста для вентилятора, для протягиванія газа искусственной тягой въ эти бойнички... Они, вѣроятно, еще проработаютъ денька два или три. А потомъ пустятъ...

— Значитъ, мы еще имѣемъ время приготовиться?

— Я думаю. А пока, давайте, зарисуемъ эту штуку и полѣземъ назадъ.

— Хорошо бы уйти незамѣченными.

— Пока я черчу, осмотрите блиндажъ: не оставили ли мы здѣсь чего-нибудь. Можетъ быть, у кого-нибудь махра просыпалась или отъ подковки слѣдъ остался...

— Сдѣлаю...

И подпоручикъ началъ осмотръ.

Обратный путь былъ много труднѣе. Яркое солнце освѣщало всю поляну и въ особенности полосу нашихъ окоповъ. Каждое неосторожное движеніе могло выдать ползущихъ. Двигались по одному, очередью. «Переходъ» въ какихъ-нибудь 350—400 шаговъ занялъ больше получаса. Зато ушли, «какъ святые», какъ говорили саперы, отряхиваясь отъ пыли въ своемъ окопѣ. Успѣли даже и рогатку поставить на мѣсто, закрывая проходъ въ проволочной сѣти.

— Что же вы рѣшили дѣлать съ этой газовой батареей?—спрашивалъ подпоручикъ, наливая своему спутнику мутнаго чаю.

— Подумаемъ, а пока чаю попьемъ, да я спать поѣду.

Цѣлую ночь стрѣлки, подъ руководствомъ саперъ, рыли узкую канаву у самой проволочной сѣти, шагахъ въ пятидесяти отъ окопа.

— До воды дошли!

— Рой дальше, пока на сажень не зароешься... Слыхалъ, что нашъ ротный сказывалъ,—понуждаютъ саперы.

— Да тутъ мокро!

— А ты опять же рой, ужо высохнешь... Цѣлый день сушиться-то время будетъ.

— И на что ему только этакая канавища понадобилась?—ворчитъ стрѣлокъ, не любящій мокроты.

— Въ ее саперы газы складать будутъ,—насмѣшливо отвѣчаетъ сосѣдъ.

— Чучело! «Газы складать!»—передразниваетъ саперный унтеръ... Развѣ газъ можно сложить? Газъ это что? Какъ дымъ все равно—летитъ по воздуху, куда его вѣтромъ подуетъ, ежели онъ легкій... а ежели тяжелый, такъ по землѣ идетъ.

— Ну?

— Вотъ те и «ну»! Онъ по землѣ-то пойдетъ и гдѣ какая ему ямина встрѣнется, въ тые онъ и лягитъ.

— Ишь, умный какой.

— Рой знай, отъ тебя ума, покамѣстъ, не спрашиваютъ.

И стрѣлки роютъ, въ душѣ проклиная и саперъ, и унтера, и газъ, который почему-то здѣсь «лягитъ».

— Эй, господинъ унтерцеръ, а ежели онъ сюда наберется, такъ ему отсюда ужъ и ходу не будетъ?

— Кому?

— Да газу-то...

— Извѣстное дѣло, не будетъ...

— Такъ и будетъ лежать?

— Ну да! Ты, вотъ, рой глубже, ишь, сколько еще осталось!

Другая партія, въ это же время, немного поодаль роетъ другую канаву, поменьше, и заваливаетъ ее валежникомъ, соломой и поливая все это смолой для большей скорости воспламененія.

— Это тоже для газу.

— А то для чего же, для вшей, что ли?

Стрѣлки гогочутъ.

— Нешто онъ огня боится?

— Никакъ ему скрозь огонь идти нельзя... такъ и ротный нашъ сказывалъ.

— А для ча ему этотъ огонь, когда онъ на переду въ канаву полягитъ?—спрашиваетъ кто-то изъ «молодыхъ».

— Дуракъ ты и есть! Когда позицію дѣлаютъ, тоже небойсь двѣ линіи строятъ... А на что тебѣ вторая линія, когда ты и съ первой стрѣлять можешь?

— А ежели онъ напретъ?..

— То-то напретъ! Такъ-то и газъ наперетъ можетъ.

Молодой задумался и пошелъ докапывать свой урокъ.

Съ разсвѣтомъ наша артиллерія открыла огонь по газовой батареѣ. Сначала снаряды разбрасывались, а потомъ стали ложиться кучнѣе. Стрѣлки отмѣтили даже нѣсколько попаданій. Вылетали обломки дерева, высоко поднялся въ воздухѣ столбъ песчаной пыли. Очевидно, батарея была, все-таки, серьезно подбита. Но баллоновъ на ней еще не было: иначе газъ, конечно, вырвался бы наружу.

— Ну, теперь, ребята, полѣзай въ блиндажи... Нѣмецъ въ долгу не останется.

Это предупрежденіе было далеко не лишнимъ.

Только замолчала наша батарея, какъ загудѣли нѣмецкіе снаряды. Долго искали они нашу батарею; не найдя ея, перенесли огонь на окопы. Завязалось продолжительное артиллерійское состязаніе. Въ окопахъ все замерло до темноты, когда орудія смолкли.

— Сегодня атаки не будетъ.

— Отчего?

— Нѣмцы ракеты бросаютъ.

— Ну, такъ что же?

— Значитъ, самъ боится, какъ бы на него не пошли.

У нѣмцевъ, дѣйствительно, была тишина.

Въ окопахъ закипѣла жизнь. Всѣмъ надо было чиниться. Артиллерійскій обстрѣлъ не прошелъ даромъ. Гдѣ разбросало землю съ блиндажей, гдѣ разбило козырекъ или засыпало проходъ, обвалило траверсъ. Все это надо поскорѣе поправить. Надъ этимъ и трудятся теперь стрѣлки и саперы.

Вдругъ у нѣмцевъ послышался крикъ.

— Заголосилъ!

— Вѣрно, опять перепились, какъ скоты.

— Нѣ-ѣтъ... Что-то и ракеты пересталъ швырять. Какъ бы чего не удумалъ.

— Если бы что, онъ стрѣлялъ бы...

— Песъ его знаетъ, онъ хитрый...

Такъ прошло до разсвѣта. Какъ только началъ подниматься туманъ, рабочіе отошли въ окопъ. Почти въ то же время надъ нѣмецкимъ окопомъ высоко взвилась ярко красная, будто огненная, ракета.

— Приготовься къ газамъ,—понеслось по окопамъ.

Всѣ зашевелились. И черезъ нѣсколько минутъ были готовы. На глазахъ очки, на лицѣ, прикрывая ротъ и носъ—респираторы. Какъ-то не вѣрится, что это солдаты и что это на войнѣ. Какъ будто, передъ вами огромная толпа санитаровъ, убирающихъ чумные трупы.

Туманъ поднялся и бѣловатое облако его далеко расползается вширь. А внизу, почти такое же облако, только мутнѣе, грязнѣе по виду, тоже расползается въ ширину, и идетъ прямо на наши окопы.

— Газы... Вишь, идутъ...

Всѣ впились въ это облако.

— Вылѣзай изъ окоповъ и не ложись... Газъ низомъ идетъ...

Стрѣлки вылѣзаютъ, но иначе, какъ на колѣняхъ, стоять нельзя: нѣмцы стрѣляютъ. Кое-кто ушелъ въ блин-

дажи и засѣлъ тамъ, завѣсивши входъ мокрой палаткой: саперы говорили, что это тоже помогаетъ. А облако все ближе и ближе... Дошло до проволоки, которая потонула въ его грязной, отравляющей мути. На минуту оно какъ будто остановилось и стало таять.

— Гляди, гляди, въ канаву ложится.

— Кто?

— Да газъ-то! Ишь, облачко-то меньше дѣлается.

— Зажигай солому!—громко командуетъ ротный.

Изъ окопа сразу выскакиваетъ нѣсколько стрѣлковъ и черезъ минуту яркая полоса огня протянулась вдоль фронта.

— Ручныя гранаты!—слышится новая команда, по которой саперы бросаютъ за полосу огня большія гранаты, которыя рвутся въ самой гущѣ газа, напоминая звукомъ разрывъ тяжелаго снаряда. Отъ нихъ облако быстро рѣдѣетъ, и, наконецъ, разсѣивается.

— Ну, слава Богу, «газовая атака» отбита.

— Теперь только поддерживайте огонь въ ближайшей канавѣ, а ночью мы засыплемъ известкой и ту, передъ проволокой,—говоритъ саперный офицеръ, все еще не рѣшаясь снять респираторъ.

— Все-таки удачно вышло...

— Еще бы, посмотрите-ка впередъ, что тамъ дѣлается...

А впереди—все вымерло. Деревья стоятъ съ омертвѣвшей листвой, ставшей кроваваго цвѣта; хвоя на соснахъ пожелтѣла, а трава высохла и почернѣла, какъ ковыль...

Суевѣрія войны.

У костра сидитъ теплая компанія. Три стрѣлка грѣютъ чайникъ. Четверо другихъ уже напились и теперь блаженствуютъ. Часа черезъ два надо идти въ окопы, смѣнять четвертый батальонъ.

Вдали рѣдкій ружейный огонь.

Солнце садится.

— Табачокъ есть, что ли?

— Есть.

— Свой?

— Зачѣмъ свой... Антиндантскій... а у тебя нѣтъ, что ль?

— Весь искурилъ... Надо бы за дарственнымъ сходить, да не поспѣлъ. Куру варилъ.

Заскорузлые пальцы медленно вертятъ цыгарки. Курятъ всѣ. Одинъ тянется къ костру и зажигаетъ какую-то лучинку. Закуриваетъ и даетъ сосѣду.

Сосѣдъ закурилъ и кладетъ лучинку обратно, не обращая вниманія на маршевика, протянувшагося къ нему со своей цыгаркой.

— Самъ зажигай.

— Нельзя, что ль... У тебя особенная.

— Не особенная, а нешто можно, дурья твоя голова, отъ одной щепы троимъ прикуривать?

— О-о? Нельзя?

— Извѣстно, нельзя... Завсегда третій убитъ будетъ. Тебя же жалѣютъ.

Попали мы на болото.

Не позиція, а какая-то хлябь.

Дни жаркіе, дождей нѣтъ, а чуть сунешься въ сосѣднюю рощу, изъ-подъ ногъ вода проступаетъ.

— Надо Михееву сказать, чтобы баню рылъ.

— На что?

— Тогда безпремѣнно намъ смѣна будетъ и на другое мѣсто уйдемъ.

— Неужто?

— Который разъ такъ было...

Михеевъ отнесся къ этой мысли неодобрительно.

— Сиди тамъ. Какая баня можетъ быть на болотѣ?

— Да ты вырой!

— И рыть попустому не стану.

Однако, на другой же день разыскалъ гдѣ-то клочокъ сухой земли и принялся за постройку.

— Ты не хотѣлъ?

— Видно, ужъ надо.

— А что?

— Да какъ же... Хотѣлъ у сажалки ягодъ нарвать, да самъ оборвался... Еле выбрался. Берега-то торфяные, ломкіе... Какъ еще вылѣзъ-то, до сихъ поръ не знаю.

На другой день баня уже топилась. Два взвода даже помыться успѣли. Недовѣрчивые уже начинали подтрунивать надъ Михеевымъ.

— Лѣшій-то тебя обошелъ съ примѣтой-то.

— Погоди... Пождемъ до ночи...

А ночью—пришелъ приказъ: выступать немедленно.

Ждутъ атаки. Кромѣ дежурной части въ окопы подтянута половина всѣхъ людей. «Поддержки» сидятъ наготовѣ, отдыхая въ снаряженіи.

Въ окопахъ тихо. Говорятъ шопотомъ. Даже излюбленной картошки нигдѣ не варятъ, чаю не кипятятъ.

Кое-кто изъ молодыхъ переодѣвается.

— Къ смерти обчиститься...

— Только всего бѣлья не мѣняй.

— Ну-у?!

— Вѣрно. Не хорошо это. Надо, чтобъ одна какая вещь отъ старой смѣны осталась.

— Зачѣмъ?

— Такъ. Она-те за землю удержитъ и живъ останешься. Хоть и подранитъ, а все живъ будешь.

— Рубаху, что-ль, оставить?

— Зачѣмъ рубаху... Рубаху безпремѣнно мѣнять надо... И портки тоже... Потому, ежели въ животъ, такъ чтобы чище... А, вотъ, портянки можно оставить...

Атаку нѣмцевъ отбили и сами перешли въ наступленіе. Въ штыковой схваткѣ маршевикъ, оказывается, раненъ въ грудь. Но не серьезно. Отбитымъ ударомъ штыкъ скользнулъ по груди, оставивъ длинную рваную рану.

— А смѣни портянки, неровенъ часъ, и въ бокъ бы угораздило! Нешто онъ, пьяный, глядитъ куда тычетъ?

„Чижики“.

Они никогда не «прилетаютъ» по одиночкѣ. Всегда стаями. Налетятъ въ штабъ со всѣхъ сторонъ цѣлой тучей—щебечущей и говорливой. А черезъ часъ уже разлетаются оттуда по полкамъ. Веселые, жизнерадостные, свѣжіе.

Отрадно смотрѣть на эти юныя, подернутыя пухомъ, лица. Ни одно зеркало такъ ярко не отразитъ еще свѣжаго золота и серебра ихъ новыхъ офицерскихъ погоновъ, какъ отражаютъ его ихъ полудѣтскіе глаза.

Къ намъ ихъ пріѣхало сразу четверо. Въ этотъ день мы, «старики», долго не ложились спать. Не могли наговориться съ ними, налюбоваться на нихъ.

Изъ каждой складки ихъ новой формы, въ каждомъ дѣланно-свободномъ жестѣ такъ ярко сквозитъ вчерашній юнкеръ, что, глядя на нихъ, невольно думаешь:

«Неужели и мы были такіе же?»

Заговорятъ—еще интереснѣе.

Слова—почти сплошь изъ книжки. «Какъ учили». Но въ томъ, какъ ихъ говорятъ, какъ ихъ оцѣниваютъ—уже чувствуешь новую жизнь. Еще неясную, бродящую и, потому, гораздо болѣе личную.

— Чижи налетѣли,—смѣется сумрачный, сосредоточенный Саша.

Они обижаются, но не надолго. Имъ некогда. Они въ пять минутъ должны узнать все, что дѣлается здѣсь, на позиціи.

— Горячія схватки бываютъ?

— Нѣмцы здорово стрѣляютъ?

— А наша артиллерія какъ работаетъ?

— Окопы хорошіе?

Они и не замѣчаютъ, какъ разговоръ принимаетъ совсѣмъ другое направленіе. На свои же вопросы они сами себѣ отвѣчаютъ. Ждать вашихъ отвѣтовъ не хватаетъ терпѣнія.

На позицію ихъ однихъ пока не пускаютъ. Жаль. Молодые порывы иногда приводятъ не къ тѣмъ результатамъ, которыхъ вы ждете.

— Вдали окопы—это нѣмецкіе?

— Да, нѣмецкіе.

— Сильно заняты?

— Да... Около батальона.

— Какъ вы это узнаете?

— По силѣ огня... развѣдкой... плѣнные говорятъ...

— А развѣ они не врутъ?

— Можно сопоставить разныя показанія...

— Какъ Шерлокъ Холмсъ... Что же вы смѣетесь?

Бзз! Бзз! Бзз!

— Насъ замѣтили?

— Вѣроятно. Возьмемъ влѣво, тамъ лощина. Идите, идите сюда... Нечего зря подставляться...

— Нѣтъ, вы посмотрите, какіе здѣсь грибы растутъ!

— Да бросьте... Какіе грибы...

— Увѣряю васъ, подберезовики и бѣлые...

— Идите вы влѣво, вамъ говорятъ!

Пули ложатся кучнѣе. Слышно, какъ они чмокаютъ, ударяясь о деревья.

— Это нѣмцы?

— Что?

— Стрѣляютъ...

— Ну да!.. Почему же я васъ зову влѣво...

Наконецъ слушается и идетъ за вами. Но всю дорогу вспоминаетъ о прекрасныхъ грибахъ, и даже вернувшись домой, усталый и подавленный массой и новизной впечатлѣній, не можетъ забыть о нихъ. Къ счастью, на помощь приходитъ сонъ, здоровый и крѣпкій.

Въ окопахъ работаютъ.

Временное затишье позволяетъ даже днемъ перестраивать козырьки. Въ ходѣ сообщенія натыкаюсь на одного изъ «чижей». Идетъ, безъ фуражки, громко поетъ что-то очень веселое.

— Откуда вы?

— Черешенъ хотите?—протягиваетъ онъ полную фуражку отличныхъ, спѣлыхъ ягодъ.

— Гдѣ достали?

— А вонъ, тамъ... въ саду,—онъ безпечно кивнулъ головой въ сторону нѣмецкихъ окоповъ.

Въ «нейтральной» полосѣ, между нашими и нѣмецкими окопами, роскошный фруктовый садъ, какъ кровью облитый спѣлыми черешнями.

— Сами ходили?

— Конечно, самъ.. Сегодня тихо. Я открыто шелъ и только два выстрѣла сдѣлали нѣмцы.

— Посмотримъ, какъ ваши черешни отразятся на работѣ...

Но на работѣ онѣ не отражаются. Солдаты обожаютъ молодежь и, когда начальство пріѣзжаетъ на работы, ему остается одно: хвалить. Всѣ стараются изо всѣхъ силъ, чтобы не «подкачать» своего молодого начальника.

Они тоже любятъ въ немъ жизнь, любятъ молодость.

Сойдутся вмѣстѣ и обязательно заспорятъ. У кого лучше взводный, у кого расторопнѣе денщикъ.

— Мой Хлопуновъ такой пистолетъ!

— Зарубинъ не хуже.

— Куда ему до Хлопунова!.. Хлопуновъ мнѣ вчера такого гуся принесъ, что я и сегодня еще съѣсть не могъ.

— А мнѣ Савинъ варенье варитъ.

— Это что! Мой Ткачевъ у землянки баню строитъ... Париться будемъ.

— Изъ чего же баню?..

— Въ землѣ... Вмѣсто бака бочка, печь изъ сырца... Черезъ бочку трубу пропустимъ и столько кипятку у насъ будетъ, что на весь взводъ хватитъ!..

— Я къ тебѣ тоже приду.

— Не пущу... пускай каждый самъ себѣ строитъ... Я теперь, братъ, каждый день мыться буду...

Такъ они спорятъ безъ конца.

Но чуть понадобилась офицерская работа, ихъ уже нѣтъ.

Вспорхнули и летятъ по мѣстамъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Нѣмцы учатся

Солнце заходитъ и его косые лучи, пробиваясь сквозь голые стволы обмерзшихъ березъ, ложатся яркими пятнами на крѣпко слежавшійся снѣгъ. И только тамъ, гдѣ березъ меньше и гдѣ гуще заросли молодого ельника, этихъ пятенъ не видно. Въ просвѣты между стволами видны какія-то безформенныя, расплывчатыя сѣрыя тѣни. Отъ насъ до этой рощи шаговъ восемьсотъ. Мы тоже стоимъ на опушкѣ лѣса, густо усыпанной сломанными сучьями— слѣды недавней бомбардировки. А между нами болото. Теперь оно замерзло и, запорошенное снѣгомъ, кажется живописной равниной. Но чуть подуетъ тепломъ и на ослѣпительно бѣломъ покровѣ рѣзко протянутся длинныя черныя борозды зажоровъ. Это за зиму бывало не разъ.

Послѣдніе дни нѣмцы провели очень спокойно. Но сегодня, не то радуясь солнцу, не то по чему-нибудь другому, вылѣзли изъ своего жилья и ихъ сѣрыя фигуры то и дѣло мелькаютъ между деревьями.

— Чего они тамъ бродятъ?

— Шутъ ихъ знаетъ... Вишь, цѣлую дорожку протоптали,—показываетъ пулеметный унтеръ-офицеръ, передавая бинокль офицеру. На освѣщенномъ снѣгу, дѣйстви-

тельно, можно различить узкую ленту протоптаннаго и загрязненнаго снѣга.

— Смѣна у нихъ, что ли?

— Не похоже на смѣну... Спокойно ходятъ... Иной безъ винтовки даже идетъ.

— Сколько у насъ наблюдателей сейчасъ?

— По одному со взвода, ваше в—іе.

— Прибавь по второму. А у кого это стрѣльба?

— Во второмъ полку, надо думать, ваше в—іе.

— А не въ нашемъ первомъ батальонѣ?

— Никакъ нѣтъ, зачѣмъ? Они, вонъ, рядомъ совсѣмъ,— фельдфебель показалъ лѣвой рукой на сосѣдній выступъ лѣса.—Оттуда совсѣмъ иначе слыхать было бы.

— Чортъ его знаетъ, въ лѣсу не угадаешь.

— Такъ точно,—добродушно улыбается фельдфебель,— потому отдаетъ отъ лѣса... Вмѣсто выстрѣла все два слышно.

— Если что-нибудь подозрительное замѣтятъ, мнѣ скажи сейчасъ же...

— А къ вечеру, ваше в—іе, развѣдку будемъ высылать?

— До вечера еще далеко. Видно будетъ. Я сейчасъ по телефону узнаю, что у сосѣдей дѣлается.

Во второмъ полку оживленіе было сильнѣе.

Позиція нѣмцевъ передъ лѣвофланговымъ батальономъ проходила по тремъ невысокимъ холмамъ, имѣющимъ опредѣленный характеръ дюнъ, и захватывала двѣ небольшихъ деревни, на половину каменныхъ, на половину деревянныхъ. Усадьба того же названія, что и обѣ деревни, изъ которыхъ меньшая была выселкомъ другой, находилась въ нашихъ рукахъ. Отсюда до нѣмцевъ было не болѣе трехсотъ шаговъ.

Здѣсь тоже, съ самаго утра, обнаружилось какое-то странное движеніе у противника. Люди въ каскахъ, круглыхъ шапкахъ, съ красными околышами и двумя кокардами все время сновали между обѣими деревнями и удалялись куда-то въ тылъ, откуда опять-таки шли люди. Здѣсь по нимъ сразу же открыли ружейный огонь. Движеніе на нѣсколько минутъ затихло, но потомъ опять возобновилось. Только четыре фигуры, въ сѣрыхъ шинеляхъ, остались лежать неподвижно на дорогѣ между деревнями. Имъ вообще уже не суждено больше куда бы то ни было двинуться. Убѣдившись, что нѣмцы не унимаются, наши снова открыли огонь, учащая его при каждой попыткѣ нѣмцевъ пренебречь имъ и ослабляя, какъ только они проявляли покорность.

Но и здѣсь, дѣятельно мѣшая имъ разгуливать по позиціи, не понимали, что бы могло значить это хожденіе.

Наконецъ, видя, что ружейный огонь все-таки мало нарушаетъ спокойствіе «гуляющихъ», командиръ полка приказалъ легкой батареѣ открыть огонь по промежутку между деревнями, какъ только на немъ покажутся группы нѣмецкихъ пѣхотинцевъ.

Нѣсколько шрапнелей, пущенныхъ сюда, отрезвили нѣмцевъ и ходьба прекратилась.

На ночь рѣшили выслать развѣдку на всѣхъ боевыхъ участкахъ.

Рано утромъ начали поступать донесенія.

На участкѣ второго полка развѣдчики слышали, что нѣмцы возятъ по рву окоповъ пулеметы и насчитали ихъ до двѣнадцати. Лѣвѣе, въ третьемъ полку, слышали, какъ нѣмцы что-то строили изъ дерева. Всю ночь слышались удары топора и довольно громкій, но рѣдкій разговоръ.

Вправо, въ одномъ мѣстѣ, офицеръ слышалъ, какъ кто-то въ окопахъ пѣлъ австрійскій гимнъ «Gott behüte

unser Kaiser»... тихо, вполголоса, довольно неясно выговаривая слова; очевидно, пьяный. Онъ же заподозрилъ, что нѣмцы или австрійцы, присутствіе которыхъ раньше не установленное, теперь выдавалось этимъ пѣніемъ гимна, строятъ вдоль окоповъ узкоколейку. Онъ слышалъ, какъ стучали колеса по рельсамъ и его наблюденіе подтвердили четверо развѣдчиковъ, тоже слышавшихъ этотъ стукъ. Въ томъ же направленіи, откуда слышался этотъ стукъ, доносился громкій говоръ нѣсколькихъ человѣкъ. Можно было думать, что шла разгрузка; по тону доносившагося въ ночной тишинѣ разговора можно было различить приказанія, споры и просто болтовню непріятельскихъ солдатъ. Тишина на всемъ фронтѣ у нѣмцевъ была мертвая.

Плѣнныхъ удалось захватить только на участкѣ второго полка. Это были рослые, хорошо дисциплинированные нѣмцы, безукоризненно стоявшіе на вытяжку передъ офицерами штаба, старательно отбивающіе тактъ шага, при отданіи чести офицеру на ходу—словомъ, это были «нѣмцы», какими мы ихъ знали, по описаніямъ, въ мирное время.

Но и у нихъ, у этихъ образцово вымуштрованныхъ солдатъ, были признаки упадка, который такъ ярко выражается теперь на представителяхъ позднѣйшихъ формированій арміи Вильгельма. Первое, что бросилось въ глаза—худые сапоги и иного образца, нежели у другихъ. Уже это показываетъ, что стройная прежде служба снабженія приходитъ въ разстройство. Каска оказалась только у унтеръ-офицера. Рядовые же были одѣты въ безкозырки, при чемъ въ одной и той же части у нихъ оказались разные околыши.

— Почему это у одного красный околышъ, а у другого оранжевый?

— Я своднаго батальона,—сумрачно отвѣтилъ рыжій пруссакъ съ веснущатымъ лицомъ, на которомъ рѣши-

тельно все, начиная отъ блѣдно-сѣрыхъ глазъ и кончая бѣлесыми волосами, выглядѣло жалкимъ и безцвѣтнымъ. Сѣрый мундиръ только довершалъ впечатлѣніе.

— Что это значитъ: своднаго батальона?

— Изъ другой дивизіи... Мы понесли сильныя потери и отъ нашей дивизіи осталось около трехъ ротъ.

— И что же?

— Унтеръ-офицеры и офицеры со знаменами поѣхали въ Германію, а насъ, рядовыхъ, разослали по другимъ полкамъ, вмѣстѣ съ новыми пополненіями.

— Зачѣмъ же офицеры поѣхали?

— Тамъ, въ Германіи, они сформируютъ новыя части.

— У васъ всегда такъ дѣлаютъ?

— Не знаю,—тупо отвѣтилъ пруссакъ и, недовольный вопросомъ, отвернулся въ сторону.

Его оставили и приступили къ допросу унтеръ-офицера.

— Что означаетъ эта ходьба, которая привлекла съ нашей стороны стрѣльбу?

— Занятія,—коротко отвѣтилъ унтеръ-офицеръ, не дрогнувъ ни однимъ мускуломъ; такъ строго на вытяжку, стоялъ онъ даже передъ непріятельскимъ офицеромъ.

— Какія же это занятія, они даже безъ ружей?

— Да. Но это занятія.

— Какія же, какая ихъ цѣль?

— Цѣль?—Онъ, видимо, искренно удивился нашей наивности.—Цѣль пріучить ихъ къ стрѣльбѣ.

— Какъ? Что же они должны дѣлать?

— Каждый буршъ долженъ пройти спокойнымъ, учебнымъ шагомъ извѣстное разстояніе между окопами, не спускаясь въ ходъ сообщенія. Это ему разрѣшается только при большомъ усиленіи огня.

— А если откроетъ огонь пулеметъ?

— Онъ можетъ лечь.

— Но они шли не учебнымъ шагомъ, а самымъ обыкновеннымъ?

— Плохо обучены, неуклюжи... Объ этомъ у насъ уже было въ приказѣ.

— Въ какомъ приказѣ?

— По полку.

— Послѣ этого и были введены новыя занятія, подъ огнемъ?

— Подъ огнемъ? Нѣтъ. Мы ихъ производимъ только въ затишье.

— Но вѣдь вы вызываете этимъ нашъ огонь?

— Одиночные выстрѣлы не въ счетъ. Солдатъ долженъ привыкнуть къ нимъ, какъ къ своей похлебкѣ. Это его дѣло.

— Кто же ведетъ эти занятія?

— Мы.

— Унтеръ-офицеры?

— Да.

— А офицеры?

— Они могутъ имѣть дѣло только съ вполнѣ обученными людьми.

Для офицеровъ оперативной службы показанія плѣнныхъ не дали ничего въ смыслѣ раскрытія плановъ противника.

Они были такъ поглощены своимъ окопнымъ сидѣньемъ, что для нихъ прибытіе «неуклюжихъ буршей» на пополненіе убыли въ солдатахъ имѣло характеръ наиболѣе захватывающей злобы дня.

На вопросъ, чему предшествовало ихъ предыдущее укомплектованіе, плѣнные отвѣтили, что ихъ повезли въ Россію.

— Откуда?

— Изъ Бельгіи...

— Это давно было?

— Два мѣсяца назадъ.

Тѣмъ не менѣе, показанія ихъ были записаны, отпечатаны и разосланы въ части съ инструкціей впредь прекращать нѣмецкія «ученія» немедленно по ихъ обнаруженіи наблюдателями. Рекомендовалось при этомъ сразу переходить на частый огонь.

Показанія всѣхъ заинтересовали и, въ частности, артиллеристы установили новый наблюдательный пунктъ съ цѣлью включить въ сферу ближайшаго и непосредственнаго наблюденія всѣ прогалы въ лѣсахъ и нѣкоторые участки, раньше нѣсколько ускользавшіе отъ нихъ и которымъ они не придавали особаго значенія. Но теперь картина мѣнялась.

Съ новаго наблюдательнаго пункта особенно хорошо была видна широкая поляна позади обѣихъ деревень, занятыхъ нѣмцами.

Сейчасъ же за деревнями начинался небольшой, саженый лѣсокъ, а за нимъ, вплоть до огромной помѣщичьей усадьбы, съ двумя высокими трубами сахарнаго завода, тянулась почти совершенно ровная поляна. Всѣ думали, что если нѣмцы всерьезъ взялись за обученіе своихъ «буршей», то, вѣроятно, они воспользуются и этой поляной.

И дѣйствительно, около семи часовъ утра съ новаго наблюдательнаго пункта уже звонили по телефону.

— Нѣмцы...

— Гдѣ?

— На полянѣ.

— Много? Пѣхота?

— Кавалерія, около эскадрона.

— Давай прицѣлъ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ морозномъ воздухѣ просвистѣла шрапнель. Одна.

Тѣмъ временемъ нѣмецкій эскадронъ вытянулся рядами, очевидно, для смѣнной ѣзды.

Разрывъ шрапнели, совершенно неожиданный, внесъ безпорядокъ. Двѣ лошади рѣзко рванулись въ стороны, сбросили всадниковъ и понеслись по бѣлому, чистому снѣгу.

— Котильонъ у нѣмцевъ,—засмѣялся офицеръ.

— Второе!

Выстрѣлъ.

— Третье!

Начинался совершенно правильный обстрѣлъ рѣдкимъ огнемъ. Но нѣмцы, разомкнувшись, продолжали ѣзду широкой рысью.

— Очередь!

Шесть бѣлыхъ клубковъ показались въ воздухѣ сразу.

— Очередь!

Не успѣли растаять прежніе, какъ уже новые дымки разрывовъ бѣлѣютъ въ синевѣ.

Нѣмцы удрали и батарея смолкла.

Зашевелились.

Темою дня стало донесеніе развѣдчиковъ о томъ, что прошлой ночью они ясно слышали стукъ колесъ полевой желѣзной дороги по рельсамъ почти у самыхъ окоповъ. Во главѣ этой партіи развѣдчиковъ былъ офицеръ, и онъ упорно настаивалъ на точности этихъ свѣдѣній.

— Вы говорите, поручикъ, что этотъ стукъ былъ слышенъ шагахъ въ пятистахъ за нѣмецкими окопами?—уже не въ первый разъ спрашивалъ его начальникъ штаба дивизіи.

— Это очень трудно опредѣлить точно. Но, судя по тому, какъ доносился звукъ, я думаю, что это такъ, хотя, конечно, въ разстояніи я могъ ошибиться. При тишинѣ, въ морозъ, можно слышать движеніе почти на версту.

— А у васъ не составилось представленія о быстротѣ этого движенія?

— Опредѣленнаго, опять-таки, нѣтъ... Но я думаю, что они перевозятъ свои вагонетки вручную.

— Почему?

— Во-первыхъ, слышно много людскихъ голосовъ и среди нихъ, какъ я могъ замѣтить, довольно правильно, черезъ опредѣленные промежутки времени, выдѣлялись крики, похожіе на команду. У меня даже была мысль

сообщить объ этомъ артиллеристамъ и я не сдѣлалъ этого только потому, что мнѣ было бы очень трудно дать имъ вѣрное направленіе. А съ другой стороны, мнѣ хотѣлось еще разъ провѣрить свои наблюденія.

— Пройти вглубь расположенія противника вы не могли?

— Нѣтъ. Въ этомъ мѣстѣ они густо занимаютъ позицію и, кромѣ того, прикрыты очень широкой полосой проволочнаго загражденія. Въ этомъ мѣстѣ позиція нѣмцевъ дѣлаетъ небольшой поворотъ и образуетъ довольно острый исходящій уголъ, который они превратили въ опорный пунктъ...

Поручикъ вынулъ полевую книжку и, развернувъ ее, на одномъ изъ послѣднихъ листиковъ показалъ полковнику схематическій, наскоро сдѣланный чертежъ.

— Когда я прошлый разъ обслѣдовалъ это мѣсто, я, вернувшись домой, по старой схемѣ нанесъ то, что теперь мнѣ удалось установить вновь. Здѣсь,—онъ указалъ на прерывистую линію окоповъ,—нѣмцы остановились, при наступленіи, задержанные нашимъ огнемъ. Но потомъ, очевидно, исправляя фронтъ и лучше примѣняясь къ мѣстности, они выдвинули три небольшихъ окопа сюда, впередъ, и очень быстро устроились въ нихъ. Теперь я установилъ цѣлымъ рядомъ наблюденій, что всѣ эти мелкіе окопы ими усовершенствованы, связаны не только между собой, но и съ тыломъ, гдѣ у нихъ, очевидно, главная позиція.

— Это единственное мѣсто на участкѣ вашего полка, гдѣ они имѣютъ такой выступъ?

— Такъ точно. Но нѣчто подобное у нихъ есть и на участкахъ другихъ частей. Это я знаю отъ сосѣднихъ развѣдчиковъ.

Поручика отпустили.

Слухъ о томъ, что нѣмцы строятъ желѣзную дорогу, сдѣлался общимъ достояніемъ. О ней говорили въ окопахъ,

въ штабѣ, въ обозахъ, вездѣ гдѣ угодно. Даже жители, до которыхъ, естественно, это тоже дошло, принимали участіе въ общихъ толкахъ, задумчиво покачивая головами и, по обыкновенію, вздыхая при мысли: что-то будетъ?

Но этого пока не знали нигдѣ, кромѣ штаба, хотя и здѣсь только три человѣка принимали участіе въ подготовкѣ неизбѣжнаго будущаго.

Около девяти часовъ утра къ маленькому бѣлому домику, у ограды котораго, поникнувъ на морозѣ, на высокомъ шестѣ виднѣлся флагъ управленія тяжелаго дивизіона, подъѣхали два офицера, въ сопровожденіи пяти казаковъ.

Войдя въ домъ, одинъ изъ нихъ открылъ первую же дверь налѣво, но здѣсь оказалась кухня, набитая солдатами.

— Командиръ дивизіона гдѣ живетъ?

— Они спятъ еще,—оправляя рубашку съ барскаго плеча, отвѣтилъ денщикъ.

— Гдѣ, я тебя спрашиваю!—настойчиво повторилъ офицеръ.

Денщикъ бросился бѣгомъ отворять противоположную дверь.

— Здѣсь, ваше в—іе, въ другой комнатѣ.

Первая комната оказалась чѣмъ-то въ родѣ столовой и кабинета вмѣстѣ, а въ слѣдующей, на деревянной, мѣстной кровати кто-то спалъ. Въ сторонѣ, на походной кровати, сидѣлъ, причесываясь, молодой офицеръ, который, увидѣвъ гостя, тотчасъ же всталъ.

— Гдѣ ваше начальство?

— Спитъ.

Офицеръ указалъ на деревянную кровать, гдѣ изъ-подъ теплаго одѣяла, бурки и шинели виднѣлась сѣдая голова «тяжелаго хозяина».

— Леонтій Ефимовичъ!

— Гм...

— Вставайте!

— Гм?

— Вставайте, надо съ вами поговорить.

— Подите къ чорту, въ парки послано.

— Какіе парки? Мнѣ надо съ вами поговорить. Я начальникъ штаба.

— Что?.. Изъ штаба я ничего не просилъ.

Офицеры засмѣялись.

— Леонтій Ефимовичъ...

— Ну, что еще? Вчера еще пришли, чего пристаете? Давно донесъ куда надо!..

— Кто пришелъ? Куда донесли?

— Инспектору—про гаубицы!

— Какія гаубицы!

— А, чортъ васъ возьми, да которыя пришли изъ ремонта!—закричалъ полковникъ, вылѣзая изъ-подъ одѣяла и съ удивленіемъ видя передъ собой начальника штаба.— Гм! Вы почему въ шубѣ? Петрушка, чаю! Андрей Ивановичъ, похлопочите, пожалуйста...

Адъютантъ вышелъ.

— Вы одинъ пріѣхали?

— Нѣтъ, съ капитаномъ.

— А гдѣ же онъ, мерзнетъ, для субординаціи? Тащите его сюда, чай будемъ пить.

— У меня дѣло къ вамъ, Леонтій Ефимовичъ.

— Ну что жъ? И чай дѣло, и капитанъ тоже дѣло... Сядемъ и потолкуемъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, они вчетверомъ, за кипящимъ самоваромъ, обсуждали планъ предстоящей усиленной развѣдки.

— Повидимому, нѣмцы къ чему-то готовятся. Кромѣ того, что они усиленно обучаютъ свои пополненія,—гово-

рилъ начальникъ штаба, сравнительно молодой полковникъ съ симпатичнымъ, выхоленнымъ лицомъ, съ бѣлыми подстриженными усами, бритымъ подбородкомъ и золотымъ пенснэ на тонкомъ, съ горбинкой, носу,—они строятъ полевую желѣзную дорогу. Очевидно, они рѣшили здѣсь крѣпко устроиться и, выигрывая время затишья, подготовляютъ себѣ базу для будущаго наступленія.

— А я при чемъ?

— Я полагалъ бы, и генералъ раздѣляетъ мое мнѣніе, что намъ слѣдуетъ сбить ихъ съ этого рубежа, разрушивъ этимъ ихъ приготовленія въ самомъ началѣ...

— Хорошо. А когда стрѣлять и куда?

— Вотъ. Сегодня на этомъ участкѣ...

— Гдѣ дорога?

— Да... Будетъ произведена усиленная развѣдка двумя ротами. При успѣхѣ, вамъ хорошо было бы ее поддержать.

— Пусть скажутъ по телефону, — равнодушно отозвался Леонтій Ефимовичъ,—а вамъ я совѣтовалъ бы пока сала попробовать, у насъ оно очень въ ходу за послѣднее время.

Роты вышли въ десятомъ часу.

Разсыпавъ по два взвода и имѣя по одному въ поддержкахъ, и по одному въ резервѣ, онѣ двинулись широкой цѣпью вслѣдъ за развѣдчиками, шедшими впереди и съ которыми тщательно поддерживали связь людьми.

Небо покрыто тонкими, слоистыми облаками, сквозь которыя довольно ясно пробивается луна. Кругомъ все видно хорошо. Видны отдѣльныя деревья, до которыхъ по окопной таблицѣ стрѣльбы пятьсотъ шаговъ; виденъ каменный домъ, до котораго шестьсотъ шаговъ и гдѣ нѣмцы по ночамъ держали заставу, пока ее, оглушенную ручными гранатами, не забрали въ плѣнъ.

Холодно. Послѣ теплой землянки, съ воздухомъ, смѣшаннымъ изъ запаха пота, дыма печки и трубокъ и какой-то снѣди на свиномъ салѣ—здѣсь, наружу пробираетъ легкая пріятная дрожь и дышится такъ легко, что обратно въ землянку уже не тянетъ.

Однако, спокойно идти пришлось недолго.

На линіи своихъ секретовъ залегли.

— Тихо у нѣмцевъ?

— Развѣдчики у нихъ вышли.

— Гдѣ?

— Влѣво, тамъ.

— Много?

— Не видать было сколько.

— А все-таки?

— Да такъ, сколь отседа видать, такъ вездѣ они лѣзли.

Это очень осложняло задачу. Взводъ восьмой роты, шедшей лѣвѣе, оставленный въ резервѣ, пришлось остановить для обезпеченія фланга. Одновременно были посланы два стрѣлка къ командиру сосѣдняго батальона съ просьбой прислать одну роту для присоединенія къ развѣдкѣ, въ видѣ поддержекъ и резерва, и командиру своего батальона донесли о приближеніи нѣмцевъ. Очевидно, на роты своего батальона, какъ на помощь, разсчитывать уже не приходится. Онѣ могутъ быть заняты отраженіемъ нѣмецкой развѣдки.

Командиры развѣдывающихъ ротъ сошлись.

— Будемъ ждать роту изъ перваго батальона?

— Не стоитъ.

— Пойдемъ сами? А если...

— Что если? Впрочемъ, ты старшій,—твое дѣло.

— Гаврилычъ еще старше... Надо его спросить.

— А онъ гдѣ?

— Здѣсь, съ развѣдчиками.

Но поручикъ, котораго звали Гаврилычемъ и по указаніямъ котораго развивалось это частное наступленіе, рѣшилъ, что надо идти впередъ.

Только что тронулась головная цѣпь — развѣдчики, слѣва глухо треснули два выстрѣла.

— Нѣмцы!..

Потомъ опять все стихло. Цѣпь замерла, было, на мѣстѣ, но тотчасъ же двинулась дальше.

Гаврилычъ, ведя развѣдчиковъ, прибавилъ шагу. Рѣшая продолжать развѣдку, онъ хотѣлъ скорѣе пройти впередъ, предоставляя «окопнымъ» раздѣлываться съ нѣмецкой развѣдкой и не видя въ ней помѣхи своей задачѣ. Всѣ подтянулись.

Не прошли и сотни шаговъ, какъ слѣва и немного сзади сразу «посыпалась» трескотня. Засвистѣли пули. Теперь останавливаться некогда и шагъ дѣлается все тверже и тверже, зрѣніе напрягается, слухъ дѣлается тоньше и вся мысль, всѣ нервы, вся незримая суть человѣка устремлена туда, гдѣ подъ бѣлой пеленой снѣга скорѣе угадываются, чѣмъ видны нѣмецкіе окопы.

Кто-то вскрикнулъ впереди. Потомъ захрапѣлъ, забормоталъ, и громкій стонъ вырвался изъ чьей-то надорванной груди. Изъ нѣмецкихъ окоповъ сразу открыли бѣглый огонь.

Нарвались на секретъ. Залегли.

А тамъ, лѣвѣе и сзади, тоже разгорѣлась жестокая перестрѣлка. Теперь, если бы, не зная обстановки, сюда попалъ свѣжій человѣкъ, онъ не смогъ бы разобраться, кто и на кого наступаетъ. Пули свистятъ всюду. Есть раненые; они медленно, осторожно отползаютъ назадъ, все время подаваясь, на ходу, вправо.

Цѣпи продолжаютъ движеніе, но уже не въ ростъ, какъ раньше, а какъ придется: гдѣ пригнувшись, гдѣ ползкомъ,

мѣстами продвигаясь впередъ всей цѣпью, мѣстами переходя въ перебѣжки.

У проволоки выравниваются. Развѣдчики пробуютъ прорѣзать сѣть, теряютъ нѣсколько человѣкъ, опять берутся за ножницы, снова падаютъ, но не отходятъ.

Роты, идущія сзади, подтягиваются... У нихъ накидные мостки...

Изъ нашихъ окоповъ по нѣмецкимъ развѣдчикамъ трещитъ пулеметъ.

Оттуда слышны крики. Здѣсь тоже ружейная трескотня не смолкаетъ. Нѣмцы встревожились. Но пока они ведутъ безпорядочный огонь, развѣдчики, какъ кошки, вцѣпились въ проволоку и каждый, прорѣзая проходъ для себя, проползаетъ впередъ, не поднимаясь отъ земли ни на минуту. Въ промежуткахъ стрѣлки накидываютъ свои мостки и тоже переходятъ слѣдомъ за развѣдчиками. Ни одного выстрѣла до сихъ поръ не сдѣлали эти роты.

По ту сторону проволоки задерживаются: идетъ накапливаніе.

Лѣзутъ по землѣ развѣдчики, за ними стрѣлки, часть которыхъ ползкомъ, медленно, чтобы не шумѣть, червями перебирается и по мосткамъ, и когда взводы передовой цѣпи уже переползли, а у самой проволоки начали выравниваться поддержки, за полверсты вправо, на самой линіи нѣмецкихъ окоповъ частыми очередями, безостановочно начали рваться снаряды.

«Тяжелая выручаетъ»,—подумали всѣ и «ура» невольно вырвалось сразу—крѣпкое, громкое, и потушило огонь...

...Рота изъ перваго батальона пришла во-время.

Захвативъ окопъ, роты развѣдки принялись за разборку плѣнныхъ, ружей, патроновъ, но въ это время на нихъ съ обоихъ фланговъ бросились нѣмецкія поддержки. Слѣва атаку отбили легко. Здѣсь нѣмцы не могли дѣйствовать такъ рѣшительно, видя, что впереди ихъ развѣд-

чики попали въ непріятную передрягу и опасаясь большихъ силъ съ нашей стороны, но справа они уже начинали обходить насъ...

И тутъ-то по нимъ открыла огонь только что развернувшаяся, свѣжая рота.

Нѣмцы отхлынули, и окопъ остался за нами.

Тяжелыя батареи перенесли огонь и раздѣлили его по широкому сектору нѣмецкой позиціи, гдѣ уже обнаруживалось большое движеніе. Они отступали на вторую линію окоповъ, лежащую въ верстѣ позади первой, и «тяжелый хозяинъ» старался не опоздать съ проводами ихъ на новоселье.

Съ разсвѣтомъ все стихло. Всѣ притаились на новыхъ мѣстахъ. И только одни развѣдчики, по двое, по трое, шныряли по новымъ окопамъ, разглядывая нѣмецкія печи, около которыхъ всюду валялись бутылки изъ-подъ пива и коньяку. А ночью они съ особеннымъ наслажденіемъ волокли въ тылъ двѣ версты хорошихъ дековилевскихъ рельсовъ и пять вагонетокъ.

Въ затишье.

Кругомъ тихо. Съ сумерками въ окопѣ стало темно и стрѣлки вылѣзаютъ изъ блиндажей.

— Митюнька!—слышится изъ-подъ бруствера.

— Ну?

— Картошка есть?

— А то какъ же... Извѣстное дѣло...

— Чего же не варишь-то?

— Не на чемъ. Дровъ нѣту.

— Эхъ, ты, чучела пошехонская... Дровъ нѣту! Добѣжалъ бы куда слѣдъ, за ними...

— Куды бѣжать-то?

— Эхъ, Господи!.. Неужели жъ мнѣ идти?

— Ну да, тебѣ... Одѣвай сапоги-то. Чай, ночь,— все равно снаряжаться-то.

Въ блиндажѣ, у самаго выхода въ окопъ, слышится возня. Слышно, какъ что-то твердое ерзаетъ по деревянному полу, кто-то, видно съ натуги, сопитъ.

— Петровичъ, одѣваешься, что ли?

— Ну да, одѣваюсь... Сапогъ чего-то ссохся, не лѣзетъ.

— Поплюй...

— Дура, на морозѣ да плевать... Куда плевать-то, на

— Старъ ты, Петровичъ, а глупъ... Въ блиндажѣ плюй, да на руки, онѣ и будутъ крѣпче поддарживать...

— Поддарживать!.. Пошехонье! Ну, говори, что ль, гдѣ дрова-то доставать надо?—живо спрашиваетъ Петровичъ, вылѣзая на четвереанькахъ изъ блиндажа.

— Вонъ, позади, идѣ ракиты стоятъ... Тамъ ольшанику цѣлый курень былъ, такъ его порубили вчерась... Коли не весь еще растаскали, дрова будутъ.

Петровичъ поправилъ шапку, вылѣзъ изъ окопа и побрелъ къ ракитамъ. На волѣ еще не совсѣмъ стемнѣло, и черную фигуру Петровича нѣмцы скоро различили на снѣгу. Сухо и коротко треснули два выстрѣла.

— Мать честная!.. Чего озорничать-то,—огрызается Митюнька, видя, что Петровичъ, прибавивъ шагу, скрылся въ сумеречной мглѣ, и налаживая у выхода изъ окопа таганъ.

Петровичъ долго не возвращается, и Митюнька лѣзетъ въ блиндажъ, долго роется въ углу, вороша вещевые мѣшки, сваленные въ кучу. Впотьмахъ трудно отличить свой мѣшокъ отъ чужого, и Митюнька долго ворчитъ и корчится на колѣняхъ, прежде чѣмъ ему попадаетъ въ руку мѣшокъ съ оборванной лямкой.

— Слава Те, Господи, насилу нашелся!..—радуется онъ, вытирая рукавомъ вспотѣвшее лицо и подтягивая мѣшокъ поближе къ себѣ. Загремѣла кружка, звякнула подвязанная къ ручкѣ длинной бечевкой крышка жестяного чайника.

— Ишь, разговариватъ,—усмѣхнулся Митюнька широкимъ ртомъ, запуская руку въ мѣшокъ...—Хлѣба-то хватитъ ли?—разсуждаетъ онъ про себя.—Соль идѣ-то быть должна, а куды клалъ, не помню... Не то подъ бѣлье, не то въ подсумокъ... И снова принимается шарить въ мѣшкѣ.—Сало подъ руку попалось... отъ утра, знать, осталось... пахнетъ, ровно свѣжее. А чай-то идѣ же? Са-

харъ межъ пальцевъ зря перекатывается, а баночки-то съ чаемъ не видать... Неужли огонь вздувать? Взводный увидитъ, по шеѣ достанешь... Опять заоретъ: «спалить, что ли, всѣхъ тутъ хочешь?»

Въ окопъ кто-то грузно прыгнулъ. Отъ неожиданнаго шума Митюнька даже вздрогнулъ.

— Кого тамъ несетъ?

— А-а, не узналъ, что ли?

— Петровичъ? Ну что же, дровецъ-то разжился, ай нѣ?

— Есть. Какъ дровамъ не быть?.. Куды ни глянь, вездѣ дерево... хочь тебя расколоть,—смѣется Петровичъ, подбирая разсыпавшіяся полѣнца.

— Чего лаешься-то?

— Ладно... Приготовилъ, что ли?

— Чего готовить-то?

— А чайку, хлѣбца... Чего ѣсть-то будемъ? Картошка-то у тебя гдѣ складена?

— Мать честная,—завопилъ Митюнька,—про картошку-то я и запомнилъ[1])... Все чай искалъ... Заскочилъ куда-то, никакъ не сыскать...

— Эхъ, ты, дерево и есть... Правильно я те давеча обозвалъ. Самъ картошку затѣялъ, а картошки-то и нѣтъ. Даромъ только за дровами бѣгалъ, чуть плевка[2]) не досталъ.

— Какъ не быть, она есть,—смущенно потупясь, нерѣшительно возражаетъ Митюнька.

— Да гдѣ же она есть-то?

— А, вотъ, погодь...

И Митюнька опять ерзаетъ по блиндажу, переворачивая вверхъ дномъ и свои, и чужіе мѣшки, пока картошка, наконецъ, не находится.

---

[1]) Забылъ.

[2]) Пули.

Въ срединѣ окопа толкотня. Сгрудившись въ кучу, нѣсколько стрѣлковъ, съ винтовками, медленно попыхиваютъ цыгарками. Вспыхивающіе красноватые огоньки освѣщаютъ то густую, свалявшуюся русую бороду запасника, то наивное, курносое и безусое лицо «молодого», то безразличную, неподвижную физіономію давняго окопнаго сидѣльца, уцѣлѣвшаго въ полку отъ одного изъ первыхъ его составовъ. Говорятъ мало, отрывисто, заглушеннымъ, сдержаннымъ голосомъ.

— Кто идетъ нынче? Самъ, что ли?

— Самъ.

— А прапорщикъ не пойдетъ?

— Нѣ...

— Мѣняются, стало быть.

— Н-да.

— А куда идти-то?

— Кто его знаетъ. Нѣшто у него когда допытаешь?

— Онъ, поди, и самъ еще не знаетъ.

— Зачѣмъ врать, какъ не знаетъ? Ему-то, поди, все доподлинно обсказано. Они, братъ, въ штабѣ-то тоже не хуже тебя понимаютъ, чего имъ надобно.

— Я такъ располагаю, что безпремѣнно ему приказали плѣнныхъ достать.

— Догадливъ больно... Гдѣ его, плѣннаго-то, нынче достанешь? Онъ за проволокой...

— Что его, на удочку, что ли, ловить будешь?

— На то ты и развѣдчикъ... Кабы они за проволокой-то не сидѣли бы, ихъ бы и чуваши приводили... А то намъ велятъ,—отозвался старшій, рослый унтеръ-офицеръ, вылѣзая съ карманнымъ фонарикомъ изъ блиндажа. Всѣ, что ли?

— Кажись, всѣ.

— Еременко, посчитай, да подбери народъ-то, а я доложусь схожу.

Старшій быстро пошелъ по окопу. Съ наступленіемъ вечера здѣсь уже начиналась жизнь. Бродили и разсаживались по угламъ стрѣлки, кое-гдѣ уже горѣли небольшіе костры, кипятили чай, варили несложный ужинъ изъ чего Богъ послалъ. При окопномъ житьѣ, какъ бы хорошо казенное довольствіе ни было, оно никогда не доставитъ солдату того удовольствія, какъ самая незатѣйливая похлебка своей варки. И варятъ рѣшительно всѣ.

У поворота окопа, въ исходящемъ углу, гдѣ начинается ходъ сообщенія къ резерву, примостился офицерскій блиндажъ. Обшитый досками, взятыми съ пола разобраннаго дома, на толстыхъ бревенчатыхъ стойкахъ, добытыхъ тоже отъ какой-то разборки, блиндажъ вышелъ крѣпкимъ и чистымъ. Въ немъ живутъ два офицера: ротный командиръ и начальникъ команды развѣдчиковъ.

— Ваше б—іе, команда собрана,—доложилъ старшій, пріоткрывая дверь и просовывая голову внутрь блиндажа, освѣщеннаго кухонной лампой.

— Здѣсь, въ окопѣ?

— Такъ точно.

— Ладно. Дай винтовку.

Старшій быстро юркнулъ въ блиндажъ, снялъ со стѣны новенькій Маузеръ безъ штыка, осмотрѣлъ магазинъ и подалъ поручику.

— Всѣ патроны?

— Всѣ. Можно идти?

— Погоди, пойдемъ вмѣстѣ. Такъ, значитъ, если что-нибудь будетъ, ты меня поддержишь?—обратился развѣдчикъ къ сосѣду.

— Да, да...—отвѣтилъ ротный, молоденькій подпоручикъ, всего около года какъ окончившій училище.

— Ну, идемъ...

— Съ Богомъ...

Совершенно темно.

Облака затянули все небо, не оставивъ на немъ ни одного, даже мельчайшаго просвѣта. Не видно даже свѣтлаго пятна на томъ мѣстѣ, гдѣ вчера ярко свѣтила луна. Морозъ замѣтно уменьшился.

— Метель завтра будетъ...—говоритъ кто-то изъ развѣдчиковъ, сторожко смотря себѣ подъ ноги.

— Зѣвай, зѣвай... Гляди, куда идешь-то,—мрачно отозвался ефрейторъ, оглядываясь по сторонамъ.—Видишь, всѣ вправо принимаютъ.

Цѣпь развѣдчиковъ, дѣйствительно, принимала вправо. Очевидно, на правомъ флангѣ, гдѣ шелъ начальникъ команды и гдѣ развѣдчики сразу выдвинулись на много впередъ, уже ясно видны нѣмецкіе окопы. Теперь правый флангъ развѣдки начнетъ продвигаться вдоль расположенія нѣмцевъ, пока вся цѣпь не вытянется по самому проволочному загражденію, прикрывающему ихъ передовой опорный пунктъ. На небольшомъ холмѣ, опоясавъ его съ трехъ сторонъ, тянутся нѣмецкіе окопы, связанные ходами сообщенія. Вчера здѣсь трещалъ пулеметъ. Очевидно, нѣмцы придаютъ этому опорному пункту большое значеніе и продолжаютъ его усиливать.

Въ полномъ молчаніи, пригнувшись, цѣпь вытягивается долго. Двигаются по одному. Съ нѣмецкой стороны мертвая тишина. Ни одного выстрѣла, ни одной ракеты. Правофланговое звено развѣдчиковъ, съ начальникомъ команды, пододвинулось вплотную къ проволокѣ. Осторожно, положивъ винтовки съ досланными патронами на землю, развѣдчики принялись работать ножницами. Подрѣзанная у одного кола, пружинистая проволока долго качается на другомъ прикрѣпленномъ концѣ, едва слышно лязгая колючками о нижнюю обвязку, пока, подрѣзанная и здѣсь, безсильная, не падаетъ на снѣгъ. Ее оттаскиваютъ въ сторону и принимаются за другую.

Тишина кругомъ мертвая. Кажется, слышишь собственный пульсъ. Вѣтра нѣтъ никакого, а когда падаетъ срѣзанный кусокъ проволоки, кажется, что откуда-то, сразу съ нѣсколькихъ сторонъ, подуло прямо въ лицо, въ уши; холодный воздухъ тонкой струйкой забирается за воротникъ и по спинѣ пробѣгаетъ дрожь. Это нервы, не больше.

Рѣзать приходится долго. Сколько прошло часовъ или минутъ, сказать невозможно. Чувствуется только, что подходъ къ послѣднему, пятому, ряду кольевъ занялъ такъ много времени, что можно было бы скорѣе дойти до штаба полка, а онъ версты за четыре отсюда.

Тихо, шопотомъ, почти вплотную подползая къ сосѣду, стрѣлки передаютъ по цѣпи приказаніе быть наготовѣ. Начальникъ команды съ головнымъ звеномъ двигается впередъ.

Пошли. Ползкомъ, не выпуская винтовокъ изъ рукъ.

Вдругъ залегли... Изъ нѣмецкихъ окоповъ вышли пять человѣкъ и увѣренно пошли впередъ, прямо къ проволокѣ...

Тоже развѣдчики... или дозоръ...

Свѣтаетъ.

Темныя, грязно-сѣраго оттѣнка облака постепенно расходятся, открывая мѣстами свѣтло-синее небо. Морозъ покрѣпчалъ, и дымъ догорающихъ въ окопахъ костровъ поднимается кверху тонкими, сизыми струйками.

— Туши костры, довольно вамъ тутъ прохлаждаться-то,—серьезно замѣчаетъ подпрапорщикъ, обходя ротный участокъ.

— Сейчасъ приберемся,—отвѣчаетъ Митюнька, ползая на колѣняхъ около догорающихъ обломковъ корявaго сука, надъ которымъ виситъ густо запотѣвшій чайникъ.—Сейчасъ закипитъ, одна минута и дѣла-то...

По другую сторону, прислонившись къ стѣнѣ окопа, сидитъ Петровичъ. Теперь, при свѣтѣ утра, онъ выгля-

дитъ не такимъ неуклюжимъ, какимъ представлялся впотьмахъ. Рослый, широкоплечій, со скуластымъ лицомъ, почти сплошь заросшимъ длинными русыми волосами, онъ добродушно смотритъ маленькими сѣрыми глазами на Митюньку и потираетъ варежкой длинный, крючковатый носъ, потонувшій въ растрепанныхъ, пушистыхъ усахъ.

— Чего носъ-то трешь, обмерзъ что ль?

— Щипается...

— Сейчасъ чайку попьемъ, отойдешь.

— И то... Ефимка, отколь?—спрашиваетъ Петровичъ, подбирая подъ себя вытянутыя ноги, чтобы дать пройти коренастому стрѣлку, съ моложавымъ, почти бабьимъ лицомъ.

— Съ развѣдки... Чай-то есть?

— Есть. Садись...

— Сейчасъ. Дай, разберусь.—И Ефимка быстро, сноровистыми движеніями сбрасываетъ съ себя патронташъ, опускаетъ воротъ шинели, кладетъ винтовку на мѣсто, въ бойницу, распускаетъ поясъ и подсаживается къ тлѣющимъ углямъ.—Митюнька, кружки притащи...

— Ишь баринъ, подавай ему!—огрызается Митюнька, но за кружкой все-таки идетъ, въ глубинѣ души сознавая, что уставшему земляку обязательно надо уважить.

— Попалили ма́лость?..—пытливо заговариваетъ Петровичъ, продолжая тереть носъ.

— Еле выдрались...

— Сколько ихъ-то привели?

— Пятерыхъ... Унтеръ одинъ, да рядовыхъ четыре... Одинъ, сказываютъ, отличный стрѣлокъ... висельбантъ у его на плечѣ, подъ шинелью нашли... Здоровъ драться, подлецъ... Кулакомъ Терехина какъ съѣздилъ, тотъ такъ и загудѣлъ. Ладно, что на снѣгу, а на землѣ бы безпремѣнно ему ребра рѣшиться надо бы.

— Далече дошли-то?—спрашиваетъ Митюнька.

— Еще бы тѣ не далече; всю проволоку ихнюю прошли,—отвѣчаетъ Ефимка.—И какъ прорѣзали-то,—ни сномъ, ни духомъ нѣмецъ не зналъ. И не чуялъ. Только мы за проволоку-то вылѣзли, глядь, а оттоль, изъ окопа-то изъ ихняго, люди лѣзутъ. Таково это они смѣло лѣзутъ, что про насъ, стало быть, у нихъ и въ мысляхъ не было.

— Самъ нападать хотѣлъ. Я и то съ вечера еще Митюнькѣ говорилъ: обожди; говорю, съ чаемъ-то, до ракетъ. А то тихо что-то нѣмецъ прижался: не вышло бы чего...

— А чего вышло-то? Напились и нѣтъ ничего... Что пострѣляли-то, такъ это до насъ не касаемо, то въ развѣдкѣ...—огрызается Митюнька.

— Да... Вылѣзли это они и идутъ. Идутъ, равно кто нанялъ ихъ эдакъ ходить. Не пригнется тебѣ, ровно, какъ по двору у себя идетъ. И прямо къ проволокѣ, чуточку полѣвѣе того мѣста, гдѣ у насъ проходъ-то прорѣзанный кончился. Старшій увидалъ, что одинъ-то у нихъ отдѣливши идетъ, какъ наскочитъ на него, да кубаремъ ему подъ ноги, тотъ и скрутился, ну, онъ тутъ на него и насѣлъ. Остальные-то было крикнули, да наши сразу кинулись на нихъ, ну имъ тутъ и крышка пришла. Кинули винтовки. Ихъ сейчасъ первое дѣло на земь, рты позаткнули и нишкнемъ.

— О-о?..

— Да-а... А ихніе-то крикъ услыхали, огонь давай открывать...

— Слыхать было...

— Мы, это, легли, а нѣмцы-то, стало, подъ нами лежатъ... Мой-то стервецъ мычитъ, что тебѣ телушка. Я ему платокъ сунулъ, а у него глотка, что у чорта—нипочемъ ее всю не напихаешь. Зажалъ ему горло-то рукой, а онъ, подлецъ этакій, руку-то ослобонилъ, изловчился, да какъ мнѣ подъ бокъ дастъ... Духъ захватило...

— Силенъ?..

— Здоровый, собака... Ну, тутъ Панька Корявый ко мнѣ подползъ, ноги ему зажалъ, а ужъ съ глоткой-то я съ евонной справился во-какъ.

— Скажи на милость...

— Да-а... Наши тоже, значитъ, огонь открыли... Только рѣдко такъ... Нѣмцы затихли. Должно ихъ въ окопѣ-то мало было... Скоро и совсѣмъ стрѣлять кончили. А какъ стрѣлять кончили, мы назадъ. Ползкомъ-ползкомъ, нѣмцевъ за ноги, а какъ изъ-за проволоки вылѣзли, дальше пошли.

— Чудно!

— Чего чудно-то?.. Послѣ, которые шли, проволоку рѣзаную съ собой забирали.

— На память...

— На что сгодится. Толстая проволока, здоровая.

— Всѣхъ довели?

— Всѣхъ... Только Терехинскій нѣмецъ уперся было. Какъ мы ихъ за проволоку-то, къ себѣ, значитъ, выволокли, поднимать ихъ стали. Руки повязали, да за руки и подняли. А Терехинъ-то сталъ ему руки вязать, да шнуръ-то у него и лопнулъ. Нѣмецъ вырвалъ у него руки, да какъ саданетъ его въ грудь, а потомъ по уху, ну, Терехинъ и не устоялъ—покатился по снѣгу, съ ногъ сшибъ. А нѣмецъ-то, щучій сынъ, ротъ ототкнулъ, да какъ заоретъ!

— О-о?

— Не слыхалъ, что ль?

— Да-а... Какъ заоретъ, ну, тѣ изъ окоповъ опять пальбу открыли. Тутъ ужъ непріятно стало. Все получилось честь-честью, домой уже пошли и вдругъ, не дай Богъ, достанешь плевка какого... Да, ничего, все выше головъ шло, какъ попригнулись-то. И нѣмецъ-то, что кричалъ, самъ спужался, да и присѣлъ, а Терехинъ-то отошелъ ужъ, поднялся, да какъ свиснетъ его въ морду, такъ

онъ и зарылся. Тутъ уже ему на-ново и ротъ приткнули, руки скрутили и повели.

— Не дерись, стало быть...

— Да-а... А только идти онъ никакъ не хотѣлъ. Уперся оземь руками, и хоть что хошь... Такъ его волокомъ и перли.

— Какъ салазки.

— И то... И потомъ-то ужъ, когда сюда привели, и то стоитъ все волкомъ какимъ-то смотритъ, видать, что злобится...

— Отличный стрѣлокъ, говоришь, нѣмецъ-то?

— Самъ такъ сказывалъ...

— Оттого и злобится... Небойсь, у себя-то, гляди, въ унтера бы попалъ, а теперь вонъ что.

— Теперь ужъ чего!? Теперь ему такая линія вышла, что безпремѣнно ему въ Сибирь ѣхать надо...

Тяжелый хозяинъ.

Когда я прiѣхалъ въ штабъ ... дивизiи, мое вниманiе обратилъ на себя артиллерiйскiй подполковникъ, мѣрными шагами разгуливавшiй по залу. Высокаго роста, плотный, съ сильной просѣдью и слегка одутловатымъ лицомъ, изборожденнымъ глубокими морщинами, онъ сначала мнѣ показался суровымъ.

— Въ штабъ?—густымъ басомъ спросилъ онъ, отвѣчая на мой поклонъ.

— Такъ точно, господинъ полковникъ.

— Ждать нужно,—мрачно отвѣтилъ онъ.

— Всѣ заняты?

— Приказъ пишутъ.

— Развѣ чего-нибудь ждутъ?

— Наступать, кажется, будутъ.

— Всѣ? По всему фронту?

— Кажется...

На его погонахъ я замѣтилъ шифровку тяжелой артиллерiи.

Онъ снова зашагалъ по комнатѣ.

Черезъ нѣсколько дней мы, дѣйствительно, наступали. Тяжелая артиллерiя гремѣла весь день. Сидя въ штабѣ, я былъ пораженъ, какъ часто вызываютъ по телефону ко-

мандира тяжелаго дивизіона, сидѣвшаго на наблюдательномъ пунктѣ. Телефонистъ то и дѣло переставлялъ штепселя коммутатора.

— Откуда это звонятъ?

— Изъ полковъ больше...

Захотѣлось посмотрѣть это ближе, и я поѣхалъ на наблюдательный пунктъ.

На чердакѣ халупы, разрывъ круглой дырой солому на крышѣ, подполковникъ, сидя на какихъ-то жердочкахъ, слаженныхъ на подобіе стула, напряженно смотрѣлъ въ «рожки» [1]), наблюдая за боемъ. Здѣсь же телефонъ, который работаетъ непрерывно.

— Кириллъ Прокофьевичъ, четыре дѣленія вправо...

— Что? Третій полкъ? Ну? Мѣшаетъ труба? На ней нѣмецкій пулеметъ... да, трудно попасть... попробую...

— Вячеславъ Корниловичъ, фугасной бомбой по заводской трубѣ, очередями... пробуйте. Что? Четвертый квадратъ второго ряда на двухверсткѣ... видите? Дуйте...

— Засыпаютъ? Шрапнелью? Ага, сейчасъ помогу...

— Семенъ Андреевичъ, Сапожникова засыпаютъ шрапнелью изъ-за лѣса... Знаете?.. Ему надо помочь. Обстрѣливайте нѣмецкую батарею бѣглымъ огнемъ, чередуя снаряды. Бомба, шрапнель, бомба, шрапнель... поняли?

— Что? По трубѣ довольно? Какъ? Разнесли?! Хорошо!

— Вячеславъ Корниловичъ, за трубу спасибо... Наводчика къ кресту представьте.

Я смотрѣлъ на этого крѣпкаго человѣка и удивлялся. Какіе нервы надо имѣть, чтобы въ этой кашѣ не сбиться. Подхожу къ другой трубѣ и начинаю наблюдать за полемъ.

— Любопытствуете?

— Интересно...

---

[1]) **Подзорная труба, по виду напоминающая молодые оленьи рога.**

— Валяйте. Смотрите вправо... Видите городъ?... Это Д—нъ.

— Вижу.

— Шоссе видите?

— Вижу... По немъ колонна идетъ?

— Да, да... Кириллъ Прокофьевичъ, на Д—скомъ шоссе колонна. Обдайте бѣглымъ...

Подполковникъ передаетъ данныя для стрѣльбы и пристально всматривается въ «рожки». Смотрю и я. Колонна небольшая, силой до батальона, видна хорошо. Первая бомба падаетъ вправо отъ шоссе. Видно, какъ колонна колыхнулась, очевидно, перестраиваясь, но въ то же мгновеніе надъ ней рвется сразу цѣлая очередь; вторая и третья довершаютъ дѣло. Колонна исчезла. Мелкой розсыпью нѣмцы кинулись назадъ. Батарея умолкаетъ,—слишкомъ далеко.

Телефонъ работаетъ попрежнему. Батареи гремятъ безъ устали, послушныя голосу командира дивизіона, который то и дѣло передаетъ свои приказанія. Его три батареи, дальнобойная и двѣ гаубичныхъ, работаютъ, какъ клавиши подъ рукой виртуоза.

Зато кончится бой, и въ штабѣ дивизіи со всѣхъ сторонъ получается одно и то же:

...«поддержанные огнемъ тяжелой батареи, стрѣлки успѣшно овладѣли деревней...»

... «роты заняли окопы, уже очищенные противникомъ, подъ давленіемъ нашей тяжелой артиллеріи...»

Но командиру дивизіона некогда слушать и читать эти искреннія похвалы боевыхъ товарищей. Надо посылать въ паркъ за снарядами, провѣрять запасы, приводить въ порядокъ орудія.

На позиціи тихо. Идя на работы, по дорогѣ захожу на наблюдательный пунктъ. Къ окопамъ идти еще рано. Свѣтло и нѣмцы все равно ничего сдѣлать не дадутъ, а только зря обнаружатъ нашу дѣятельность. Подполковникъ оказывается дома.

— Здравствуйте, Леонтій Ефимовичъ, что подѣлываете?

— Ругаюсь, батенька.

— Чего ради?

— Да, какъ же, черти этакіе! Три дня не стрѣляемъ, а они колесъ у орудій до сихъ поръ не покрасили.

— Гдѣ?

— Да въ четвертой батареѣ... Краска-то лупится!

Я не могу удержаться отъ смѣха.

Послѣ впечатлѣній наблюдательнаго пункта такъ трудно представить его въ роли командира, поглощеннаго хозяйственными заботами. Поговоривъ о разныхъ пустякахъ, поднимаемся на чердакъ. У рожекъ фейерверкеры.

— Что видно?

— У меня тихо,—отвѣчаетъ одинъ.

— А у тебя?

— У меня что-то видать, только пока не разберу никакъ.

Леонтій Ефимовичъ всматривается вдаль.

— Вотъ, тамъ, за лѣсомъ что-то видать... пыль, будто лошади...

Но Леонтій Ефимовичъ уже не обращаетъ вниманія. Беру свободную трубу и смотрю по тому же направленію.

— Вячеславъ Корниловичъ, нѣмецкая батарея мѣняетъ позицію... Надо ее поймать на ходу,—говоритъ Леонтій Ефимовичъ, сообщая необходимыя данныя.

И ее поймали. Въ трубу видно, какъ одна бомба шлепнулась у самой запряжки, потомъ двѣ дали перелетъ, а четвертая угодила въ орудіе... Батарея обратилась въ кашу черезъ какія-нибудь четверть часа...

Работа въ окопахъ не клеится. Какъ разъ противъ мѣста работъ позиція нѣмцевъ дѣлаетъ выступъ.

Они засѣли на опушкѣ лѣса и обдаютъ насъ огнемъ изъ ружей и пулеметовъ, какъ только заслышатъ ударъ топора или стукъ лопатъ о слежавшуюся глину. То и дѣло приходится ложиться и терпѣливо ждать, когда же, наконецъ, кончится эта трескотня.

Прохожу по фронту работъ и случайно ловлю разговоръ двухъ солдатъ:

— Этакъ всю ночь промаешься, ничего сдѣлать тебѣ не дадутъ.

— Надо бы тяжелому хозяину пожалиться... Онъ имъ дастъ пить...

— Кому?—спрашиваю я, не понимая, о комъ идетъ рѣчь.

— Это мы такъ, промежъ себя... вообще, какъ солдаты...

— Да про кого же?

— Никакъ нѣтъ... Говорю, командира бы тяжелаго дивизіона какъ попросить, чтобы нѣмца унять... никакой возможности нѣтъ къ работѣ приступиться...

«А вѣдь вѣрно,—думаю про себя,—почему бы и не попросить его», и иду къ телефону.

Отказа, разумѣется, не было...

— Сейчасъ. Въ лѣсу? Хорошо... Я ихъ бомбами...

И уже оборвалъ разговоръ. Такъ и представляешь себѣ, какъ въ эту минуту онъ уже взялъ другой телефонъ и отдаетъ приказаніе командиру батареи.

Черезъ нѣсколько минутъ надъ нашими головами летитъ тяжелый снарядъ и съ грохотомъ рвется въ лѣсу. Другой, третій, потомъ сразу четыре.

— Вотъ это такъ!

— Ай да тяжелый хозяинъ!

— Вотъ, спасибо-то!—радуются солдаты.

А онъ будто слышитъ эти похвалы и измѣняетъ огонь по своей любимой манерѣ: половина бомбъ, половина шрапнелей. Солдаты радуются пуще прежняго.

— Такъ его, такъ... хорошенечко! Бомбой-то ему откупоритъ сидѣлку, а сверху горошкомъ!..

— Будетъ знать, какъ мѣшать работѣ.

— Ему, братъ, не попадайся,—замѣчаетъ бородатый запасникъ...—Это, братъ, хозяинъ правильный: у него всякій нехристь на счету.

Внѣ разсудка.

Батальоны, идущіе на смѣну полку, отходящему въ резервъ, расходятся по мѣстамъ. Сначала идутъ по шоссе, потомъ на шоссе остается одинъ батальонъ, а три остальныхъ сворачиваютъ въ стороны, на полевыя дороги.

— Господа, пожалуйста, послѣдите хорошенько за людьми,—говоритъ батальонный командиръ офицерамъ.— Остановимся на землѣ польскаго писателя, говорятъ, у него хорошая усадьба. Надо приглядѣть, чтобы зря чего-нибудь не попортили...

Усадьба видна на пригоркѣ. Среди ровнаго поля, она рѣзко выдѣляется густо разросшимся садомъ, въ которомъ совершенно скрывается домъ, съ большими, широко разбросанными службами и двумя флигелями. Домъ одноэтажный, съ небольшимъ мезониномъ, деревянный, старый, съ бѣлыми колоннами и лѣпными украшеніями чистѣйшаго empir по фасаду и фронтонамъ. Передъ домомъ большой фонтанъ, изъ сѣраго мрамора съ бронзой, а кругомъ него широко и правильно разбитый цвѣтникъ. Въ стороны, по радіусамъ, расходятся широкія, старинныя аллеи каштановъ. Мѣстами онѣ такъ близко подходятъ къ дому, что вѣтви упираются въ оконныя стекла. Откройте окно и онѣ войдутъ въ комнату, наполняя ее

свѣжестью и ароматомъ своеобразныхъ цвѣтовъ, въ видѣ высоко поднявшейся грозди. Особенно близко они растутъ и ихъ особенно много около западной стороны дома, обращенной къ противнику.

Черезъ просвѣты между каштанами видна внутренность нашихъ окоповъ, видно, какъ подъ козырьками бродятъ стрѣлки. А еще немного впереди видна и другая линія окоповъ, уже нѣмецкая.

— Мѣсто ты себѣ выбралъ неважное,—говоритъ пожилой штабсъ-капитанъ батальонному.

— Отчего? Прелестный фольваркъ... Ты видѣлъ главныя аллеи? Посмотри, какая красота,—онѣ сплошь, на всю длину, заставлены дивными бюстами.

— Богъ съ ними, съ бюстами...

— Да, нѣтъ, ты посмотри. Одна аллея—цезари Рима, другая—національные герои и короли Польши, а третья—писатели...

— Богъ съ ними, съ бюстами,—повторяетъ штабсъ-капитанъ.—Для меня сейчасъ гораздо важнѣе то, что отсюда не видно холма съ нѣмецкимъ укрѣпленіемъ литера Д.

— Съ какимъ?

— Литера Д.

Штабсъ-капитанъ досталъ двухверстку и показалъ пальцемъ на сложные изгибы горизонталей, изображающихъ въ этомъ мѣстѣ подъемъ, увѣнчанный красной линіей, соотвѣтствующей нѣмецкому окопу.

— Выйдемъ въ поле и посмотримъ. Какая важность...

— Зачѣмъ. Я хочу использовать слуховое окно. Срѣжу одинъ каштанъ и тогда мнѣ ничто не будетъ мѣшать вести наблюденіе.

— Не стоитъ...

Такъ ни на чемъ и не рѣшили.

Но за обѣдомъ, въ уютной, угловой комнатѣ, кото-

рую почему-то рѣшили сдѣлать столовой, разговоръ невольно вернулся къ имѣнію. Слишкомъ оно было красиво и выдержано въ строгихъ линіяхъ стиля, чтобы въ капризной обстановкѣ похода не обратить на себя вниманія.

— А все-таки мѣсто здѣсь неважное,—настаивалъ штабсъ-капитанъ.—Ты пойми,—говорилъ онъ батальонному командиру,—стоитъ имъ обнаружить въ усадьбѣ малѣйшіе признаки жизни, и насъ засыплютъ шрапнелью, какъ хотятъ. Благодаря саду, пристрѣляться по насъ имъ ровно ничего не стоитъ.

— Зато, благодаря саду, мы и укрыты отъ шрапнельныхъ пуль,—спокойно возразилъ кто-то изъ офицеровъ.

— А тяжелая?

— Мало ли что тяжелая!.. Что это у насъ за разговоръ, господа... Ѣшьте лучше поросенка, пока онъ еще лежитъ передъ вами. А то денщики заберутъ и тогда поминайте, какъ звали...

На фронтѣ все время шла рѣдкая ружейная перестрѣлка. Очевидно, наблюдатели обѣихъ сторонъ состязались въ бдительности, обоюдно не позволяя другъ другу высунуться изъ окопа. Потомъ вдругъ перестрѣлка участилась и закипѣла довольно оживленно. Просвистѣла шрапнель.

— Это чья?

— Чужая, разумѣется...

— Откуда?

— Да не все ли равно? Важно, что дала перелетъ. Вѣстовой, гдѣ разрывъ?

— На полѣ, ваше в—іе, по-за-домомъ...

Свистъ повторился, потомъ опять и опять; начинался настоящій, методичный обстрѣлъ усадьбы артиллерійскимъ огнемъ.

Къ свисту шрапнели постепенно начали примѣшиваться болѣе густыя и поющія ноты.

— Гаубица...

— Да... Правильно стрѣляютъ... На очередь шрапнели одну бомбу пускаютъ.

— Должно быть, высунулись гдѣ-нибудь наши архаровцы.

— Теперь-то не высунутся... Надо пой...

Батальонный не договорилъ. За окномъ сверкнуло пламя, потомъ все заволокло дымомъ, послышался трескъ и на полъ, съ лязгомъ, посыпались оконныя стекла...

— Смотри, въ дерево угодило.

— Въ какое?

— Въ то самое, что ты спилить собирался. Видишь?

Черезъ разбитое окно, на высотѣ верхушки его рамы, былъ виденъ расщепленный стволъ... Саженяхъ въ полуторыхъ вправо лежала отбитая снарядомъ широкая, вѣтвистая крона.

— Да... Не будь дерева...

— Снарядъ былъ бы здѣсь...

Обстрѣлъ продолжается...

Верстахъ въ двухъ, въ сторону отъ этого имѣнія и, приблизительно, въ такомъ же разстояніи отъ окоповъ, лежитъ большая «костельная весь». Костелъ еще не достроенъ и пока служба отправляется въ большомъ амбарѣ, надъ которымъ водруженъ деревянный крестъ.

У въѣздовъ въ деревню тоже большіе деревянные кресты, съ массивнымъ бронзовымъ Распятіемъ у перекладины или съ иконой Ченстоховской Богоматери. Около креста обычная доска съ надписью, исчисляющей населеніе и количество дворовъ. Но теперь эти цифры не имѣютъ рѣшительно никакой цѣны: число дымовъ [1]) сократилось подъ дѣйствіемъ нѣмецкихъ снарядовъ, число душъ и муж-

[1]) Дворовъ.

скихъ, и женскихъ, и дѣтскихъ, напротивъ, увеличилось. Бѣженцы ближайшихъ деревень, занятыхъ противникомъ, все еще не теряютъ надежды на то, что «германъ скоро утекнетъ» и они вернутся къ своимъ пепелищамъ снова созидать былыя халупы и стодолы.

Въ ожиданіи этой минуты толпа непрерывно волнуется. Загорается бой—они уходятъ назадъ, торопливо уводя съ собой дѣтей и унося остатки жалкаго скарба; наступаетъ полоса затишья и снова вся деревня кипитъ жизнью и наполняется святымъ, беззаботнымъ смѣхомъ полуголыхъ, разутыхъ дѣтей.

Въ этой деревнѣ стоитъ рота резерва боевого участка, пулеметныя двуколки съ огромнымъ запасомъ патронныхъ лентъ, сюда же, за послѣднее время, свозятъ шанцевый инструментъ и матеріалъ для усиленія позицій. Круглыя сутки здѣсь оживленно и шумно. Снуютъ жители, снуютъ солдаты и всѣ заняты своимъ дѣломъ. А выдастся свободная минута и не замѣтишь, какъ уже гдѣ-нибудь заливается надтреснутая скрипка, ей вторитъ балалайка и въ общемъ шумѣ рѣзкими взвизгами выдѣлываетъ колѣнца гармоника.

Въ послѣдніе дни здѣсь особенно весело, такъ что мѣстный ксендзъ раза два даже журилъ своихъ прихожанъ и особенно прихожанокъ, находя это веселіе легкомысленнымъ и недопустимымъ.

Но однажды утромъ все оборвалось.

Едва взошло солнце, какъ нѣмцы открыли по деревнѣ огонь. Напуганные жители бросились было бѣжать назадъ, но снаряды ложились такъ, что идти по дорогѣ не было никакой возможности. Бросившіеся бѣжать вернулись назадъ съ плачемъ и воплями безумнаго отчаянія.

А нѣмцы все учащаютъ, сгущаютъ огонь.

Снаряды тяжелые и гаубичные опоясали всю деревню кольцомъ своихъ страшныхъ разрывовъ, а надъ ней, какъ

тончайшее кружево, сплетаясь и ни на минуту не разсѣиваясь, нависли десятки шрапнельныхъ клубковъ и колецъ.

Нѣсколько разъ вспыхивали деревянные дома, и тогда солдаты бросались, подъ этимъ адскимъ огнемъ, въ бурное пламя, спасая послѣднія крохи достатка бѣдняковъ, вынося оттуда ребятъ, и прежде всего—образа, принимая за нихъ и олеографіи, безъ которыхъ не обходится ни одна польская изба.

Полтора часа длился обстрѣлъ.

Женщины, дѣти, крестьяне уже лишились способности плакать... Ихъ осунувшіяся лица, по которымъ въ началѣ обильно, ручьями, бѣжали крупныя слезы, сейчасъ только подергивались той ужасной судорогой, которая обычно сопровождаетъ плачъ... Истерическія рыданія, заглушенныя нервными потрясеніями, всхлипыванія и тупое отчаяніе, застывшее въ неподвижныхъ позахъ людей,—вотъ все, что здѣсь было...

Кончился обстрѣлъ, а эта картина все еще жила. Никто не трогался съ мѣста... Кругомъ—ни одного живого дерева, всюду сбитыя вѣтви, срѣзанные стволы, избитыя осколками стѣны и ни одной сажени не взрытой земли... Вся она, будто нарочно, разрыхлена мотыгами и измельчена, какъ черезъ грохотъ; лежитъ пухомъ, мѣстами еще не остывшая и дымящаяся на мѣстѣ чудовищныхъ, глубокихъ воронокъ, съ выжженными взрывами днищами.

И ни одного убитаго, ни одного раненаго изъ сотенъ людей, скопившихся въ огненномъ кольцѣ.

— Дрянью нѣмецъ стрѣляетъ,—съ напускной веселостью говорили молодые солдаты.

— Нѣтъ, панъ, снаряды добрые,—возражали старики-крестьяне,—то Божья милость...

И постепенно, какъ въ смертельной болѣзни, послѣ рѣзкаго перелома, возрождается прежняя жизнь...

Чудище обло.

Первый разъ я ихъ встрѣтилъ на походѣ. Ихъ было четыре.

Они стояли на шоссе, пропуская нашу далеко растянувшуюся колонну. Высокіе, неуклюжіе короба, грязно-защитнаго цвѣта, на толстыхъ колесахъ мало напоминали о войнѣ. Только дула пулеметовъ, торчавшія спереди и съ боковъ, разъясняли истину.

Потолочная броня откинута, и въ широкомъ отверстіи стояли характерныя фигуры автомобилистовъ. Съ головы до ногъ зашитые въ кожу, съ загорѣлыми, энергичными лицами, они олицетворяютъ собою живую душу машины.

— Этакое чучело наѣдетъ, держись,—шепчутъ солдаты, съ любопытствомъ разглядывая автомобиль.

— А пулеметы на емъ какіе?

— Какіе! Самые обнаковенные... Пулеметы, какъ пулеметы...

— Какъ начнетъ, братъ, сыпать, только собирай бабки...

На лѣвомъ флангѣ позиціи, по обѣимъ сторонамъ шоссе, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, тянется лѣсъ. Густой, высокій, разросшійся на длинной грядѣ песча-

ныхъ холмовъ, онъ представлялъ собой большую оборонительную силу. Надъ его укрѣпленіемъ потрудились немало. Отличные окопы, съ нѣсколькими рядами колючей проволоки передъ ними и обиліе блиндажей—дѣлали этотъ лѣсъ неприступнымъ. Въ кругу офицеровъ его звали Аргонскимъ.

Впереди его, шаговъ на триста или немного больше, двѣ маленькихъ, рѣденькихъ березовыхъ рощицы, и между ними тонкая цѣпь кустовъ можжевельника, прерванная гладкой сѣрой лентой шоссе.

Этотъ перелѣсокъ—яблоко раздора. Къ ночи сюда выходятъ наши и нѣмецкія заставы. И каждый день здѣсь завязывается ружейная трескотня. Ведется споръ за право просидѣть въ этихъ рощицахъ ночь, охраняя отдыхъ окопныхъ сидѣльцевъ. За послѣднее время этотъ споръ все время рѣшался въ нашу пользу. Но нѣмцы не хотѣли уступать. И каждый день на разсвѣтѣ пробуютъ атаковать отходящую заставу. Но пулеметы сильнѣе жизни, и атака кончается безплодными потерями.

Было рѣшено закрѣпить эти рощи за нами. Заставы устроились покрѣпче. Нѣмцы отвѣтили на это атакой большими силами, чѣмъ прежде. Все шло, какъ по трафарету. На разсвѣтѣ начался обстрѣлъ окоповъ тяжелой артиллеріей, въ сумеркахъ атака густыми цѣпями.

Были ли нѣмцы пьяны, или они просто не оцѣнили по достоинству возможности упорной обороны рощицы, но цѣлый рядъ атакъ они произвели прямо въ лобъ.

На другой день они, однако, измѣнили тактику. Они засыпали снарядами и «Аргонскій» лѣсъ, и обѣ рощи. Цѣлый день продолжалась канонада. Съ сумерками началась новая серія атакъ.

Обозначая узкими и тонкими цѣпями ударъ на фронтъ, они густыми цѣпями атаковали оба фланга передовыхъ

окоповъ, угрожая защитникамъ рощъ окруженіемъ. Цѣлую ночь не умолкала ружейная перестрѣлка. «Аргонскій» лѣсъ принималъ въ ней самое живое участіе. Ему выпала задача противодѣйствовать постояннымъ попыткамъ охвата.

Уже третій день шелъ этотъ бой за обладаніе передовымъ перелѣскомъ. Много блиндажей «откупорено», козырьковъ разбито, засыпано окоповъ. Но атаки нѣмцевъ все еще отбиваются.

Разъяренные неудачей и упорные въ своемъ стремленіи, нѣмцы буквально засыпали снарядами весь этотъ участокъ позиціи. И подъ этой страшной завѣсой огня началась новая атака. Густыя цѣпи пѣхоты были видны всюду.

Уже оба фланга рощицъ были охвачены ими. Еще одно усиліе, и окруженіе неизбѣжно. А за нимъ—короткій ударъ въ штыки, и участь рощъ будетъ рѣшена. Гарнизонъ «Аргонскаго» лѣса переходитъ въ контръ-атаку противъ обходящихъ нѣмецкихъ цѣпей... Въ ту же минуту по шоссе съ шумомъ несутся одинъ за другимъ броневые автомобили.

Одинъ проскакиваетъ впередъ, за рядъ кустовъ, и рѣжетъ во флангъ направо и налѣво все, что скопилось передъ фронтомъ позиціи...

Другой остановился въ тылу рощи и точно такъ же коситъ обходящихъ.

Двѣ-три минуты пролетѣли, какъ мигъ. Казалось, что все кругомъ дрожитъ отъ неумолчнаго металлическаго треска пулеметовъ, прикрытыхъ звенящей броней.

Смолкли они, и кругомъ тишина. Ружейная пальба кажется взрывами дѣтскихъ хлопушекъ...

И кругомъ—пусто... Даже не пусто, а какъ будто то же самое поле вамъ показали въ другой проекціи... Тѣ же цѣпи—густыя и стройныя, но онѣ легли...

Только стоны говорятъ о томъ, что агонія еще длится.

Но бой уже конченъ. «Подробности» смерть докончитъ сама.

Когда очнулись отъ этого треска и ужаса, «чудовищъ» по близости не было... Сдѣлавъ свое дѣло, они такъ же быстро, какъ и примчались, катились назадъ, оставляя за собой надъ шоссе ѣдкую струю перегара.

Живая вода.

Совсѣмъ стемнѣло, когда вдали послышался тихій, ритмическій лязгъ; это ѣхали кухни. Колеса глубоко врѣзываются въ снѣгъ и ихъ не слышно, такъ же, какъ и ровнаго, медленнаго шага разогрѣвшихся лошадей. Слышно только, какъ звякаютъ крючья веревочныхъ постромокъ, вытягивающихся, когда колесо завязнетъ въ снѣгу, и слабнущихъ, какъ только лошади, понатужившись, вытянутъ его изъ глубоко прорѣзавшейся колеи.

Кухни вносятъ оживленіе въ окопную жизнь. Онѣ стоятъ при штабѣ части, въ центрѣ всѣхъ распоряженій и офиціальной жизни; здѣсь знаютъ гораздо больше, чѣмъ въ окопахъ, гдѣ всѣ интересы сужены предѣлами своего участка и гдѣ нужно ежеминутно знать только одно: гдѣ и какъ «живетъ» нѣмецъ.

Сегодня кухни привезли новость, которой въ окопахъ будутъ жить чуть ли не до самой Пасхи.

Изъ того города къ намъ пріѣхалъ уполномоченный и привезъ подарки.

— Много?—спрашиваетъ подпрапорщикъ у каптенармуса, подбрасывая круглые буханки чернаго хлѣба на десятичные вѣсы.

— Много. Ящиковъ сорокъ никакъ будетъ. Ладно. Сымай эти, давай слѣдующіе,—отвѣчаетъ каптенармусъ, не забывая о своихъ прямыхъ обязанностяхъ и переводя рычагъ вѣсовъ въ прежнее положеніе.

— А какіе подарки, не сказывали?

— Нѣ... Знаю только, что на роту по двѣ гармошки есть... Бѣлье есть... Чего-то теплаго, говорили, будто привезено... А чего еще есть, не знаю.

— Гм!.. Выдавать-то когда будутъ?

— Скоро выдадутъ.

— Тотъ, сказываютъ, уполномоченный-то, — вмѣшивается кашеваръ,—хотѣлъ было, чтобы на самый праздникъ раздать, али въ сочельникъ... Командиръ, вишь, не согласился. Такъ, молъ, не ладно. Пущай, говоритъ, каждый человѣкъ раньше получитъ, а на праздникъ-то, молъ, ему только бы радоваться, чтобъ... Вотъ что...—добавляетъ кашеваръ, какъ бы для большей убѣдительности и совершенно забывая, что говоритъ съ подпрапорщикомъ, по адресу котораго подобныя «вольности», не будь подарковъ, чего добраго и не прошли бы даромъ. Но, ради подарковъ, подпрапорщикъ благодушенъ и мирно наматываетъ на узловатые пальцы концы пушистыхъ, сѣдыхъ усовъ, одобрительно крякая въ рыжую бороду.

Новость, разумѣется, быстро сдѣлалась общимъ достояніемъ, и въ окопахъ только и разговоровъ, что о подаркахъ, которыхъ теперь всѣ ждутъ съ нетерпѣніемъ.

Даже за «добавкомъ» никто не идетъ къ кашеварамъ, и они, прождавъ въ темнотѣ около двухъ часовъ, опоражниваютъ кухни, просто выворачивая ихъ содержимое на снѣгъ около дороги.

На другой же день началась раздача. Сначала выдали подарки ротамъ резерва, съ тѣмъ, чтобы ихъ сегодня же отправить въ окопы; на смѣну имъ придутъ другія роты,

которыя также, получивши свое, уйдутъ въ окопы и освободятъ слѣдующій батальонъ.

Раздача подарковъ обставлена извѣстной торжественностью. Батальонъ, безъ ружей, выстраивается во дворѣ усадьбы, занятой штабомъ полка. Строй, мирный, безъ ружей, здѣсь до такой степени непривыченъ, что самимъ солдатамъ онъ даже и не кажется строемъ. Стоятъ, бесѣдуя съ сосѣдями, вполголоса острятъ другъ надъ другомъ, разглядывая постройки и обмѣниваясь несложными впечатлѣніями такой обыденной перемѣны, какъ отходъ въ резервъ.

— Въ баню бы теперь...

— Н-да... Въ баню бы, это ладно.

— Я всего три раза въ банѣ и былъ.

— А всего-то сколько?

— Чего всего-то?

— Да въ полку-то?

— Въ полку-то?—Съ полгода.

— Эва!.. Я десятый мѣсяцъ, а всего два раза ходилъ. Третій разъ не пришлось. Въ караулѣ былъ сперва, на разгрузкѣ... А потомъ, какъ смѣнился, на другой день только было собрался, анъ тутъ выступать пришлось... Такъ, значитъ, моя баня и просыпалась мимо...

— Ничего... Вотъ, теперь рубахъ чистыхъ да портянокъ дадутъ, старое бѣлье снимешь, обжаришь, будетъ, какъ чистое.

— Извѣстно, обжарю... Въ немъ теперь жителевъ, сколько хошь, да и еще останется.

Сосѣдъ ухмыляется.

На правомъ флангѣ движеніе; офицеры становятся на мѣста. Изъ господскаго дома вышелъ командиръ полка, завѣдывающій хозяйствомъ, адъютантъ и съ ними штатскій.

— Вольный, братъ, съ подарками-то,—шепчетъ кто-то во второй шеренгѣ.

— Ну да, вольный, а тебѣ что же, генерала, что ль, со звѣздой?..

— И не боится...

— Чего ему бояться-то?.. Свои люди, съѣдятъ, что ли?

— А нѣмецъ-то?..

— Чего же нѣмецъ?.. Нѣмецъ далече, оттоль развѣ только ероплан долетитъ.

— Положимъ, что...

— Батальонъ, смирно! Равненіе на середину, господа офицеры!—громко командуетъ молодой штабсъ-капитанъ, уже давно командующій батальономъ.

Какъ-то странно послѣ окоповъ звучитъ эта команда. Тамъ отъ команды отвыкли: тихій говоръ, вполголоса, впотьмахъ, рѣзкій окрикъ, свистокъ во время сильнаго огня,—вотъ окопные звуки. И команда кажется чуть ли не аріей, такъ она «художественна».

— Здорово, молодцы!

— Здравія желаемъ, ваше в—іе!—громко, полной грудью кричатъ солдаты.

И несмотря на то, что «отвыкли», выходитъ дружно.

— Позвалъ я васъ сюда, ребята, чтобы сообщить вамъ радостную новость. Кто еще живъ изъ нашихъ стариковъ, выходившихъ въ походъ изъ г..., тѣ разскажутъ остальнымъ, какъ сердечно и съ какой любовью жители этого городка благословляли насъ на нашу боевую службу, провожая полкъ въ походъ. Имя нашего полка, взятое отъ названія города, осталось роднымъ для его жителей и до сихъ поръ... Собираясь праздновать Рождество, они и васъ, молодцовъ, своихъ родственниковъ по имени, не забыли и шлютъ вамъ подарки, которые вы сейчасъ получите; привезъ ихъ членъ ...цкой городской управы, котораго я, за всѣхъ насъ, прошу передать вспомнившимъ полкъ нашу сыновнюю благодарность, а ему, взявшему на себя трудъ привезти намъ эти памятки, ура, ребята!

Если бы нѣмцы слышали это «ура», они подумали бы, что на фронтъ пріѣхалъ главнокомандующій. Но они, за шумомъ перестрѣлки, хотя и не очень сильной, но днемъ почти безпрерывной, едва ли что-нибудь слышали.

Нѣсколько разъ командиръ дѣлалъ знакъ, чтобы остановить это «ура», но оно все лилось и лилось, волнами перекатываясь по строю. Наконецъ стихло. Не стало духа. Лица раскраснѣлись, глаза у всѣхъ блестятъ. Молодые застыли отъ радостнаго изумленія и не сводятъ глазъ съ группы офицеровъ, окружившихъ «вольнаго». Пожилые, «хозяева», у которыхъ дома семьи,—почти сплошь плачутъ, иные—навзрыдъ...

Съ наступленіемъ темноты новая смѣна батальоновъ.

Пришедшіе расположились въ окопахъ. И когда стало совсѣмъ темно, во всѣхъ окопахъ запылали костры для чаю и «собственнаго варева»; вездѣ только и было дѣла, чтобы въ сотый разъ пересмотрѣть то, что прислали «изъ Россіи» въ окопы. Странная особенность—дѣлить міръ относительно себя—до сихъ поръ живетъ въ нашемъ солдатскомъ быту. Въ Манчжуріи міръ дѣлился на двое: на «позицію», гдѣ сидятъ солдаты, и на «Россію», гдѣ что-то происходило, кто-то жилъ по-старому, «какъ въ мирное время».

Теперь это дѣленіе стало сложнѣе. Теперь въ мірѣ «перво-на-перво» есть «позиція», густо населенная солдатами и «уставленная» пушками; впереди «живетъ» нѣмецъ, котораго откуда-то «сзаду» подпираютъ союзники, доставляющіе «настоящему» солдату немало удовольствія своими успѣхами; наконецъ, сзади тянется «Россія», куда нѣмца «пущать» «не токмо, что не велѣно», да и «нельзя».

И вдругъ изъ этой-то «Россіи» пришли подарки.

— Генька, у тебя въ кисетѣ что?

— Въ кисетѣ-то? Много чего: табачокъ есть, нитки, бумажка, письма открытыя...

— А больше ничего нѣтъ?

— Ложка есть... Кабы знатье, что ложку пришлютъ, я бы жиду гривенника ни по чемъ не платилъ.

— А то отдалъ?

— Отдалъ, язви его... Рубаха, братъ, у меня знатная и портки такіе же.

— У меня тожъ одинакіе... холстинковые.

— А у взводнаго мыло видалъ?

— Хорошее.

— Страсть. Еще бумажки не раскрылъ, а ужъ отъ него духъ по всей землянкѣ пошелъ. Такъ въ носъ и бьетъ.

— Н-да... Дома-то съ такимъ мыломъ какихъ дѣловъ надѣлать можно...

— Еще бы-те не надѣлать... Любая дѣвка позарится.

— И вѣрно, что позарится.

— Офицерамъ, сказываютъ, тоже подарки были.

— А имъ-то какіе же?

— Тоже, кому что: кому мыло, кому порты, разные, вообще, подарки.

— Дѣло хорошее... Они, конечно, тоже въ сумленіи, безъ дому...

— Аѳонька ужъ вырядился.

— Въ новое?

— Въ новое... Хорошо, говоритъ, стало... жители-то не ерзаютъ. Будто и все заново.

— А ты имъ письмо отписалъ?

— Кому?

— А чьи вещи-то?

— Отписалъ, по-хорошему.

— У тебя чьи подарки?

— Дѣвочка какая-то, Вѣрочкой звать.

— Тоже, вотъ, дите, а съ понятіемъ...

— Еще бы те безъ понятія, чай, учатъ ихъ.

— Да-а... Ну, поди, и родители тоже сказываютъ, что, молъ, солдатъ трудится, солдата и пожалѣть слѣдоваетъ... А ты табачокъ-то курилъ?

— Курилъ. Табакъ ничего... Горло не щиплетъ и бумага хорошая... Все честь-честью... Спичекъ даже пачка цѣлая приложена. Спички тоже хорошія, какъ вообще расейскія...

— Польскія-то трешь-трешь, ничего не вытрешь... Изъ-за чего ихъ и дѣлаютъ?

Гдѣ-то въ сторонѣ, глухо, изъ-подъ земли, доносится гармоника.

— Завели.

— Навѣрно, Федька Касаткинъ... Окромя его некому...

— Ходовой парень, что и говорить... Онъ-те и пѣсню, онъ-те и на балалайкѣ...

— Дойтить, поглядѣть, что ли...

Темная фигура поднялась и скоро, покачиваясь, той особой походкой, которая вырабатывается въ окопахъ,— на полусогнутыхъ ногахъ, съ развальцемъ, убравъ голову въ плечи, скрылась впотьмахъ.

Въ блиндажѣ подпрапорщика, гдѣ живетъ еще и фельдшеръ съ двумя санитарами, горитъ лампа и топится печка; набилось человѣкъ десять. Всѣ они окружили молодого солдата, по лицу—худому, съ впалыми щеками, задорнымъ взглядомъ сѣрыхъ, глубоко занавшихъ глазъ и слегка подернутой иронiей улыбкой на тонкихъ, безкровныхъ губахъ,—похожаго на рабочаго. Высоко поднявъ колѣни и опершись, полулежа, на стѣнку блиндажа, онъ съ упоеніемъ, какъ и всѣ, впился въ гармонику, блестящую лакомъ и металлическимъ наборомъ. Еле разводя руками, онъ тихо наигрываетъ что-то, обычно предшествующее у всѣхъ гармонистовъ какому-нибудь опредѣленному мотиву, и что-то мурлычитъ себѣ подъ носъ.

— Заведи, что ль...

— Чего завести-то?

— Чего-нибудь ... деревенское...

Федька развелъ гармонію, поднялъ брови, отчего весь лобъ его, высокій и красивый, съежился въ десятокъ морщинъ, и тихо, горловымъ фальцетомъ, «подъ бабу», затянулъ:

Эхъ, мой мужъ—арбузъ,
А я его дыня,
Онъ меня вечорась билъ,
А я его нынѣ!..

Солдаты хохочутъ, но подпрапорщику это не нравится.

— Получше бы чего... вишь, что завелъ... Ребята мы, что ли?

Федька поправилъ фуражку и заигралъ «Тоску по родинѣ».

Сердце не камень.

Ночь прошла сравнительно спокойно.

По обыкновенію, были высланы развѣдчики, по обыкновенію, передъ разсвѣтомъ, началась незначительная ружейная перестрѣлка; очевидно, развѣдчики подошли къ непріятельскимъ загражденіямъ. Но все это до такой степени обыкновенно, что никто не обращаетъ на этотъ «шумъ» особеннаго вниманія, тѣмъ болѣе, что впереди лежатъ секреты, бродятъ дозоры, словомъ, о настоящей тревогѣ, когда надо будетъ, есть кому предупредить и времени приготовиться хватитъ.

Вездѣ огоньки, всѣ заняты варевомъ, всюду тихая, мирная бесѣда.

— Надо нонича будетъ письма домой отписать,—говоритъ пожилой солдатъ, потонувшій въ папахѣ и поднятомъ воротникѣ, обвязанномъ какимъ-то не то шарфомъ, не то полотенцемъ.

— Чего, самому прислали что ли?

— Да, — медленно тянетъ онъ, прихлебывая изъ кружки.

— Чего пишутъ-то изъ вашего мѣста?

— Чего писать? Нечего, все славу Богу, живутъ по хорошему.

— Засѣялись?

— Засѣялись... По нашимъ мѣстамъ такихъ, чтобы безъ посѣву гдѣ бы остались, почитай что и нѣту.

— О-о?

— Праа... Потому земли у насъ, которыя крестьянскія; махонькія, не то что баба, а и ребенокъ малый управится. Опять же сынъ у меня въ дому семнадцати лѣтъ, да племянникъ двадцати годовъ.

— Не ставился еще въ солдатчину-то?

— Кто?

— Да племянникъ-то?

— Нѣ... какъ не ставился, ставился... Токмо, что не взяли его. Блажной онъ...

— О? Чего же съ нимъ дѣлается-то?

— Кто его знаетъ... Иной разъ быдто и ничего, все въ своемъ разсудкѣ, а иной разъ такое выдастся, что зачудитъ, зачудитъ и никакого тебѣ съ нимъ сладу нѣту... По избѣ катается, глаза такіе безумные—страсти подобно... Только водой и отхаживаемъ. Фершалъ научилъ. Какъ въ первые разы съ нимъ такое дѣлалось, въ тѣ поры и научилъ... А до него-то все знахарка клеверовымъ корешкомъ его растирать сказывала.

— Легчало?

— Съ воды-то быдто и легчаетъ, а совсѣмъ-то не проходитъ... Да нештo съ воды какая болѣзнь пройдетъ? Вода, такъ она вода и есть.

— Н-да... А вотъ сказываютъ, что отъ воды еще хуже иной разъ бываетъ... Вотъ, хочь, холера—безпремѣнно она отъ воды, али тифъ...

— Песъ ее... А по мнѣ коль человѣкъ безъ сумленія, такъ ему и все ни по чемъ. Отъ дурости это все... Бываетъ такой человѣкъ, что ему при рожденіи ума не дадено... И начнетъ такой человѣкъ, къ примѣру, хоть бы племянникъ мой, про себѣ сумлѣваться, ну, тутъ оно его и заберетъ.

— Да-а.. мудреное это дѣло...

— И ничего оно не мудреное. Мнѣ, вотъ, дома еще, до войны-то годовъ за пять странникъ одинъ, Божій человѣкъ, сказывалъ про племянника же, то есть... Потому эта хворь его забираетъ, что, говоритъ, чувствіе-то у него какъ слѣдоваетъ и хочетъ онъ себя потому ко всякому, какъ ни на есть, дѣлу произвести... А съ умомъ-то нехватка, вотъ оно и выходитъ, что никакъ ему жить по-людски невозможно... Гдѣ бы путный какой человѣкъ, который въ своемъ, значитъ, умѣ, на фабрику бы опредѣлился, али бы вообще куда по торговой, что ли, части пошелъ, а ему выходитъ на полъ надо лечь.. И катается онъ отъ этого отъ самого и слеза его прошибетъ и слова кричитъ разныя, которыя и слушать ни къ чему... потому понятнаго-то въ нихъ мало...

— А работаетъ ничего?..

— Работаетъ честь-честью... Ничего, обижаться не приходится.

— Сыну-то тоже, поди, ставиться скоро?

— Погодитъ еще, авось... Да и его, видать, что ослобонятъ, потому грудь-то у него куричья. Дохнетъ, такъ и свѣчи не задуетъ.

— Слабый народъ нонича пошелъ. Отъ вина это, сказываютъ.

— Извѣстно, что отъ вина.

Подбросили дровъ и костеръ разгорѣлся ярче. Теперь, при красноватомъ отблескѣ пламени ясно обозначились фигуры солдатъ. Тотъ, что потонулъ въ папахѣ, былъ пожилой мужикъ, лѣтъ сорока, съ расплывчатымъ, морщинистымъ лицомъ, густо заросшимъ русыми волосами; борода и усы его покрылись инеемъ и, спрятанный въ воротникъ, изъ-подъ нахлобученной сѣрой папахи, онъ выглядѣлъ совершеннымъ старикомъ. Другой былъ моложе, скуластый, съ одними усами, жиденькими въ серединѣ и пушистыми у концовъ, жестко торчавшихъ впередъ; маленькіе юркіе глазки его такъ и впивались въ говорившаго, какъ-будто онъ

хотѣлъ впитать въ себя все, что ему приходилось услышать.

— Что же ты, Миронычъ, насупился-то?—спросилъ онъ «старика».

— Нѣ, ничего... Такъ, вотъ, думаю, чего бы домой отписать... Гдѣ это ржутъ-то?

Въ сторонѣ, дѣйствительно, слышался хохотъ.

— Должно, Калинковъ опять свои исторіи разсказываетъ.

— О-о, шутъ-то гороховый,—махнулъ рукой Миронычъ. Пойдешь, что-ль?—спросилъ онъ товарища, видя, что онъ поднимается.

— Пойду, погляжу, можетъ, что и чудное болтаетъ.

— Чего тамъ...Эй, Ползунковъ, а чай-то пить еще будешь?

— Буду, сейчасъ ворочусь,—уже на ходу, не оборачиваясь, отвѣтилъ Ползунковъ.

Шагахъ въ тридцати отъ Мироныча въ блиндажѣ для санитаровъ шла оживленная бесѣда. Душой ея былъ Калинковъ. Около него собралась цѣлая ватага солдатъ, главнымъ образомъ, молодыхъ, которые жадно вслушивались въ его остроты и хохотали отъ нихъ до слезъ, до изступленія. Не было такой пословицы, присказки, которой бы не зналъ этотъ безшабашный весельчакъ; старики, запасные, его не любили, считая, что онъ ломается и поясничаетъ.

— Ишь, непутевый,—ворчалъ, бывало, тотъ же Миронычъ,—пакостничать бы только тебѣ, да лясы точить,—но Калинковъ не обращалъ на это вниманія и продолжалъ свою роль постояннаго забавника.

Казалось, забава была его призваніемъ. Подвижное лицо съ некрупными, но рѣзкими чертами, обладало удивительнымъ даромъ преображаться. Разсказывая что-нибудь смѣшное, было ли это подлинное происшествіе или его вымыселъ, онъ всегда игралъ лицомъ, «рожи строилъ», какъ говорили старики; и въ этихъ его «рожахъ» нельзя было не

признать корявой старушенки, подымающей съ пола двугривенный, странника, врущаго бабамъ про чудеса и видѣнія, которыхъ онъ будто бы гдѣ-то сподобился, или, наконецъ, самого урядника въ пору его сватовства,—все, что требовалось, по ходу разсказа, отражалось на этомъ истинно-актерскомъ лицѣ съ замѣчательной четкостью. Только глаза—овальные, выпуклые, нѣжнаго голубоватаго оттѣнка,—неизмѣнно свѣтились плутоватой улыбкой. Приходъ Ползункова прервалъ какой-то разсказъ Калинкова, который слушали очень внимательно.

— А дальше-то что?—спросилъ кто-то изъ угла, когда, оглядѣвшись по сторонамъ, Калинковъ, увидѣвъ Ползункова, снова повернулся къ слушателямъ.

— Думалъ, старикъ какой... Вотъ, ребята, какъ саратовская барышня про любовь разсказываетъ... Эй, которые здѣсь саратовскіе, подскакивай, щекотать буду!

Молодежь уставилась на Калинкова, который живо весь подобрался какъ-то, собралъ губы въ пучокъ, закатилъ глаза, поджалъ руки, словомъ изобразилъ настоящую мѣщанскую жеманницу и началъ разсказывать тоненькимъ, дѣланнымъ голосомъ:

— Вотъ, сидю я у окна и помадю голову... Ахъ!.. Глядь, идетъ милый мой въ пальтѣ, съ папироской во ртѣ... Перешелъ по мостѣ, да и говоритъ ко мнѣ: «Не хотится ль вамъ пройтится, идѣ мельница вертится?»—«Нѣтъ, мерсю васъ, не хотится».—Не хотится, какъ хотится, я одинъ могу пройтится, идѣ мельница вертится»...

Кругомъ захохотали, но на этомъ веселье и кончилось. Прибѣжалъ взводный и громко крикнулъ:

— Живо, всѣ по мѣстамъ!

Нѣмцы начинали стрѣлять по окопамъ. Компанія разбрелась. Тѣмъ временемъ разсвѣло и Мироничъ уже подумывалъ, не пора ли притушить костеръ, но все поджидалъ Ползункова.

Только что онъ пришелъ и налилъ себѣ чаю, какъ въ окопахъ разомъ все оживилось. Недалеко отъ Мироныча, передъ траверсомъ, шелъ прокопанный въ землѣ лазъ за проволочную сѣть. Изъ этого лаза вдругъ показалась фигура стрѣлка, а за ней нѣмецъ. Настоящій нѣмецъ, живой, въ круглой шапочкѣ съ двумя кокардами.

— Развѣдчики пришли...—равнодушно замѣтилъ Ползунковъ, неотрываясь отъ чая. Миронычъ мрачно, исподлобья глядѣлъ на вылѣзающихъ. За нѣмцемъ полѣзъ другой, третій, четвертый...

— Вона сколько ихъ!

— Пятеро,—дѣловито отвѣтилъ развѣдчикъ.

Всѣ они тутъ же, въ окопѣ, усаживались въ ожиданіи своей дальнѣйшей судьбы. Пошли за ротнымъ командиромъ. Плѣнные сидѣли всѣ рядомъ, около нихъ были и развѣдчики. Стрѣлки собрались около ихъ и пристально разсматривали враговъ, вполголоса дѣлясь впечатлѣніями. Миронычъ тоже пристально вглядывался въ ихъ лица; трое были совсѣмъ молодые и по-русски ничего не понимали. Что ихъ ни спрашивали, они на все качали головами, дѣлая жесты отрицанія. Двое другихъ были постарше. Одинъ, тотъ, что влѣзъ первымъ, какъ-то тупо уставился въ одну точку, не сводя съ нея глазъ и ни на что не обращая вниманія. Другой, немного говорившій по-русски, пробовалъ начать разговоръ съ унтеръ-офицеромъ, но тотъ отнѣкивался, видимо, не понимая, какъ это можно разговаривать съ нѣмцемъ.

Долго Миронычъ оглядывалъ плѣнныхъ, сидя у своего костра, но, наконецъ, всталъ и подошелъ вплотную къ мрачному старику и проницательно воззрился на него. Такъ его заинтересовало это убитое чѣмъ-то, небритое, посинѣвшее лицо.

— Ишь, глаза-то, какъ у дохлаго судака.

— И не побрился, какъ въ плѣнъ-то шелъ... Ишь щетина какая, хоть сапоги чисть!...

— А на шапкѣ-то крестъ... ровно ополченецъ...

Мироничъ слушалъ все это молча, потомъ подошелъ къ нѣмцу, хлопнулъ его по плечу, взялъ подъ руку и повелъ.

— Эй, куда?

— Ладно, тутъ будемъ, мрачно отвѣтилъ Мироничъ, усаживая нѣмца къ своему еще непрогорѣвшему костру. Садись, что-ль!—обратился онъ къ нѣмцу, видя, что тотъ еще растеряннѣе, еще безнадежнѣе, вздрагивая всѣмъ тѣломъ, озирается по сторонамъ.—Садись, что ли, просить надо?!

Нѣмецъ сѣлъ и опять уставился въ одну точку; видно было, что какая-то неотвязная мысль его тяготила.

А Мироничъ такъ же мрачно налилъ въ свою кружку чаю, поставилъ ее рядомъ съ нѣмцемъ на землю, отрѣзалъ большой ломоть хлѣба, намазалъ саломъ, и протянулъ ему чуть не подъ самый носъ, такъ что онъ даже вздрогнулъ...

— Ѣшь, нѣмецъ, ѣшь... Дома-то, поди, хлѣбушка нѣту...

Нѣмецъ улыбнулся, но какъ-то такъ, что это даже не походило на улыбку, до того одеревянѣло его лицо, до того болѣзненны были его глаза. Но хлѣбъ взялъ и залопоталъ что-то по своему.

— Ишь, раздобрился Мироничъ,—ухмыльнулся Ползунковъ.

— Пущай поѣстъ... До штаба-то еще когда доберется...

— Оно конечно.

— А человѣкъ онъ, вишь, старый... Тоже, поди, дома-то... можетъ и не засѣялся?..

И Мироничъ отвернулся, дѣлая видъ, что у него гдѣ-то завалилась трубка, которую теперь хорошо бы закурить.

На переправахъ.

Инженеръ Широковъ.

На серединѣ перехода меня догналъ казакъ.

— Вы будете командиръ роты?

— Я. Пакетъ?

— Такъ точно. Со штаба корпуса. Позвольте конвертъ обратно.

«Съ полученіемъ сего немедленно отправляйтесь съ ротой въ С., гдѣ примете начальствовованіе надъ четырьмя переправами черезъ рр. З., Б и Н. въ районѣ З. Обслуживаніе переправъ возлагается на вашу роту. Корпусный инженеръ»...

Новое приказаніе совершенно измѣняло поставленную мнѣ раньше задачу. Идти далеко верстъ около сорока, но хочется пройти это разстояніе сразу. Меньше потери времени, скорѣе приступимъ къ работѣ и, можетъ быть, до подхода частей корпуса, успѣемъ немного передохнуть. Люди идутъ хорошо, лошади свѣжія и идутъ бодро. Погода отличная.

Въ каждой деревнѣ жители, при первомъ же появленіи солдатъ, высыпаютъ на улицу и съ изумленіемъ смотрятъ на насъ, какъ на чудо. Оказывается, случайности войны забросили насъ въ такой уголокъ, гдѣ никогда не видѣли воинской

части. Всѣ представленія мѣстныхъ жителей, особенно женщинъ, объ арміи ограничиваются отрывочными впечатлѣніями о тѣхъ изъ своихъ родичей, которые возвращаются домой со службы, по увольненіи въ запасъ. Но какъ выглядитъ эта самая «служба», никто изъ нихъ въ точности не знаетъ.

Ихъ удивленіе возрастаетъ еще больше, когда люди, сойдясь съ котелками у кухни, обнажили головы и запѣли молитву. Старики даже растрогались. А когда вечеромъ, передъ сномъ, рота опять построилась—на повѣрку, снова запѣла молитву и закончила повѣрку гимномъ, удивленіе перешло всякія границы.

— Вонъ, какъ у нихъ строго, какъ въ монастырѣ!—говорили между собой молодыя дѣвки, косясь на гармоники и балалайку, уже появившіяся въ солдатскихъ рукахъ и не имѣющія ничего общаго съ монастыремъ.

Эти любопытные взгляды провожали насъ всю дорогу, до самой С. А здѣсь уже около недѣли стоитъ управленіе этапнаго коменданта и, разумѣется, его писаря ничего не оставили отъ прежняго удивленія передъ воинскимъ видомъ.

С.—одно изъ интересныхъ и красивыхъ мѣстъ средней Польши. Раскинувшись на двухъ холмахъ, мѣстечко, совершенно слившееся съ сосѣдней деревней, Л.,—старая вотчина графовъ К., которымъ здѣсь принадлежитъ великолѣпный замокъ, построенный едва ли не въ XVII вѣкѣ.

Мраморныя лѣстницы, бронзовые рыцари у всѣхъ входовъ, старинная живопись на потолкахъ, плафоны и обязательные для каждаго стариннаго польскаго замка бюсты Августовъ Рима. Кругомъ замка огромный паркъ, постепенно сливающійся съ лѣсомъ.

Теперь въ этомъ замкѣ, кромѣ огромнаго штата служащихъ у К., живетъ этапный комендантъ и нѣсколько инженеровъ-путейцевъ. Сюда же направились и мы, не безъ основа-

нія разсчитывая, что мѣста хватитъ на всѣхъ. Сами хозяева уѣхали въ Варшаву и, кажется, застряли въ ней, при занятіи польской столицы «пшезъ нѣмцувъ».

Выѣхавъ къ З., на переправы, я прежде всего замѣтилъ оживленную работу на всѣхъ дорогахъ. Работой заняты всѣ. Тутъ старики, и парни, и женщины—поляки, евреи, русскіе. Всѣ, кто только есть въ С. и окружающихъ ее деревняхъ.

— Кто производитъ работы?—спрашиваю попавшагося мнѣ на глаза крестьянина, съ огромной мѣдной бляхой на груди, на которой вырѣзано по-русски «десятникъ № 7».

— Инженеръ Широковъ.

— А гдѣ онъ сейчасъ?

— Поѣхалъ на мостъ.

— Куда?

— Въ К.

Ѣду къ К., тѣмъ болѣе, что тамъ и есть, по моимъ свѣдѣніямъ, самая трудная переправа. Рѣка дѣлаетъ здѣсь кривую излучину, и теченіе ускорено въ такой степени, что построить мостъ не легко.

Западный берегъ отлогій, песчаный, сплошь покрытъ мелкими лужицами и прудками, оставшимися еще отъ весенняго наводка; восточный, нагорный, густо заросъ вязами и кустами сирени. У самой воды, поднимаясь прямо со дна, высокой и частой изгородью торчатъ корявыя ветлы, свернутыя пологой спиралью.

Но мостъ здѣсь все-таки строятъ. Русскія козлы поставлены по всей ширинѣ рѣки. На нихъ съ плотовъ и паромовъ подаютъ переводины; на берегу нѣсколько паръ пильщиковъ непрерывно готовятъ доски для настила. Отъ ихъ работы по всему берегу слышенъ шумъ и визгъ. Около пильщиковъ суетится какая-то маленькая фигурка въ непромокаемомъ плащѣ защитнаго цвѣта.

— Не иначе, какъ инженеръ будетъ, — догадывается мой ординарецъ.

— Гдѣ?

— Да, вонъ махонькій-то... Видать, что пробираетъ на-новъ за что-то.

Ординарецъ оказался правъ. Когда я подъѣхалъ къ пильщикамъ, маленькая фигура обернулась, и я увидѣлъ подъ капюшономъ добродушное моложавое лицо, съ рыжеватой бородкой, пушистыми усами, въ очкахъ и путейской фуражкѣ. Мы познакомились.

— Такъ это, значитъ, вы и есть теперь наше начальство... Ну, очень пріятно...А я, знаете, получаю сегодня телеграму— пишутъ, что пріѣдетъ начальникъ переправъ, думаю—Богъ его знаетъ, кто пріѣдетъ. Скорѣе сюда и давай торопить... Я, вѣдь, не военный, вашихъ порядковъ не знаю...

— Вы давно уже въ арміи?

— О, съ самаго начала... Вы, вѣдь, видите... Я не военный, а война, знаете, такая, что въ ней каждому хочется быть участникомъ. Стрѣлка изъ меня не выйдетъ, офицеръ я какой же? Старъ для прапорщика. А тутъ представился счастливый случай... Стали вызывать въ армію путейцевъ. Я и поѣхалъ.

— Вамъ не трудно съ непривычки?

— Помотаться пришлось не мало, но я не жалѣю. Зато сколько дѣла сдѣлали! Знаете, приходилось видѣть, какъ весной, или осенью лошади вязнутъ... кто на Руси не видѣлъ этой картины? А какъ представишь себѣ, что это будетъ, случись такая оказія на походѣ, съ войсками—и, вѣрите, паршивую работу, какую-нибудь починку грунтовой дороги, ведешь съ увлеченіемъ. А въ мирное время о ней и думать не хочется!

— Много уже пришлось пройти такимъ образомъ?

— О, тысячи верстъ... избороздили всю Польшу. Мой отрядъ...

— Какъ, у васъ даже цѣлый отрядъ?

— А какъ же?—онъ засмѣялся.—Вотъ поистинѣ, необъятная Россія! Мы съ вами въ одной арміи—мы, вѣдь, тоже мобилизованные... А я, убейте меня на мѣстѣ, не знаю, какой вы части. Всѣ вы теперь защитные... А вы не знаете, что есть какіе-то отряды, съ путейцами, съ инженерами...

— Не приходилось встрѣчаться...

— Еще бы, еще бы... Тамъ на фронтѣ насъ, конечно, уже не надо. А здѣсь мы свое сдѣлаемъ. И когда здѣсь будетъ фронтъ или ближайшій тылъ—войска будутъ имѣть и мосты, и дороги...

— Ну, этого-то, пожалуй, лучше и не надо?

Онъ пожалъ плечами.

— Съ одной стороны—конечно. А съ другой—я считаю, что каждый изъ воюющихъ старается использовать выгоды своего положенія. Наши пространства для арміи огромная стратегическая выгода. Это, вѣдь, вздоръ, когда говорятъ, что нѣмцы дойдутъ до такой-то линіи и дальше не пойдутъ. Развѣ можетъ армія не идти за арміей?

— Вы за войну настоящимъ стратегомъ стали?..

— Гдѣ ужъ тамъ стратегомъ... А развѣ я невѣрно говорю? И повѣрьте, тутъ-то и скажется рокъ. Когда-нибудь они и дойдутъ до той черты, которая для нихъ окажется послѣдней. Дальше, за ней, все пойдетъ на убыль и на смарку.

— А какъ же у насъ со здѣшними мостами?

— Развѣ они скоро понадобятся?

— Этого я не знаю. Но я думаю, что если меня послали...

— Конечно, конечно... Пойдемте, посмотримъ.

По недостроенному мосту онъ шелъ, какъ бѣлка. Такъ легко онъ прыгалъ съ балки на балку и пробирался по переводинамъ, едва переброшеннымъ съ одного козла на другой.

— Не знаю, какъ это будетъ по вашему, а по нашему, по-путейскому, это достаточно прочно. Козла бревенчатыя, подстрѣлины крѣпкія...

— А подмыва нѣтъ?

— Какъ не быть? На такой быстринѣ, конечно, будетъ подмывъ. Надо только, чтобы все садилось ровно.

— Скоро кончите?

Инженеръ засмѣялся.

— Это уже ваша воля. Ваше право требовать—когда прикажете, тогда и будетъ готово.

— А все-таки?

— Хотите—завтра?

— Отлично. Послѣ обѣда?

— Милости просимъ.

На другой день, часовъ около трехъ, снова прiѣзжаю къ мосту.

Инженеръ Широковъ, въ томъ же плащѣ, суетится около моста.

— Убирайте, убирайте обрубки скорѣй! А щепу сюда, на въѣзды и сверху песочкомъ... Оно и не разъѣздится. А, вы уже здѣсь? День добрый, какъ говорятъ поляки...

— Однако, вы точны,—говорю я, любуясь мостомъ, который протянулся широкой, бѣлой лентой черезъ рѣку.

— Попробуемъ мостикъ?

— Съ удовольствiемъ.

— Ну-ка, Митрофановичъ, давай автомобиль! Пожалуйте. Ну-ка, давай на третью...

Автомобиль полнымъ ходомъ пронесся по мосту.

— Будьте спокойны... Ужъ если это выдержалъ, всякую вашу тяжелую артиллерiю вынесетъ... А вы не обратили вниманiя—сегодня утромъ канонада была совсѣмъ близко... Я думаю, не больше, какъ верстахъ въ тридцати.

— Можетъ быть...

— Я и то, знаете, о васъ подумалъ... Мы-то мостъ строили, намъ хорошо, а какъ вамъ-то взрывать будетъ? Лѣсъ сырой... скоро не загорится...

— Господи, какая предусмотрительность!

— За войну ко всему привыкнешь,—съ грустью замѣтилъ инженеръ.—Куда-то насъ теперь пошлютъ? А все-таки хорошо здѣсь. Сегодня дорога, завтра мостъ, послѣ завтра гать, а въ результатѣ все для одной цѣли... Всѣ за одно!

И онъ, по обыкновенію, улыбнулся своей хорошей, доброй улыбкой.

Урядникъ Сивоконенко.

На другой день съ утра пришлось хлопотать объ усиленіи работъ на одномъ оставшемся неготовымъ мосту. Не хватало всего: лѣсу, рабочихъ, инструмента. Чтобы не опоздать, пришлось прибѣгнуть къ «содѣйствію гражданскихъ властей», представителя которой, вызваннаго мной съ вечера, я ждалъ съ нетерпѣніемъ. Вдругъ въ дверь постучали.

— Кто тамъ?

— Гм! Урядникъ Сивоконенко.

— Войдите. Въ чемъ дѣло?

Урядникъ небольшого роста, рыжеватый, съ хмурымъ веснущатымъ лицомъ. Въ рукахъ защитная фуражка, на околышѣ которой блестятъ очки, предохраняющіе отъ газовъ. Газовъ, конечно, здѣсь ждать неоткуда; эти очки просто символъ того, что и урядникъ служитъ не гдѣ-нибудь, а въ «дѣйствующей»...

— Въ чемъ дѣло?

— Гм! Явился доложить о происшествіи.

— Что случилось?

— Такъ что сегодняшней ночью надъ большимъ мостомъ аппаратъ леталъ.

— Ночью?

— Такъ точно... Большой такой аппаратъ. Ночью собою оказываетъ, будто черный... На манеръ сигары. Цеппелинъ, должно быть.

— Въ какомъ направленіи онъ летѣлъ?

— Вдоль рѣки летѣлъ. Надъ мостомъ моторъ выключилъ, прожекторомъ посвѣтилъ, постоялъ минутъ съ пять и дальше пошелъ.

— Куда?

— Опять же вдоль рѣки полетѣлъ...Полагаю заключить, что не иначе, какъ къ слѣдующему мосту.

— Вы сами его видѣли?

— Такъ точно. Стражники тоже видѣли, нѣкоторые.

— Раньше здѣсь не летали?

— Никакъ нѣтъ, раньше не бывало.

Надо было принимать мѣры къ защитѣ переправъ. Очевидно, цеппелинъ разсмотрѣлъ мостъ и теперь надо быть готовымъ уже къ «настоящему» налету съ бомбами. Посылаю въ штабъ телеграмму, съ просьбой прислать взводъ артиллеріи, а самъ, тѣмъ временемъ, рѣшаю укрѣпить предмостную позицію. Очевидно, что разъ мостъ уже обнаруженъ противникомъ, борьба за переправу осложнится тѣмъ, что нѣмцы будутъ точно знать, куда надо направить ударъ, и надо теперь же облегчить предстоящія работы по развитію обороны рѣки.

Безъ урядника не обойтись и здѣсь. Покончивъ съ выборомъ и разбивкой позицій, посылаю за нимъ.

Урядникъ является, какъ и раньше, вооруженный до зубовъ, съ очками на фуражкѣ, вытягивается у двери и хрипло кашляетъ.

— Сивоконенко, мнѣ рабочихъ надо.

— Сколько прикажете, ваше в-іе?

— Человѣкъ четыреста.

— Четыреста не набрать, ваше в-іе. Потому у инженера Широкова на дорогахъ двѣсти душъ работаютъ, да у инженера Янишевскаго на мосту сто... Почти всѣ и разошлись. Человѣкъ, если со сто соберу..

— Мало. Надо больше, никакъ не меньше трехсотъ.

— Постараюсь, ваше в-іе... А когда вамъ надо ихъ представить?

— Когда угодно. Пусть приходятъ партіями, не сразу.

— Понимаю.

Къ вечеру уже около ста человѣкъ записалось. Приходили семьями, по одиночкѣ, цѣлыми партіями и записывались «на окопы». Къ полудню слѣдующаго дня число рабочихъ удвоилось, а къ вечеру снова явился урядникъ.

— Какъ ваше в-іе, довольно рабочихъ?

— Да, вѣдь, больше, все равно, нѣтъ?

— Оно, конечно, народу теперь мало стало, весь запявши, а ежели поскрести, то еще съ полсотни набрать можно.

— Подводъ нѣтъ ли?

— Подводъ мало. Потому бѣженцы... Однако поищемъ.

Разумѣется, на другой день подводы явились и работа шла очень успѣшно.

— Откуда это у васъ, Сивоконенко, все берется?

— Помилуйте, ваше в-іе, нешто они сами безъ понятія? Отчего имъ не идти? Надо только объяснить все по-хорошему. Скажешь какому ни на есть солтысу: такъ молъ и такъ, германъ пришелъ, надо окопъ рыть, потому-де деньги твои въ этомъ дѣлѣ вѣрныя, глядишь, твой домъ и отстоятъ. Вышелъ ты и съ выгодой. А не будешь рыть, германъ дальше пролѣзетъ, вшистко запалитъ, быдло забьетъ и будешь ты бѣженецъ, самый, можно сказать, послѣдній человѣкъ. Потому—ничего у тебя не останется, окромя головы.

Черезъ переправы проходили войска.

Намъ дана новая задача и мы снова проходимъ С., двигаясь вдоль фронта, къ новому мѣсту назначенія.

Въ С. кутерьма. Этапъ снялся, и когда мы остановились на площади мѣстечка обѣдать, какіе-то пузатые солдаты, съ эспаньолками, снимали трехцвѣтный флагъ, обозначавшій резиденцію коменданта. По улицамъ метались плачущія женщины, откуда-то выкатывали фуры, загруженныя

всякимъ скарбомъ, вели лошадей, въ сбруѣ и безъ сбруи. Гдѣ-то по закоулкамъ узкихъ дворовъ ловили гусей, кричавшихъ во весь размахъ легкихъ, гнали свиней, связавъ ихъ за заднія лапы. Хрюканье, топотъ, свистки мотоциклетокъ, автомобильные гудки, громъ повозокъ... А издали—гулъ канонады. Разрывовъ пока еще не слышно, но выстрѣлы уже приближаются.

И среди всей этой сумятицы—центральной фигурой, попрежнему, остается Сивоконенко. Предохранительныя очки надвинуты на глаза, отчего онъ выглядитъ какимъ-то выходцемъ съ того свѣта, фуражка нахлобучена по самыя брови, въ рукахъ длинная казачья нагайка. Онъ все время вертится около костельной колокольни, откуда на длинныхъ веревочныхъ оттяжкахъ спускаютъ колокола.

— Безпремѣнно бы и колокольню обнизить надо.

— Какъ обнизить?

— Подорвать бы, что ли...

— Зачѣмъ?

— А отголь нѣмцу все видать будетъ... И теперь съ нимъ ничего не сдѣлаешь. Это раньше сказывали будто, что онъ не по закону, ежели съ костела наблюденіе дѣлаетъ. А теперь очень даже свободно... Потому колокола убраны и она уже ни къ чему. Башня—башня и есть...

Тѣмъ не менѣе, колокольню, конечно, никто не взрывалъ. Да и грѣхъ было бы тронуть этотъ прекрасный образецъ Возрожденія, попавшій сюда по капризу одного изъ предковъ теперешняго хозяина мѣстечка.

Покончивъ съ колоколами, урядникъ трогается въ путь со своими стражниками и обозами.

— Что это у васъ за подводы?

— А какъ же—имущество. Первое дѣло канцелярія, опять же колокола съ деревень, да съ заводовъ, мѣдь, у кого что было.

— Много собрали?

— Страсть сколько! Кажинную дверную ручку сняли, ежели она мѣдная.

— И въ графскомъ замкѣ тоже?

— А какъ же? Отъ лѣстницы прутья, отъ шторъ,—все мѣдное. Ежели ему оставить, онъ безпремѣнно все на снаряды потребитъ. Мы уже лучше вывеземъ. Довезу до исправника, сдамъ, а тамъ ужъ ихъ дѣло. Тамъ разберутъ, куда что опредѣлится... Ну, съ Богомъ, что-ль!...

Урядникъ поѣхалъ...

Контролеръ Мусатовъ.

Постройка моста въ самомъ разгарѣ. За всю войну не было болѣе счастливыхъ условій для работы, какъ у этого моста. Весь берегъ поросъ лѣсомъ. Огромныя сосны лѣтъ восьмидесяти, а можетъ быть и больше, ровныя, прямыя, какъ стрѣла, такъ и просятся въ дѣло. Рабочіе весело валятъ деревья, скатываютъ ихъ по длиннымъ слегамъ къ пологому песчаному берегу, гдѣ уже третьи сутки кипитъ работа. Козла стоятъ, переводины уложены; остается только накрыть все это настиломъ да смастерить перила. Проходя по мосту, въ послѣдній разъ осматриваю скрѣпленія.

— Ваше в-іе, васъ прапорщикъ ищутъ.

— Какой?

— Не могу знать. Видать, будто пѣхотный... Въ синихъ погонахъ.

— Гдѣ онъ?

— Съ той стороны, они сюда, будто, шли...

Иду въ другую сторону, гдѣ уже слышны сильные, звенящіе удары обухомъ топора по гвоздямъ, и на серединѣ пролета встрѣчаю пріѣзжаго. Онъ останавливается, осторожно поворачивается на балкѣ, надъ самой быстриной рѣки, и кланяется, конфузливо улыбаясь.

— А я къ вамъ...

— Что прикажете? Откуда вы?

— Да изъ штаба. Я контролеръ...

— Ну, вотъ... А мнѣ сказали: прапорщикъ.

— Ошибаются... Многіе ошибаются... Потому что кому же въ голову придетъ, что какой-то контрольный коллежскій регистраторъ и на войсковыя работы полѣзетъ?

— А вы, собственно, зачѣмъ?

— Да, вотъ, бревешки у васъ посчитаемъ, подводы, рабочихъ, если позволите, провѣримъ.

— Сдѣлайте милость!.. Перехожихъ, пошли-ка сюда табельщиковъ! Сейчасъ мы съ вами все это посмотримъ. У васъ много времени?

— Этого-то сколько угодно.

Работа для контролера оказалась далеко не легкой. Пришлось пересчитывать всѣ свѣжіе пни, провѣрять обрубки деревьевъ, распиленныхъ на доски, считать рабочихъ, разсыпанныхъ по всему участку работъ, чуть не по одиночкѣ. Спокойно, методично онъ выполнилъ всю эту процедуру и, довольный, вернулся ко мнѣ часа черезъ три.

Уже вечерѣло. Работа приходила къ концу и я собирался ѣхать домой. Мелочныя додѣлки займутъ не больше получаса.

— Ну, какъ?

— Насчетъ ревизіи?

— Да.

— Хорошо. Все же въ ясности, на виду. Работа краткосрочная, каждое бревно въ дѣлѣ видишь... Это-то что. Гдѣ трудно это, вотъ, въ интендантствѣ. Тамъ ужъ, дѣйствительно, привычку имѣть надо. Грузы перебрасываются, перевозятся, рабочіе приходятъ, уходятъ... Ревизуешь и думаешь, а ну, какъ что прозѣвалъ?

— Приходилось?

— Кто его знаетъ? Пока на замѣчаніи не былъ, а развѣ

все услѣдишь?.. Мелочи какія-нибудь, навѣрное, проскакивают. Да это и неважно...

Разговаривая, мы незамѣтно дошли до дому.

— Чаю выпьете? Можетъ быть, съѣдите что-нибудь?..

— Охотно. Усталъ я все-таки, набѣгался по лѣсу.

— Вы давно уже въ контролѣ?

— Лѣтъ пять, какъ чиновникомъ сдѣлали... Я, вѣдь, изъ простыхъ. Въ госпиталѣ писаремъ былъ, въ старшемъ разрядѣ; въ запасъ ушелъ послѣ Японской войны, съ правомъ производства, однако же, въ классный чинъ. Ну, а потомъ оглядѣлся—отъ стараго дѣла отсталъ, по мелочи раньше торговлей занимался у себя въ провинціи, къ новому ни къ чему себя опредѣлить не могу. Поболтался, поболтался, да и поступилъ къ губернатору канцелярскимъ служителемъ. Потомъ за усердіе и въ чиновники угодилъ. А ужъ какъ въ чиновники вышелъ—все равно, что на свѣтъ родился: куда хочешь поступай. Поступилъ я въ контроль и теперь, вотъ, треплюсь.

— Много работы?

— Пропасть! Сегодня муку принимаешь, завтра хлѣбъ бракуешь, потомъ въ родѣ какъ у васъ, бревна считаешь. Это, вѣдь, не то, что прежній контроль: было бы все на бумажкѣ въ порядкѣ. Намъ пожалуйте-съ все въ наличіи, чтобы бумажкѣ сама натура соотвѣтствовала. Да-съ! Ну, да и то сказать надо, что теперь и подотчетные-то не тѣ, что въ Манчжуріи хотя бы.

— А что?

— Да сами извольте посудить. Въ Манчжуріи купите вы у китайца чумизу и счетъ требуете. Потому, что безъ счета-то, сами понимаете, ничего у насъ не образуется. А отъ китайца какой же счетъ? Намазюкаетъ своими значками не вѣсть что, а вы ему вѣрите. Глядишь, онъ вамъ написалъ «русская собака», а вы-то, по простотѣ, счи-

таете, что тамъ дѣло обозначено. Ну, а ежели человѣкъ, къ примѣру скажемъ, слабъ—для того это даже и удобно иной разъ оказывалось.

— Ну, теперь конечно... Да и времена не тѣ...

— Оно, какъ сказать? Для человѣка въ себѣ крѣпкаго всякое время не для злоупотребленія показано. А вотъ что до тѣхъ, кто послабже, для тѣхъ точно, что время не то. Первое, что все идетъ по-русски, да по-польски... Ужъ гдѣ овесъ писанъ, ячменя не покажешь. Ну, и опять же надзоръ. Ждали вы, напримѣръ, меня нынче?

— Нѣтъ, не ждалъ. И откровенно вамъ скажу, что даже и не подозрѣвалъ о вашемъ существованіи.

— Ну, вотъ, видите. А я шасть и есть. Пришелъ, да и оглядѣлъ. Куда теперь отъ насъ дѣнешься?

Контролеръ торжествующе засмѣялся. Видимо, ему въ его службѣ больше всего нравилось именно это послѣднее свойство, что отъ контроля «никуда не дѣнешься».

— Одно только у насъ плохо.

— Что же?

— Да, вотъ, служишь въ арміи, погоны носишь, солдаты тебѣ честь отдаютъ, иной такъ за прапорщика почитаетъ, зоветъ благородіемъ, какъ слѣдуетъ, а войны настояще не видишь.

— Захотѣли чего! Безъ снарядовъ что ли вамъ скучно?..

— Отъ снаряда, конечно, веселѣе не станетъ,—поморщился контролеръ,—а все же хотѣлось бы, хоть краемъ глаза поглядѣть на все это ваше хозяйство... Какъ это добрые люди воюютъ?

— Это мы вамъ покажемъ. Только скажите.

— Да неужели?

— Развѣ это такъ трудно? Съ удовольствіемъ. Когда угодно.

— Вотъ буду благодаренъ-то... Женѣ напишу, какъ на позиціи былъ. А то она что же? Знаетъ, что я все въ тылу, да въ тылу... У нея и жалости-то нѣтъ настоящей отъ того, что мужъ на войнѣ.

Дней черезъ пять, когда переправы были совершенно готовы и по нимъ уже проходили обозы—эти вѣчные предвѣстники всякихъ событій и колебаній на фронтѣ—къ намъ опять пріѣхалъ контролеръ.

— Что, опять бревна считать? Шалите, теперь у насъ бревенъ нѣтъ.

— Нѣтъ... Я такъ, просто въ гости заѣхалъ. Думаю, не забыли ли вы своего обѣщанія?

— Это насчетъ позиціи?

— Да, да.

— Помню. А вамъ все не терпится?

— Интересно посмотрѣть-то.

— Ну, а если, не дай Богъ, подшибутъ?

— Кого?

— Да васъ хотя бы? Что я о васъ скажу?

— Конечно, это вопросъ серьезный.

Контролеръ задумался, но не надолго. Пройдя раза три изъ угла въ уголъ моей маленькой комнаты, онъ уже нашелъ благовидный предлогъ для поѣздки.

— Позиція же здѣсь, близко?

— Верстъ пять.

— Работы на ней идутъ?

— Идутъ, конечно.

— Могу я ихъ посмотрѣть?..

— Допустимъ.

— Ну, такъ о чемъ же рѣчь? Ѣдемъ.

— Сейчасъ?

— А хотя бы и сейчасъ.

Волей-неволей приходилось сдаваться и ѣхать.

Всю дорогу контролеръ разспрашивалъ о томъ, какъ теперь войска укрѣпляются, дѣйствительно ли такъ страшна артиллерія, какъ о ней пишутъ, какъ ходятъ въ атаку и какъ эти атаки отбиваютъ.

— Я, вѣдь, призабылъ это все порядкомъ. На дѣйствительной-то когда былъ, конечно, учили и меня коечему. Ну, а теперь-то гдѣ же?.. Наше дѣло по письменной части, какія ужъ тутъ атаки!

Въ окопахъ онъ интересовался рѣшительно всѣмъ.

Какъ нарочно, на томъ участкѣ, по которому мы шли, была мертвая тишина.

— Жаль, однако, что стрѣльбы-то нѣтъ.

— Зато вы все хорошо видите.

— Все-таки занятнѣе было бы. Полнѣй впечатлѣніе... Интересно, все-таки, испытать, какъ это нервы щекочетъ... Ну, а все-таки очень вамъ благодаренъ. Большое вы мнѣ этимъ удовольствіе доставили,—говорилъ онъ, прощаясь и крѣпко пожимая руку широкой, короткой ладонью.— Вотъ, теперь женѣ про настоящую войну напишу, а то что за письма?.. Ну, будьте здоровы! Спасибо вамъ...

Воображаю—напишетъ!

Голь перекатная.

Въ началѣ достать рабочихъ на постройку мостовъ и позицій было нелегко. Кто убираетъ посѣвы, кто занятъ «на подводахъ» вывозкой акцизнаго спирта съ помѣщичьихъ заводовъ въ тыловые склады, а кто уже успѣлъ «утекнуть». А тутъ еще инженеры-путейцы со своими дорожными работами, которыя, хотя и нужны для той же цѣли, но все-таки не такъ ужѐ спѣшны, какъ предмостная позиція.

Однако, при содѣйствіи урядника, необходимый минимумъ рабочихъ былъ собранъ и постройка окоповъ началась. Молодые парни, бабы, дѣвки—всѣ вооружились лопатами, кирко-мотыгами и роютъ окопы, какъ ни въ чемъ не бывало. Какъ будто копаютъ картошку или роютъ водоотводныя канавы. Смѣхъ, шутки, говоръ не умолкаютъ весь день. Работа начинается рано. И когда, послѣ расчета, ѣдешь по позиціи вдоль фронта, солнце свѣтитъ еще совершенно косыми лучами. Фронтъ позиціи виденъ издали. Ярко-красная полоса бабьихъ домотканныхъ юбокъ обозначаетъ непрерывную линію отрывки. И какъ-то дико думать даже, что эта бабья работа имѣетъ чисто-боевое значеніе, что, можетъ быть, черезъ нѣсколько дней въ эти же утренніе часы солнце снова освѣтитъ ярко красныя пятна вдоль этой черной полосы вынутой земли... и что эти пятна будутъ совсѣмъ иного характера и происхожденія.

Немного поодаль, въ молодомъ сосновомъ саженцѣ рубятъ колья для проволочной сѣти. Это страшное препятствіе, которое можно одолѣть только заваливая его трупами атакующихъ, тоже дѣлается женскими руками. Дѣвушки-подростки отлично справляются, за шесть гривенъ въ день, съ незамысловатымъ плетеніемъ проволоки по кольямъ.

Когда сюда придутъ наши войска—неизвѣстно. Канонада пока идетъ впереди и «оттуда», вмѣстѣ съ гуломъ орудій сюда доходятъ только слухи, опровергающіе другъ друга, да зарево огромныхъ пожаровъ, заставляющее, по вечерамъ, громко вздыхать обитателей окрестныхъ деревень.

— О, Господи, что-то будетъ?

— А ну, какъ и намъ придется утекать? Что будемъ дѣлать?

И, подъ давленіемъ этой неизвѣстности, смѣшанной съ инстинктивнымъ, животнымъ страхомъ, мягче дѣлается

человѣческое сердце. Еще вчера у этихъ самыхъ крестьянъ вы не могли за деньги выпросить лишнюю подводу для работъ, а сегодня, когда показались первыя партіи и подводы съ бѣженцами «оттуда»—они широко распахиваютъ передъ ними узкія двери своихъ приземистыхъ, выбѣленныхъ хатъ.

— Ежели ихъ не пустимъ, кто потомъ насъ приметъ?— говорятъ крестьяне и дѣлятся съ бѣженцами всѣмъ, что имѣютъ.

Съ наплывомъ бѣженцевъ число рабочихъ быстро возрастаетъ. Каждое утро, выходя на расчетъ, видишь новыя партіи. Не ожидая указки унтеръ-офицера, они сами выбираютъ своего старшаго и являются къ вамъ для записи уже вполнѣ организованной единицей.

— Сколько въ партіи?

— Какъ требуется, двадцать пять человѣкъ.

— Взрослыхъ?

— Такъ. Бабы и дѣти у насъ отдѣльно, у нихъ свои партіи... Какъ господа начальники требуютъ... Мы уже знаемъ.

— Ну, хорошо, идите получать инструментъ.

— Мы имѣемъ. Пусть намъ только покажутъ, гдѣ работать...

— Откуда у васъ инструментъ?

— Э, еще изъ-подъ Млавы... мы тамошніе... Четыре раза мы уходили за войскомъ, четыре раза возвращались назадъ. Тамъ у насъ все было. Халупа была, быдло, поле оранное... Все теперь германъ забралъ...

Голосъ обрывается.

— Такъ вы съ тѣхъ поръ за войскомъ и ходите?

— Куда же мы дѣнемся, куда мы пойдемъ? Наше все пропало... а ѣсть надо... Такъ и идемъ за войскомъ. Гдѣ войско, тамъ и наша работа... Нужны дороги, нужны мосты, нужны окопы,... Мы и работаемъ.

— Неужели цѣлые полгода или даже больше такъ и бродите?

— Такъ, господинъ начальникъ, такъ... Какія лошади остались, такъ все время при фурахъ... Что успѣли вывезти изъ боя, то и возимъ... Остальное все пропало.

Посмотрите на эти фуры и вы увидите, что здѣсь, дѣйствительно, только то, что можно вывезти изъ боя. Коротко говоря, здѣсь только иконы, да то тряпье, которое попадалось подъ руку. Уѣзжали весной и нахватали съ собой впопыхахъ ситцевыхъ платьевъ, подушекъ, какихъ-то холстовъ. Остальное бросили въ пожарищѣ, на развалинахъ насиженныхъ гнѣздъ. И теперь, когда надвигается зима, вся ихъ надежда на это войско, авангардомъ котораго они идутъ вглубь Россіи. Это войско, «питающееся» дорогами, мостами и окопами, кормитъ и ихъ—сирыхъ, убогихъ, разоренныхъ и разбросанныхъ по разнымъ мѣстамъ. Здѣсь не рѣдкость родители безъ дѣтей, застрявшихъ у нѣмцевъ или отбившихся въ пути и приставшихъ къ другому потоку бѣженцевъ, пошедшему другой дорогой. Здѣсь же и дѣти безъ родителей, изнывающихъ въ тоскѣ по нимъ гдѣ-нибудь за десятки верстъ на такихъ же работахъ.

Попадаются среди нихъ старые знакомые.

— Господинъ начальникъ насъ не помнитъ, а мы его хорошо знаемъ...

— Откуда?

— Господинъ у Вышегрода работалъ... Въ Цюцковѣ жилъ господинъ, на фольваркѣ, пока его не сбило.

— Какъ же, помню... Плотники, блиндажи дѣлали...

— Такъ, такъ, господинъ... И здѣсь такъ будемъ работать?

— И здѣсь такъ.

— Можетъ быть, у господина и старшій тотъ же... какъ его звали?..

— Рыбкинъ.

— Такъ, такъ, господинъ... Ну, такъ мы съ господиномъ знакомые...

И партія плотниковъ, повеселѣвшая, идетъ на работу, провожаемая недоумѣвающими и завидующими взглядами «новичковъ»...

Приближается канонада, появляются у переправъ артиллерійскіе парки, и бѣженцы-рабочіе тѣснымъ кольцомъ окружаютъ васъ, при вечерней повѣркѣ номерковъ, съ которыми они выходятъ на работу.

— А что, долго еще мы будемъ работать?

— Дня два поработаемъ.

— А потомъ войско встанетъ въ окопы.

— Вѣроятно.

— Тогда уже намъ не будетъ работы?—наивно спрашиваетъ кто-нибудь изъ «новичковъ».

— Тогда ужъ какая работа,—уныло опустивъ голову, отзовется кто-нибудь изъ «бывалыхъ».—Тогда только уноси ноги, а то забьетъ тебя германъ, когда его еще и не видишь... Тогда войско само работать будетъ... А куда господинъ скажетъ намъ послѣ идти?

— Не знаю.

— Разъ войско здѣсь станетъ, то сзади будетъ другая позиція... А мы бы туда и сразу шли...

— Право, не знаю... Когда придутъ, тогда и буду знать.

Но на это уже не отвѣчаютъ. Въ дальнѣйшихъ вопросахъ надобности нѣтъ. Ваше «не знаю» они объясняютъ по-своему и просто выжидаютъ событій. А когда пройдутъ въ тылъ войсковые обозы, на вашемъ мѣстѣ обоснуются передовые лазареты и парки, по всѣмъ дорогамъ вытянутся длинныя фуры, около которыхъ мѣрно шагаютъ замоsренныя долгимъ кочевничествомъ фигуры бывшихъ поселянъ.

Вашъ отвѣтъ имъ уже не нуженъ. Теперь они сами, по опыту прошлаго, знаютъ, гдѣ будетъ «другая позиція», и людская волна медленно катится къ этому рубежу, въ глубинѣ души размышляя, не будетъ ли онъ и предѣломъ ихъ горемычныхъ скитаній?

По привычкѣ.

Уже третій день идетъ жестокій бой за переправу.

Узкая, но глубокая рѣка въ этомъ мѣстѣ дѣлаетъ большую излучину, которой противникъ и стремится воспользоваться.

Раскинувъ вѣеромъ свои тяжелыя и легкія батареи, онъ засыпаетъ снарядами наши окопы. Съ разсвѣта и до самой темноты онъ не прекращаетъ огня.

Отъ сплошного гула и сотрясенія въ имѣніи, приспособленномъ нами къ оборонѣ, уже съ перваго же дня не осталось ни одного цѣлаго стекла. Частыми попаданіями почти совершенно разбита высокая каменная ограда. Роскошный цвѣтникъ съ большимъ англійскимъ газономъ совершенно срытъ. Борозды отъ зарывшихся въ землю осколковъ и цѣлыя воронки вспахали всю землю.

Днемъ здѣсь мертво.

Пѣхота невылазно сидитъ въ своихъ окопахъ, закрывшись жердевыми козырьками отъ шрапнели и мелкихъ осколковъ. Только ночью и пробуждается жизнь.

Подходятъ кухни, патронныя двуколки, зарядные ящики. Но и имъ—этимъ ночнымъ гостямъ, поддерживающимъ своимъ питаніемъ энергію людей и оживленныхъ машинъ, здѣсь не легко.

Случайно вышедшая изъ-за облака луна выдаетъ ихъ съ головой. Съ нѣмецкаго берега отлично видно, какъ

они, исполнивъ свое дѣло, отходятъ въ тылъ, и цѣлыя очереди шрапнели несутся вдогонку.

Когда нѣтъ луны и кругомъ тьма, въ которой не видно ни зги,—узкій и холодный, какъ кавказскій кинжалъ, врѣзается лучъ прожектора. И опять шрапнель, съ ея хлопающими, какъ бичъ, разрывами и мелкимъ свинцовымъ горохомъ.

Но борьба идетъ. За три дня такого ада нѣмцы не смогли не только продвинуться пѣхотой ни на шагъ, но ни одна ихъ батарея не могла подъѣхать ближе къ рѣкѣ и усилить пораженіе сокращеніемъ дистанціи.

И все-таки внѣшняя жизнь не вымерла здѣсь окончательно. Правда, ротный командиръ не выпуститъ стрѣлка изъ окопа. Но время отъ времени вы замѣчаете какія-то кучки людей, спокойно двигающихся около окоповъ. Они что-то носятъ. И кажется страннымъ, что когда они идутъ въ тылъ, эта кучка идетъ тѣсно, сомкнувшись. Возвращаясь назадъ, она растягивается длинной змѣйкой: люди идутъ гуськомъ.

Эти кучки людей—санитары. Въ тылъ они идутъ съ ношей, назадъ—порожнемъ, сдѣлавъ свое дѣло. Каждый конецъ, сдѣланный ими—подвигъ, въ самомъ бою незамѣтный, но очень замѣтный тамъ, гдѣ развѣвается поблекшій отъ пыли, вылинявшій подъ дождемъ и солнцемъ красный крестъ на бѣломъ полѣ.

— Еще бы нѣсколько минутъ—и раненый умеръ бы,—замѣчаетъ врачъ, кончая перевязку.—Но теперь—хорошо. Санитаръ! Носилки... Вези въ городъ.

Кровавый обозъ вытягивается по разбитой дорогѣ.

— Отчего вы такъ близко расположились, докторъ? Вѣдь, отъ васъ до окоповъ не больше двухсотъ шаговъ...

— Такъ что же? У насъ хорошіе блиндажи... Здѣсь почти безопасно. Хуже было бы, если бы мы стояли дальше...

— Но развѣ эта близость боя не отражается на самой работѣ? Вѣдь у васъ и въ спокойной-то обстановкѣ нервы, вѣроятно, напряжены до крайности?

— Что же дѣлать—привычка!

— Какъ, привычка?

— Такъ... Мы недавно, сравнительно, здѣсь... два-три мѣсяца... Раньше мы работали въ горахъ. Тамъ это было удобно... На западномъ склонѣ горы окопъ, а на восточномъ—мы. Раненый огибаетъ высоту и изъ окопа прямо попадаетъ въ перевязочную... Тамъ эта работа шла спокойно. Въ высокихъ горахъ, при крутыхъ скатахъ, никакими пулеметами насъ нельзя было достать...

— Но, вѣдь, здѣсь же равнина... Все видно, какъ на ладони?

— Что же дѣлать? Я вамъ говорю—привычка! Войска, наши полки, привыкли къ тому, что мы всегда стоимъ рядомъ, у нихъ за спиной... Не отучать же ихъ отъ этого только потому, что здѣсь другая мѣстность?

Послѣдніе.

Отходъ съ позиціи былъ рѣшенъ. То сопротивленіе, которое оказывалось нѣмцамъ, имѣло теперь значеніе для выигрыша времени. Нужно закончить эвакуацію оставляемой полосы и стянуть войсковые обозы. Нѣмцы, вѣроятно, уловили это или помощью воздушной развѣдки, или другими средствами, въ выборѣ которыхъ они не стѣсняются.

Бѣшеныя атаки съ цѣлью прорвать нашъ фронтъ участились. Не учитывая того, что мы отходимъ на болѣе или менѣе готовыя линіи, что, отходя, мы все время сокращаемъ свой фронтъ и, слѣдовательно, усиливаемся—они лѣзли на наши окопы чуть не сплошной стѣной. Каждое

наступленіе они ведутъ, какъ почему-то говорятъ, «колоннами». Это вовсе не колонна.

Изъ окопа выходятъ такія же цѣпи, какъ и у насъ. Но съ первой же перебѣжки цѣпь уже смыкается, превращаясь въ шеренгу. Дальше, когда всей шеренгой идти уже нельзя, они двигаются довольно большими кучками, вѣроятно, отдѣленіями—человѣкъ по двадцать. И эти кучки, наслаиваясь одна на другую, въ разстояніи 30—60 шаговъ, при взглядѣ на нихъ изъ нашего окопа дѣйствительно создаютъ впечатлѣніе колонны. Въ боевой обстановкѣ, при нервномъ подъемѣ, когда разсматривать и думать хладнокровно нѣтъ ни времени, ни возможности, какъ-то скрадывается эта широкая разомкнутость въ глубину.

Потери они несутъ при этомъ чудовищныя.

Идя въ атаку большею частью подъ давленіемъ спирта и офицерскихъ плетей, они такъ и падаютъ кучками, какъ идутъ. Коситъ ихъ пулеметъ, рѣжутъ отдѣльные винтовочные выстрѣлы. А когда къ нимъ добавляется сверху шрапнель, цѣпи, даже пьяныхъ нѣмцевъ, ложатся и пробуютъ врыться въ землю. Здѣсь они, обыкновенно, несутъ потери въ офицерахъ, не признающихъ промежуточнаго залеганія при атакѣ.

Эти бои, въ сущности, сплошь арьергардные съ того момента, какъ рѣшенъ отходъ. Разница отъ позиціоннаго боя только въ томъ, что все время шагъ за шагомъ части выходятъ изъ боя. И нѣмцы, чувствуя это, силятся уловить моментъ, когда же, при атакѣ, передъ ними тотъ минимумъ силъ, который можно было бы назвать арьергардомъ въ уставномъ смыслѣ и навалиться на него для рѣшительнаго удара. Но всѣ ихъ попытки до сихъ поръ не бывали удачными. Своеобразная «пытливость» стоитъ имъ десятковъ тысячъ жизней, но тратятся они безъ всякаго ощутительнаго, въ боевомъ отношеніи, результата.

Въ тылу корпуса пять мостовъ. Всѣ они заранѣе распредѣлены между частями и обозами, всѣ заранѣе обслѣдованы ими. Этихъ мостовъ такъ много, что каждый боевой участокъ имѣетъ свой мостъ. Но нѣмцы не знали этого. Они видѣли только три: временный, желѣзнодорожный и шоссейный. Два понтонныхъ появились у разработанныхъ для нихъ подъѣздовъ въ послѣднія сутки. По нимъ проходятъ главныя силы и занимаютъ позиции на другомъ берегу рѣки.

Арьергарды проходятъ по шоссейному и временному. Желѣзнодорожный уже сдѣлалъ свое дѣло. Весь подвижной составъ переведенъ, станція испорчена, какъ говорили саперы, «въ сухую»—безъ взрывовъ, которые могли бы привлечь излишнее вниманіе противника. И этотъ мостъ, огромной длины, казавшійся на рѣкѣ такимъ ажурнымъ кружевомъ, съ трескомъ и грохотомъ взлетаетъ на воздухъ тяжеловѣсной громадой. Утро застаетъ на его мѣстѣ развороченные быки, исковерканныя и перебитыя фермы. Использовать ихъ для перехода черезъ рѣку нельзя. Легче построить новый мостъ, а это вопросъ нѣсколькихъ дней, «потеря времени», которая на войнѣ «смерти безвозвратной подобна».

На деревянныхъ мостахъ кипитъ работа. Впереди еще около сутокъ. Ночью арьергарды пройдутъ. Саперы готовятся къ этому и охраняютъ правильность движенія, во избѣжаніе могущихъ быть несчастій.

Прошли орудія, ящики... Тронулась пѣхота.

— Не идти въ ногу!—сурово говоритъ часовой мостового караула, какъ только головные ряды вступаютъ на мостъ.

И пѣхота въ первый разъ «на законномъ основаніи» идетъ «толпой во образѣ колонны». Идетъ тихо, спокойно разговаривая о предстоящемъ чаѣ съ чернымъ хлѣбомъ и саломъ. Кое-гдѣ говорятъ о послѣдней отбитой атакѣ.

— Какъ присноровился, подлецъ! Пока идетъ въ атаку, все время у него артиллерія стрѣляетъ, а какъ дошелъ до точки, сейчасъ ракету кидаетъ...

— Чтобъ по своимъ не пальнула.

— А сегодня тоже ракеты пускалъ.

— Сегодня по другому случаю... Сегодня онъ ихъ уже когда выпустилъ,—когда отбрили его по всѣмъ швамъ...

— Ну да, залегъ и давай кидать.

— Боится...

Верхомъ на лошади проѣзжаетъ батальонный, пропускавшій у головы моста свои роты.

— Кто за вами?—спрашиваетъ саперный офицеръ.

— Еще одинъ батальонъ и сотня казаковъ... Она сейчасъ въ окопахъ...

— Обозначаетъ нѣмцамъ противника,—улыбается саперъ.

— Да. А батальонъ идетъ слѣдомъ.

Впереди опять слышится говоръ, мѣрный топотъ шаговъ и новая команда часового: «не идти въ ногу».

Долго проходятъ роты. И куда торопиться? Теперь ночь, идти недалеко, а нѣмцу такъ влетѣло въ атакѣ, что у него и въ мысляхъ нѣтъ, будто отходитъ весь фронтъ. Правда, правѣе ружейная трескотня не умолкаетъ, но это частный эпизодъ, который не выходитъ за предѣлы одного боевого участка.

— Весь батальонъ?

— Весь. Сзади казаки, имъ послана связь.

Около получаса проходитъ въ нѣмой тишинѣ. Слышно только, какъ вдали по шоссе гудятъ повозки,—тамъ вереницей тянутся обозы войскъ, бѣженцевъ, лазаретовъ. Вправо продолжается перестрѣлка.

Подъѣзжаетъ казакъ. Кряжистый сибирякъ на мохнатой монголкѣ.

— Пѣхота прошла?

— Прошла.

— Сейчасъ сотня идетъ.

— А нѣмцы гдѣ?

— Дома сидятъ, ракеты швыряютъ.

— И не стрѣляютъ?

— Нѣ. Должно, духъ переводятъ,—смѣется казакъ.

Проходитъ и сотня.

— У васъ готово?—спрашиваетъ есаулъ.

— Готово. Ваши всѣ?

— Всѣ. Вахмистръ, застава тутъ?

— Тута...

— Зажигай головной! Рвать не будемъ—тихо.

Повалилъ дымъ.

— Обрубай якоря у баржи!

Вспыхнуло пламя. Огненные языки охватили сразу нѣсколько устоевъ. Въ серединѣ, подхваченная теченіемъ, поплыла горящая баржа. Моста нѣтъ. Саперы ждутъ еще нѣсколько минутъ, но мостъ занялся такъ дружно, что дѣлать имъ нечего.

Вправо все еще слышна пальба. Тутъ тоже идетъ переправа. Отбивъ нѣмецкую атаку, арьергардный батальонъ ринулся за порѣдѣвшими цѣпями и далеко отогналъ ихъ отъ моста. Нѣмцы не выдерживаютъ и вся эта безпорядочная трескотня—дѣло ихъ рукъ. Трата патроновъ—испытанный гасильникъ страха.

Тѣмъ временемъ пѣхота проходитъ по мосту.

Напуганные контръ-атакой, нѣмцы подтягиваютъ тяжелыя орудія, и скоро въ предразсвѣтной мглѣ раздается свистъ снаряда. Онъ падаетъ въ рѣку и тонетъ въ болотистомъ днѣ, не давъ разрыва. За нимъ летитъ второй, третій. Начинается правильный обстрѣлъ моста.

— Повѣрь заряды, командуетъ саперный офицеръ, чтобы чѣмъ-нибудь занять вниманіе людей.

Наконецъ, батальонъ прошелъ. Длинная колонна уже

исчезла за поворотомъ лѣсной дороги, когда надъ мостомъ разорвалась первая шрапнель, стуча круглыми пулями по настилу.

На рысяхъ подходитъ сотня и пробѣгаетъ мостъ.

— Всѣ?

— Всѣ.

— Рви головной!

Черное облако дыма и комъ желтоватаго пламени...

— Второй, третій!

Новые взрывы съ трескомъ ломаютъ узкую деревянную ленту, протянувшуюся черезъ рѣку болѣе, чѣмъ на версту.

— Четвертый, пятый!..

Въ конецъ моста пробѣгаютъ саперы. Взорвавъ головные устои, они переходятъ къ послѣднимъ. Надъ мостомъ уже свистятъ пули. Очевидно, въ деревню прискакалъ нѣмецкій разъѣздъ. Гнался за отходившей казачьей заставой, но нагнать не успѣлъ.

Взрывы продолжаются въ прежнемъ порядкѣ. Притаившіяся гдѣ-то въ лѣсу два орудія, заслышавъ нѣмецкія винтовки, осыпаютъ шрапнелью деревню. Наконецъ мостъ разбитъ окончательно. Сапервы по двое, по трое стягиваются къ дорогѣ и отходятъ къ своимъ, уже занявшимъ окопы на командующемъ кряжѣ. На этомъ мосту они были раньше всѣхъ. Сами построили его и сами теперь уничтожили.

Черезъ часъ, когда разыгрался бой, яркимъ пламенемъ вспыхнула и оставленная на томъ берегу деревня. Нѣмцы нашли ее пустой. Нѣтъ ни скота, ни запасовъ—войска вывезли ихъ, а жители сами «утекли за войскомъ», спасаясь отъ германскаго нашествія и «западной культуры».

Съ нѣмецкимъ обозомъ.

Отходъ съ позиціи на слѣдующій рубежъ обороны удалось произвести настолько скрытно, что нѣмцы о немъ не подозрѣвали.

Оставленная въ качествѣ «пугачей» тонкая цѣпь людей вела съ ними перестрѣлку, иногда навлекая на себя даже шрапнельный огонь, и нѣмцы считали нашу позицію занятой войсками.

Такъ продолжалось два дня, въ теченіе которыхъ и эта тонкая цѣпь рѣдѣла и сокращалась. Послѣднія роты стягивались съ широкаго фронта корпуса къ тылу и отходили, присоединяясь къ своимъ частямъ на новой позиціи.

Соприкосновеніе съ противникомъ поддерживала кавалерія. Никакихъ естественныхъ преградъ нѣтъ. Ни оврага, ни рѣчки, ни одного болота. Кругомъ перелѣски и залужалый песокъ. Поля убраны, запасы вывезены, жители ушли на востокъ.

Кругомъ мертво.

Постепенно обозначается наступленіе нѣмцевъ. Они идутъ осторожно, имѣя впереди сильныя пѣхотныя заставы; впереди нихъ чуть не сплошная сѣть конныхъ разъѣздовъ.

Однако, отъ стычекъ съ нашими разъѣздами нѣмцы упорно уклоняются. Сдѣлавъ съ коня нѣсколько выстрѣ-

ловъ, бравые и аристократичные уланы или гусары стремительно поворачиваются и отскакиваютъ за линію пѣшихъ заставъ, предоставляя имъ имѣть дѣло съ русскими кавалеристами.

Заставы, въ свою очередь, не проявляютъ особой охоты лично сдерживать постоянные нажимы нашей конницы: онѣ тоже отходятъ, уступая мѣсто пулеметамъ авангарда.

— Чортъ ихъ знаетъ, что за люди,—сердятся офицеры,—всюду за нихъ должна работать машина...

— Нешто онъ силой беретъ,—замѣчаютъ солдаты,—обманомъ однимъ.

И въ сердцѣ скопляется злоба на «фрица».

Небольшой офицерскій разъѣздъ, спрятавшись въ густомъ кустарникѣ, смѣшанномъ съ молоднякомъ, у опушки лѣса, высматриваетъ нѣмцевъ. Дозоры донесли, что они должны сейчасъ показаться изъ-за деревни, которую они осматриваютъ.

Передъ лѣсомъ пахотное поле, ровное, какъ столъ. И когда нѣмецкій разъѣздъ, силой до двадцати коней, показывается у околицы, наши всадники шутя проскакиваютъ полверсты, отдѣляющія лѣсъ отъ деревни, поражая противника неожиданностью своего появленія.

Коротенькая схватка—и полтора десятка нѣмцевъ ведутъ въ поводу своихъ лошадей, окруженные нашими драгунами. Лица сумрачныя, злобныя и очень исхудавшія. Лошади—высокія, рыжія, хорошо сложенныя, давно не видали овса.

Сдавъ плѣнныхъ, разъѣздъ возвращается въ свое гнѣздо, на опушку. За нѣмецкимъ разъѣздомъ должна идти пѣшая застава. Захватить пѣхоту труднѣе, но трудъ и опасность только усиливаютъ желаніе это сдѣлать. Можетъ быть, другой такой случай еще не скоро и представится.

Но застава не принимаетъ удара. Быстро повернувшись, нѣмцы бросились бѣжать.

«До пулеметовъ еще, навѣрное, далеко», думаетъ начальникъ разъѣзда. И смѣло ведетъ преслѣдованіе бѣгущихъ, пробующихъ отстрѣливаться одиночными людьми.

Часть нѣмцевъ была изрублена, часть захвачена. Но именно въ эту минуту, когда все, что осталось отъ заставы, подняло руки вверхъ, слѣва затрещалъ пулеметъ.

Лошади метнулись въ сторону, и разъѣздъ ускакалъ, бросивъ пѣхотинцевъ... Силы слишкомъ неравны.

Надъ головами и сбоку густымъ потокомъ засвистали пули. Двѣ лошади упали сразу, придавивъ всадниковъ своей тяжестью. Офицеръ раненъ въ ногу навылетъ. Кость не задѣта и онъ остается въ сѣдлѣ.

Заскакавъ за лѣсъ, остановились.

Но не успѣли какъ слѣдуетъ перевести духъ, какъ въ тылу показывается цѣлый эскадронъ нѣмецкихъ гусаръ.

Уйти трудно.

Спереди надвигаются главныя силы противника, въ тылу его конница, слѣва пѣхота съ пулеметами. Остается одинъ путь—вправо, вдоль линіи наступленія нѣмцевъ, которые уже успѣли зажечь ближайшую деревню.

Сумерки застали разъѣздъ окруженнымъ. Нѣмцы еще не образовали около него того тѣснаго кольца, изъ котораго нѣтъ выхода. Но, рѣзкая, отрывистая команда понѣмецки, каски, тяжеловѣсныя фигуры неуклюжихъ всадниковъ были со всѣхъ сторонъ.

Стемнѣло.

Офицеръ, успѣвшій кое-какъ перевязаться, отдалъ приказаніе къ выступленію.

— Надо пробираться къ своимъ.

— Такъ точно...—соглашается вахмистръ.—Трудновато, только, идти будетъ. Кругомъ нѣмцы.

— Какъ-нибудь пройдемъ...

Осторожно, по одиночкѣ, всадники шагомъ выѣзжаютъ на проселокъ.

Впереди блеснулъ огонекъ.

— Часовой,—шепчетъ кто-то.

Вправо, какъ бы въ отвѣтъ ему, вспыхиваетъ другой, третій... Цѣлая перекличка огней.

Вдругъ такой же огонекъ вспыхиваетъ совсѣмъ близко съ правой стороны. Разъѣздъ останавливается.

— Федотьевъ, посмотри, что тамъ.

Маленькій, широкоплечій вахмистръ осторожно подвигается впередъ. Всѣ невольно провожаютъ его взглядомъ и зорко всматриваются въ непроглядную тьму.

Вмѣсто одного огонька, показалось четыре. Они медленно двигаются впередъ.

— Дозоръ...

Навстрѣчу имъ показывается сначала два огонька, потомъ три. Вдругъ они остановились. Залопотали что-то на своемъ языкѣ. Говорятъ быстро, будто проглатывая слова.

— Смѣна у нихъ, что ли?

Гдѣ-то справа загремѣла фура. Ѣдетъ прямо на востокъ. Два фонаря, высоко поднятые надъ землей, обозначаютъ ея путь.

Нѣмцы продвигаются впередъ. Надо уходить, иначе плѣнъ неизбѣженъ. Федотьевъ вернулся.

— Они уходятъ. Сѣдлаются и запрягаютъ.

— Гдѣ?

— А гдѣ свѣтлячки видать.

— Ихъ много?

— Кто ихъ знаетъ... Повозокъ-то много видно. Они сейчасъ соберутся.

Дѣйствительно, грохотъ повозокъ вскорѣ послышался со всѣхъ сторонъ.

Точки яркаго бѣлаго свѣта вспыхнули цѣлой полосой. Теперь ихъ видно и сзади. Переднія уходятъ, заднія надвигаются.

— Ну, братъ, въ обозы врѣзались,—говоритъ офицеръ.

— Такъ точно,—отвѣчаетъ Федотьевъ.

— Надо проходить...

— Только бы шоссе найти...

— Зачѣмъ же его искать?

— А какъ же? Безъ дороги-то не пройдемъ. Того и гляди на заставу напоремся.

— Пойдемъ слѣдомъ. Видишь, куда нѣмцы пошли?

А впереди свѣтлячки вытягивались въ узкую ленту. Очевидно, они вышли на дорогу.

Разъѣздъ тронулся за ними.

Прошли съ версту... Кто-то окликнулъ. Офицеръ отвѣтилъ по-нѣмецки и опять все стихло. Слышался только гулъ повозокъ, медленно двигавшихся по шоссе. Усталыя лошади идутъ, не торопясь, всадникамъ тоже дремлется. Мракъ начинаетъ разсѣиваться.

Нѣмецкія фуры отъѣхали къ самому краю шоссе и остановились.

Кругомъ предразсвѣтная мгла. Тихо. Кое-гдѣ видны костры. Но никакого движенія. Съ земли начинаетъ подниматься рѣдкое облачко росы. Разъѣздъ двигается мелкой рысью впередъ.

Проходимъ версты три совершенно спокойно. Впереди мостъ. Очевидно, на немъ есть караулъ. Человѣкъ пять, идущихъ впереди, обнажаютъ шашки и прибавляютъ рыси. Остальные подтягиваются. И прежде, чѣмъ полусонные

ландштурмисты успѣли опредѣлить во всадникахъ врага, ихъ изрубили. Слышно было только глухое хлюпаніе, какъ будто широкій, плоскій камень шлепнулся въ жижицу грязи.

Мостъ перешли.

Съ восходомъ солнца облако росы сгустилось, и идти стало легче. Шоссе видно со всѣхъ сторонъ и, не будь росы, всѣ бы пропали. Впереди, за деревней видна батарея.

Отъ измученныхъ лошадей требуется послѣднее усиліе. Надо проскочить сквозь позицію. Съ гулкимъ топотомъ разъѣздъ понесся впередъ. Проскакалъ мимо батареи.

Бзз!.. Бзз!.. засвистало надъ головой.

— Прикрытіе...

— Ну, теперь пойдетъ сыпать!..

Но нѣмцы собрались не сразу.

Только тогда, когда разъѣздъ во весь карьеръ несся мимо деревни, занятой пѣхотой, пули густой тучей неслись надъ шоссе.

Та-та-та-та... затрещалъ пулеметъ.

Нѣмцы вытащили его на шоссе и осыпаютъ его вдоль. Но разъѣздъ уже далеко. Скрылся за поворотомъ, проскакалъ фольваркъ и уже видѣлъ своихъ.

Въ Маріавитскомъ монастырѣ.

Поздно ночью меня разбудилъ гусаръ.

— Откуда?

— Со штаба кавалерійскаго корпуса. Съ донесеніемъ.

Наскоро расписываюсь на конвертѣ. Конечно, это не донесеніе, а приказъ, но у солдатъ называется донесеніемъ все, что пишется на полевой запискѣ и посылается съ вѣстовымъ.

...«съ полученіемъ сего немедленно отправьтесь съ вашей частью на присоединеніе къ своему корпусу, имѣя, при расчетѣ движенія, въ виду, что общій отходъ начнется въ ночь на завтра»...

Идти около тридцати верстъ.

Движеніе оказывается очень труднымъ. Все время пересѣкаемъ дороги, занятыя обозами. Пропускаемъ мимо себя цѣлыя колонны повозокъ. Остановиться на отдыхъ негдѣ: все занято. Обѣдаемъ въ полѣ. Къ ночи выходимъ изъ чужого района, вступая въ полосу, которой съ завтрашняго дня суждено сдѣлаться райономъ нашего корпуса. Кое-гдѣ въ деревняхъ попадаются обозы, тыловые парки. Жители торопливо укладываются, готовясь «утекать» при первыхъ же проблескахъ дня.

На перекресткѣ дорогъ встрѣчаемъ своего квартирьера.

— Ну, что, устроили что-нибудь?

— Отличная стоянка.

— Гдѣ, въ имѣніи?

— Нѣтъ. Въ монастырѣ.

— Развѣ здѣсь есть монастырь?

— Есть. Маріавитскій... Настоятельница просила передать, что мы ихъ нисколько не стѣснимъ. Монахинь совсѣмъ мало. Онѣ живутъ въ двухъ комнаткахъ наверху, а домъ большой, службы...

— Дорогу помните?

— Да, да! Тутъ, рядомъ... Идите вправо...

Темно. Въ десяти шагахъ теряются очертанія человѣческой фигуры.

Узкая дорога, ведущая отъ деревни къ монастырю, сплошь запружена солдатами и нашимъ обозомъ. Ждутъ отвода помѣщеній. Двухъэтажное зданіе монастыря теряется во мракѣ. Видны только два ближайшихъ окна, да наверху все время перебѣгаетъ изъ конца въ конецъ какой-то огонекъ.

Слышны женскіе голоса.

— Господинъ начальникъ?

— Да.

— Можетъ быть, вы будете любезны пройти сюда?.. Здѣсь не видно... Зося! дай фонарь!

Блуждающій огонекъ приближается и въ непроглядной тьмѣ ярко обрисовывается пятно расплывчатаго свѣта, а въ немъ фигура монахини.

Сѣрая ряса, бѣлая пелерина, бѣлый низкій клобукъ, съ большимъ выступомъ впередъ и бѣлой фатой до таліи. На груди—шитое символическое изображеніе Св. Даровъ.

— Пожалуйста, въ школу... Здѣсь, можетъ быть, помѣстились бы офицеры... Ихъ много?

— Восемь.

— Хватитъ мѣста. У васъ постели есть?

— Не безпокойтесь... Все, что надо, у насъ найдется...

— А для солдатъ я могу предложить мастерскія... Не будетъ тѣсно? Можетъ быть, вы будете любезны взглянуть.

Мастерскихъ не хватаетъ.

— Занимайте все, что вамъ нужно... Лишь бы всѣмъ было удобно... На походѣ такъ нуженъ отдыхъ, я знаю...

Свѣтлые глаза подернулись дымкой...

Съ пяти часовъ въ монастырѣ пробуждается жизнь.

Маленькій колоколъ будитъ свою обитель призывомъ къ молитвѣ. Монахини, молча, безшумно идутъ въ костелъ, кладя у входа земные поклоны передъ образомъ Богоматери. Этотъ образъ—Неустанной Помощи—общій для насъ, православныхъ и католиковъ, особенно чтится у маріавитовъ.

Въ девять часовъ новая служба.

И такъ круглыя сутки—черезъ каждые четыре часа. Но ни на одномъ лицѣ не видно слѣдовъ утомленія. Смиреніе и какая-то необъяснимая тихая радость.

— Вы позволите нашему священнику зайти къ вамъ?

— Пожалуйста... Можетъ быть, удобнѣе было бы мнѣ пройти къ нему?..

— Онъ сейчасъ придетъ...

Священникъ—старикъ, въ сѣрой сутанѣ. На груди тотъ же символъ Даровъ. Лицо доброе, свѣтлое, озаренное ясной улыбкой.

— Очень радъ видѣть васъ здѣсь... Это первый разъ за всю войну... У насъ еще ни разу не стояло войско. На долго?

— Не знаю. Пока могу сказать, что день простоимъ.

— Я хотѣлъ предложить вамъ отслужить молебенъ... если ваши солдаты...

— Очень благодаренъ вамъ...

— Вѣдь у насъ почти никакой разницы нѣтъ съ вами въ богослуженіи... Церковь маріавитская такъ же отстаиваетъ вселенское начало, какъ и ваша...

— Въ этомъ и есть ваше расхожденіе съ католичествомъ?

— Нѣтъ, не только... Мы строже въ вопросахъ жизни духовенства... У насъ глубже входитъ въ жизнь культъ Святыхъ Даровъ—какъ олицетвореніе Божества. Вы замѣтили, что каждый вступившій въ служеніе маріавитской церкви даже имѣетъ на груди ихъ образъ?

— То же самое, кажется, у васъ на фасадѣ костела?

— Да... вездѣ.

— У васъ большой приходъ?

— Да, довольно большой. Всѣ деревни кругомъ—маріавитскія. Это сразу видно: здѣсь крестьяне трезвые, сплоченные и оттого они зажиточнѣе... и люди добрѣе... лучше... Было время, когда насъ считали сектой, обществомъ... Это были тяжелыя времена и они укрѣпили насъ въ вѣрѣ. Но теперь, когда маріавиты составляютъ церковь, намъ легче. И я могу сказать, что нигдѣ такъ не сильно вліяніе добра, исходящаго отъ храма, какъ здѣсь. Вы увидите всюду, что крестьянинъ-маріавитъ не выйдетъ изъ халупы, чтобы не перекреститься. И это не машинально. Нѣтъ, это отъ сердца...

Пріѣхалъ казакъ. Предупреждаетъ всѣхъ, что войска отходятъ, и монастырь останется, такимъ образомъ, въ нѣмецкихъ рукахъ.

— Собираетесь уѣзжать?

— Мы? Нѣтъ. Мы не можемъ уѣхать.

— Почему?

— Нѣтъ, мы не уйдемъ. Здѣсь нашъ храмъ, здѣсь плоды нашихъ рукъ...

— Однако, жители уходятъ.

— Не всѣ же. Уходятъ военноспособные, молодые. Старики и старухи останутся... Мы знаемъ, что значитъ

нашествіе враговъ церкви. Но потому-то и не можемъ уйти. Кто же напутствуетъ къ Богу этихъ слабыхъ людей, которымъ, можетъ быть, суждено стать жертвами этого нашествія? У нихъ и такъ отнято все: ихъ родные ушли, сжигая дома и увозя съ собой все, что накоплено годами труда. Эти старики одиноки и беззащитны—у кого же хватитъ духу лишить ихъ и церкви? Я останусь здѣсь до конца. Можетъ быть, и еще разъ встрѣтимся съ вами...

На глазахъ у ксендза навернулись слезы...

Сѣрымъ дымомъ застлало все небо. Кое-гдѣ черезъ густые клубы пробивается длинное пламя. Гдѣ-то вправо, совсѣмъ рядомъ бѣглымъ огнемъ стрѣляетъ тяжелая батарея.

Небольшая площадь передъ костеломъ полна остающихся при монастырѣ. Старики, старухи, калѣки, изрѣдка дѣти... Всѣ столпились здѣсь, около своего священника... Они потрясены происходящимъ, но ни одной жалобы не слышно изъ этого тѣснаго круга. Только глубокій вздохъ, да тихій шопотъ, однѣми губами, говорятъ, что они молятъ Бога объ избавленіи.

— Сохрани васъ Господь,—говоритъ на прощанье ксендзъ.—Возьмите этотъ образокъ и вѣрьте тому, чему вѣрятъ наши крестьяне: на комъ надѣтъ чтимый нами образъ Богоматери, тотъ останется живъ,—и, заплакавъ, какъ ребенокъ, онъ крѣпко обнялъ меня...

Обгоняя своихъ, невольно оборачиваюсь.

На паперти маленькаго костела, стоя на колѣняхъ, молится старый ксендзъ, окруженный остатками своей паствы, разсѣянной бурей.

Невольно предъ глазами встаетъ его заплаканное лицо...

Ночью монастырь запылалъ, а на разсвѣтѣ новаго дня по окружающимъ его холмамъ уже тянулись тонкія линіи нѣмецкихъ окоповъ.

Послѣдній резервъ.

Это было въ жаркіе дни прорыва германской кавалеріи.

Штабъ корпуса, сообразуясь съ общимъ отходомъ войскъ, только что перешелъ на новое мѣсто. Телеграфное отдѣленіе, высланное заранѣе, уже работало. Денщики и ординарцы уже хлопочутъ около офицерскихъ двуколокъ. Конвойная сотня оренбуржцевъ устраивается. Загорѣлые казаки почти сплошь русые, съ округлыми лицами, на которыхъ еле замѣтны мелкія черты, почти у всѣхъ покрытыя оспенной «рябью»—заводятъ новыя знакомства.

Со стороны шоссе во дворъ усадьбы—широкій, обсаженный столѣтними липами, доносится грохотъ двуколокъ и зарядныхъ ящиковъ, сквозь который рѣзкими взвизгами прорываются автомобильные гудки. Изрѣдка долетаетъ и крѣпкое слово, неизбѣжное въ нашихъ дорожныхъ скитаніяхъ.

— Куда тебя, косого чорта, на двуколку несетъ! Безъ глазъ, что ли, среди бѣла дня налетѣлъ!..

— Ладно, ладно, лаяться-то, выѣзжай въ сторону, прилаживай запасное колесо!... Есть, что ли?

— То-то что нѣтъ... На пятомъ номерѣ брать надо!

— А онъ гдѣ?

— Пятый-то? Песъ его знаетъ... Пока съ нимъ, съ чортомъ, разбирался, онъ уѣхалъ.

— А ты не лаялся бы. Былъ бы теперь съ колесомъ!..

На шумъ выходитъ кто-то изъ штабныхъ адъютантовъ.

— Въ чемъ дѣло?—спрашиваетъ онъ бородатаго обознаго, который, сгорбившись, лазаетъ гдѣ-то подъ кузовомъ двуколки, съ потерей колеса, упершейся осью въ шоссе и загородившей дорогу.

— Чего сталъ, видишь, всѣмъ дорогу загородилъ!..

— Такъ точно... Вишь, несчастье какое получилось...

— Поѣзжай скорѣй!

— Безъ колеса ѣхать-то, ваше в-іе, неспособно... куды уѣдешь?..

— Чучело,—вмѣшивается казакъ.—Подвяжи бревешко, волокушей и поѣдешь!..

— И то хоть подвязать,—соглашается обозный.

— Эхъ, скопской!—презрительно усмѣхается казакъ.—Имъ бы, ваше в-іе, тучи шестомъ подпирать, а не на двуколкахъ ѣздить!

Общими усиліями рубятъ дерево, ломаютъ сучья и черезъ нѣсколько минутъ злополучная «скопская» двуколка ѣдетъ по шоссе, какъ ни въ чемъ не бывало, поддерживаемая съ правой стороны длинной накатиной.

— Ишь, какъ ладно,—и стуку меньше.

Обозный ухмыляется, недовѣрчиво оглядываясь на накатину съ колеблющихся козелъ.

— Чего озираешься-то? Небойсь, не слетишь... Догоняй свой пятый номеръ!

Двинулась двуколка, и снова слышится монотонный грохотъ повозокъ по шоссе.

Онѣ все идутъ и идутъ.

Темная ночь. Дождя нѣтъ, но какая-то скользкая, противная изморозь заползаетъ и пробирается всюду. Изъ-за нея большой фонарь, поставленный у въѣзда въ усадьбу, римская цифра котораго обозначаетъ ея новыхъ обитателей, кажется какой-то жалкой восковой спичкой. Свѣтъ его—неровный, расплывчатый, какого-то грязно-желтаго оттѣнка.

На шоссе тишина. Всѣ обозы и парки прошли. Часового у воротъ не видно и, когда мимо него мелкой ходой проносится степной иноходецъ ординарца, какъ-то особенно глухо звучитъ изъ непрогляднаго мрака твердо заученный окликъ:

— Кто тутъ?

— Свои.

— Кто свои?

Отвѣчаютъ пропускъ.

— Штабъ корпуса здѣсь?

— Здѣсь.

— Отворяй ворота.

Но часовой недвижимъ. Короткій свистокъ—и ворота распахиваетъ кто-то изъ казаковъ, находящихся во дворѣ.

— Сюда прямо, потомъ направо,—говоритъ чей-то голосъ.

Вспыхиваетъ лампочка карманнаго фонаря и сквозь мглу пробивается длинный бѣловатый лучъ, теряясь въ тысячахъ мелкихъ брызгъ, наполняющихъ воздухъ.

— Здѣсь.

Слышно, какъ слѣзаютъ съ лошадей, какъ облегченные кони фыркаютъ, перебираютъ передними ногами, грузно шлепая по осклизлой землѣ.

Торопливые шаги по каменнымъ ступенямъ—потомъ опять тишина, опять надоѣдливая, пронизывающая изморозь.

Въ задней комнатѣ барскаго дома, занятаго штабомъ, пріютилась телеграфная станція. На комодѣ безъ ящиковъ стоитъ аппаратъ. Надъ нимъ, на столѣ, горитъ кухонная лампа, съ криво закопченнымъ стекломъ. А на полу, на опрокинутыхъ ящикахъ, свернувшись клубками, какъ были въ шинеляхъ, подложивъ подъ голову широкій, мускулистый кулакъ, спятъ телеграфисты. Работы нѣтъ. Вездѣ тихо.

Вдругъ аппаратъ застучалъ.

Оба телеграфиста разомъ вскакиваютъ и бросаются къ лентѣ.

Долго тянется непрерывная черта, расплываясь на тонкой бумагѣ, потомъ она вдругъ прерывается и, подъ дробное металлическое постукиваніе ключа, на лентѣ появляются условные знаки. Сквозь отворенную дверь, изнутри дома, доносится постукиваніе пишущей машинки.

— Что тамъ?—спрашиваетъ адъютантъ, заглядывая черезъ дверь на станцію.

— Телеграмма идетъ... Со штаба арміи.

— Хорошо. Вотъ возьми—отмѣна приказа. Надо передать въ дивизіи. Срочно.

На арьергардной позиціи, кое-гдѣ утопленной въ опушку лѣса, кое-гдѣ протянувшейся по кочковатому болоту вперемежку съ пашней и лугомъ, готовились къ отходу. Сосѣдніе корпуса отошли, дивизія своего корпуса снялась ночью. Благодаря темнотѣ, отходъ прошелъ незамѣченнымъ и сегодня съ утра нѣмцы энергично обстрѣливаютъ пустые окопы.

На занятомъ нами участкѣ пока тишина. У офицерскаго блиндажа хлопочутъ вѣстовые.

— Сказываютъ, нонче и мы взадъ пойдемъ.

— Должно, что такъ...

— Ротный ничего не сказывалъ?

— Нѣ...

— А вещей не собиралъ?

— Какія у него вещи? Кружка, подушка, да два одѣяла... Свернулъ въ колобокъ, и пошелъ, куда хошь.

— Эй, землячки, батальонный у васъ гдѣ здѣсь живетъ?

— А ты кто?

— Ординарецъ со штаба дивизіи.

— Батальонный спитъ сейчасъ. Онъ у насъ по ночамъ ходитъ. А у тебя пакетъ, что ли?

— Пакетъ.

Вѣстовой закряхтѣлъ, неуклюже размялъ отсиженныя ноги и трусцой побѣжалъ къ блиндажу.

— Ну, что у васъ дѣется?—любопытствуетъ одинъ изъ вѣстовыхъ.

— Въ штабѣ-то? Сказываютъ, германецъ гдѣ-то прорвался.

— Прорвался? Здорово!

— Чего здорово-то?

— А то, что, стало быть, назадъ ему ходу не будетъ. Коли онъ къ намъ въ нутро заскочилъ—куда ему дѣться? Только держи, не пускай...

— Связь!—крикнулъ кто-то изъ блиндажа.

По голосу слышно офицера.

Ординарецъ пошелъ по ходу сообщенія назадъ. Скоро слѣдомъ за нимъ, торопливымъ шагомъ, расходясь въ разныя стороны, разошлись по ротамъ и люди связи.

Батальонный созывалъ къ себѣ офицеровъ.

Въ офицерскомъ блиндажѣ душно отъ табачнаго дыма. Батальонный командиръ—еще не старый капитанъ, съ добродушнымъ, рѣзко очерченнымъ лицомъ, сидя у края стола, спокойно разъясняетъ офицерамъ обстановку.

— Видите, господа, какое положеніе... Прорвалась германская конница и забралась въ тылъ, пока верстъ на пятнадцать. Резервы, разумѣется, сдерживаютъ ее, но она, уклоняясь отъ боя, отходитъ въ нашу сторону. Намъ приказано задержаться для того, чтобы противодѣйствовать ея обратному прорыву. Нашъ полкъ остается на этой позиціи. Остальные идутъ къ сѣверу, на перерѣзъ кавалеріи. Ихъ задача завершить ея обложеніе. Намъ же придется сдерживать наступленіе нѣмцевъ съ фронта, если они захотятъ поддержать своихъ, когда они будутъ прорываться назадъ.

— Что же вы намъ прикажете?

— Вамъ—пока ничего. Но при первой же попыткѣ нѣмцевъ атаковать насъ, я перейду въ наступленіе. Не забывайте, что для германской конницы, по моимъ свѣдѣніямъ, осталась единственная дорога для прорыва къ своимъ; эту дорогу мы сейчасъ и занимаемъ. Чѣмъ дальше мы уйдемъ по ней, тѣмъ глубже будетъ мѣшокъ, въ которомъ они засѣли... А пока будемъ ждать...—добавилъ онъ, нервно поглаживая свою коротко остриженную голову.

На утро обозначилось наступленіе нѣмцевъ. Очевидно, не зная точно нашего расположенія, они широкимъ вѣеромъ обстрѣливали окопы изъ тяжелыхъ орудій. Съ нашей стороны полное молчаніе. Даже ни одного ружейнаго выстрѣла. Нѣмцы, ободренные молчаніемъ, вышли изъ окоповъ и густыми цѣпями, не ложась, идя въ полный ростъ, двинулись впередъ.

Но не прошли они и ста шаговъ, какъ легкая батарея засыпала ихъ шрапнелью. Нѣмцы залегли, но батарея не умолкала. Къ ней присоединились два пулемета. Нѣмцы выслали новыя цѣпи, которыя тотчасъ же начали окапываться позади скошенной цѣпи, превратившейся въ длин-

ную ленту труповъ и стонущихъ раненыхъ. Артиллерія перенесла огонь дальше, а подъ ея прикрытіемъ батальонъ вышелъ изъ окоповъ и ринулся на окапывающихся нѣмцевъ.

Издали, очевидно тамъ, гдѣ шло окруженіе прорвавшейся конницы, слышна частая канонада. Тамъ, вѣроятно, было жарко. Но и здѣсь дѣло разгоралось. У нѣмцевъ затрещали пулеметы и наша цѣпь залегла. Надъ ней тоже стали рваться шрапнели. Люди кое-гдѣ берутся за лопату.

Но батальонный бодро командуетъ: «впередъ», и роты, мелкими звеньями, снова двигаются перебѣжками впередъ. Снова трещитъ пулеметъ и снова цѣпи залегаютъ.

Отъ зоркаго глаза батальоннаго, прижавшагося къ толстому дереву въ своей изодранной сѣрой шинели, смятой фуражкѣ, не укрылось, что нѣмцы, осторожно, по одиночкѣ, начиная съ фланга, отходятъ въ свои прежніе окопы.

Батальонный по телефону приказываетъ своей резервной ротѣ подтянуться ближе, а въ цѣпь снова пошло приказаніе—двигаться впередъ. Самъ батальонный тоже пошелъ къ цѣпямъ и присоединился къ средней ротѣ.

— Ваше в-іе, командиръ полка у телефона...

— Слушаю... Нѣмцы отходятъ на прежнюю позицію... Не давать задерживаться? Г-нъ полковникъ, тогда попрошу поддержать меня хотя бы двумя ротами... Нельзя? Въ двухъ верстахъ?.. Слушаю... Сейчасъ передамъ.

Батальонный отдалъ трубку телефонисту.

— Можешь циркулярно соединить съ ротами?

— Такъ точно, ваше в-іе...

— Валяй... Ротныхъ командировъ къ телефону.

Долго попискиваетъ вызовъ, прежде чѣмъ телефонистъ, наконецъ, передаетъ ему трубку.

— Готово, ваше в-іе, ротные командиры у телефона..

— Говоритъ командиръ батальона.... Вамъ слышно, господа?.. Командиръ полка сейчасъ передалъ мнѣ, что

прорвавшаяся конница разрѣзана. Часть ея выдерживаетъ бой, другая часть отходитъ на сѣверъ, а третья, около дивизіи, движется въ нашу сторону и находится отъ насъ въ двухъ верстахъ. Противъ нея высланы два батальона нашего полка съ двумя батареями. Намъ приказано оттѣснить нѣмцевъ за ихъ прежнюю позицію. На всякій случай за нами есть еще одинъ батальонъ. Онъ насъ поддержитъ. Сейчасъ подойдетъ наша девятая рота. Изъ резерва я ее выведу въ цѣпь, правѣе двѣнадцатой, для охвата. Какъ только она выравняется—всѣ впередъ. Поняли? Я буду при десятой ротѣ... До свиданья, господа.

Девятая рота подходила широко разомкнувшись, такъ какъ нѣмцы, открывъ ея движеніе, усердно осыпали ее шрапнелью. Но пока потерь въ ней еще нѣтъ.

Батальонный командиръ вышелъ навстрѣчу и вызвалъ ротнаго.

— Слушай, Андреичъ,—говорилъ онъ лысому поручику, запыхавшемуся отъ ходьбы,—поворачивай сейчасъ направо и перебѣжками, скрытно, двигайся по направленію тѣхъ красныхъ крышъ, видишь?

— Вижу.

— Тамъ правый флангъ двѣнадцатой роты. Вытягивайся вправо и, загибая правымъ плечомъ, наваливайся на рощицу, что сейчасъ передъ нами. А спереди мы всѣ идемъ. Понялъ?

— Сейчасъ?

— Сейчасъ.

Поручикъ тяжело вздохнулъ, оправляя широкій ремень, поднявшійся поверхъ большого живота.

— Усталъ, что ли?

— Ничего... Идти, такъ идти... А то хуже разморишься...

Девятая рота тотчасъ же начала разсыпаться.

Отойдя за середину десятой роты, батальонный командиръ легъ подъ деревомъ и, опершись на локти, пристально наблюдалъ за тѣмъ, что дѣлалось вправо. Двѣнадцатая рота залегла и ея огонь постепенно затихаетъ. Смолкаютъ на этомъ участкѣ и нѣмцы. Разрывы шрапнели виднѣются все дальше и дальше, уклоняясь въ сторону—шарятъ.

Между тѣмъ, девятая рота, уже разсыпанная, тронулась впередъ. Простымъ глазомъ ея не видно. Даже въ бинокль, заранѣе зная путь ея наступленія, батальонный находитъ ея перебѣгающихъ людей не сразу.

— Молодецъ Пузанъ,—говоритъ онъ командиру десятой роты, лежащему около него съ другой стороны дерева.

— Только долго провозится... Придется въ сумерки забирать окопы.

— Что жъ дѣлать? Зато подойдетъ хорошо: люди цѣлѣе... Сейчасъ еще только три часа.

— Часа два проползетъ.

— Да, не меньше...

И они оба всматриваются въ мглу сѣраго осенняго дня. А тамъ далеко, на широкой пожелтѣвшей полянѣ, изрѣзанной черными полосами пахоти, рѣдко-рѣдко промелькнетъ грязно-сѣрая фигура солдата, низко пригнувшаяся къ землѣ... Мелькнетъ, скроется, и опять все спокойно. Черезъ минуту опять и опять...

— Никакой нѣмецъ его тамъ не увидитъ...

— Молодецъ Пузанъ.

— А его не видишь?

— Гдѣ тамъ...

По небу отъ горизонта поползли темныя полосы.

Узкій просвѣтъ, за которымъ подъ облаками прячется солнце, спускается ниже и ниже...

Девятая рота уже вышла на линію общаго наступленія, но огня еще не открываетъ, чтобы не обнаружить себя раньше времени. Къ батальонному являются какіе то люди.

— Вы кто?—спрашиваетъ онъ трехъ стрѣлковъ, подползшихъ къ нему почти вплотную.

— Жвязь,—сопя и задыхаясь, отвѣчаетъ одинъ, по виду не то мордвинъ, не то чухонецъ.—Съ девятой...

— Сиди тутъ. Телефонъ присоединили?

— Такъ точно,—отдуваясь, отвѣчаетъ старшій, отирая рукавомъ шинели вспотѣвшее лицо.

— Скажи въ девятую,—говоритъ батальонный,—идти впередъ.

Снова пищитъ телефонъ и сквозь порѣдѣвшій ружейный огонь слышенъ глухой голосъ телефониста.

— Батальонный командиръ приказали вамъ впередъ идти... Не слышите?.. Они сами...

Телефонистъ не успѣваетъ договорить. Батальонный вырываетъ у него трубку.

— Кто у телефона? Пузанъ? Съ Богомъ. Мы тоже идемъ. Дай Богъ!

И снова зорко всматривается въ бинокль. Потомъ опять къ телефону.

— Батарея? Пожалуйста, поддержите атаку праваго фланга.

Черезъ нѣсколько минутъ надъ головами запѣла шрапнель. Девятая рота пошла...

Охватъ рощи, служившей нѣмцамъ опорнымъ пунктомъ, удался. Девятая рота подошла къ ея сѣверной опушкѣ почти вплотную и, замѣченная только здѣсь, залегла подъ огнемъ нѣсколькихъ пулеметовъ. Поднялась трескотня.

— Роты, впередъ!—громко кричитъ въ телефонъ батальонный и самъ, вставая, идетъ къ десятой ротѣ.

Снова заковыляли по полю пригнувшіяся фигуры стрѣлковъ.

Огонь противника наростаетъ.

Теперь для нѣмцевъ уже нѣтъ сомнѣнія въ нашей истинной цѣли. У нихъ передъ фронтомъ ясно обозначается главная атака. Отсюда сразу затрещало нѣсколько пулеметовъ, снова засвистѣла надъ головами шрапнель. Роты опять залегли.

Батальонный невольно обернулся. Второго батальона пока еще не видно. А между тѣмъ девятая рота уже прекратила огонь... Надо, обязательно надо двигаться впередъ, но здѣсь, напротивъ, такъ убійственно трещатъ пулеметы, что отъ свиста пуль не хватаетъ духу подняться.

Сжимая бинокль, батальонный еще разъ осматриваетъ поле... Девятая встала... Ура-а-а!.. слышно со стороны праваго фланга.

— Ура!—громко кричитъ и батальонный, быстро выбѣгая впередъ...

И въ ту же минуту, когда роты вслѣдъ за нимъ поднялись,—падаетъ на землю... Но порывъ уже сдѣланъ—вся цѣпь поднялась и съ дикимъ, нечеловѣческимъ крикомъ ринулась въ нѣмецкіе окопы...

Смолкъ пулеметъ, безпорядочно затихаютъ винтовки...

Противникъ отхлынулъ...

Кавказцы.

Въ окопахъ распространился слухъ, что одну дивизію нашего корпуса смѣнятъ кавказцы. Все оживилось. Всѣ съ любопытствомъ ждутъ приказа: кого смѣнятъ? Къ вечеру приказъ былъ полученъ и оживленіе смѣнилось ожиданіемъ.

Одни ждали смѣны, напрасно стараясь отгадать, куда перебросятъ дивизію—этого не знали даже въ штабѣ, которому была указана только станція для посадки на поѣзда. Другіе ждали прихода кавказцевъ, боевая слава которыхъ въ эту войну сверкаетъ еще ярче, чѣмъ раньше.

Утромъ слѣдующаго дня обозначились признаки смѣны. Прибылъ штабъ кавказской дивизіи, появились телефонисты, быстро и ловко потянувшіе къ позиціи свои провода.

Странно какъ-то было смотрѣть на эти команды. Черныя, обожженныя солнцемъ лица, характерный говоръ съ акцентомъ, который на Кавказѣ удивительно передается представителямъ всѣхъ народностей Россіи. Встрѣчаешь чистокровныхъ поляковъ, великоросовъ, но и они говорятъ по-русски не лучше любого армянина или ингуша. Всѣ они хлопочутъ около своихъ маленькихъ телефонныхъ двуколокъ, запряженныхъ сѣрыми ишаками.

— У васъ всегда телефонъ на ишакахъ?

— Всегда,—твердо, съ акцентомъ, отвѣчаетъ молоденькій прапорщикъ. Онъ прослужилъ въ полку меньше года, но и этого времени уже достаточно, чтобы онъ насквозь пропитался туземнымъ колоритомъ.

— И не только телефоны,—продолжаетъ онъ,—приходилось на нихъ и пулеметы возить, патроны они подаютъ...

— И подъ огнемъ идутъ?

— Еще какъ! Лучше лошади....

— Да неужели?

— А какъ же! Лошадь умная, оттого сначала всегда боится... а этому скоту чего бояться? ишакъ! Шагаетъ потихоньку и всѣмъ хорошо.

Въ сумерки подходятъ полки.

Начальникъ дивизіи, еще не старый генералъ, живой и подвижной, какъ юноша, выходитъ изъ помѣщенія штаба и, стоя на крыльцѣ, пропускаетъ полки передъ собой. Его любятъ, съ первыхъ дней офицерской службы и до сихъ поръ онъ все время служитъ въ этой дивизіи. Здѣсь онъ былъ младшимъ офицеромъ, получилъ роту, батальонъ, полкъ, бригаду, и, наконецъ, дивизію. Даже академія не увлекла его перспективой блестящей карьеры.

— Развѣ изъ такихъ полковъ уходятъ,—отвѣчаетъ онъ на мое недоумѣвающее и любопытное «почему».

Полки проходятъ черезъ штабъ на тридцать седьмой верстѣ перехода. Длинной лентой тянется безконечная колонна по отдѣленіямъ. Впереди старѣйшій полкъ дивизіи. Передъ головной ротой цѣлая шеренга знаменъ и великолѣпный хоръ музыки. Страстный мотивъ лезгинки далеко разносится по полямъ... И передъ самымъ штабомъ, откуда-то изъ середины колонны, съ дикимъ визгомъ вылетаютъ впередъ два солдата-кавказца и кружатся въ пляскѣ передъ полкомъ.

А что за люди въ этомъ строю! Веселые, бодрые, они твердо и увѣренно проходятъ передъ своимъ генераломъ: уви-

дѣли его и будто второе солнце взошло надъ ихъ головами.. Замолкъ оркестръ, понеслась пѣсня. Сильная, веселая, подъ которую «ноги сами идутъ». Даже не вѣрится, что это война.

— Ну, какъ обжились на позиціи?—спрашиваю пожилого капитана, по виду типичнаго кавказца, но ни фамилія, ни имя, ни даже воспитаніе его ни чѣмъ не связаны съ Кавказомъ. Тоже ассимилировался.

— А, что!—махнулъ онъ рукой, вмѣсто крѣпкаго слова. Позиціи, какъ позиціи—скучно!

— Почему?

— Впередъ идти надо,—нетерпѣливо говоритъ онъ съ такимъ видомъ, что этого нельзя не принять за ихъ общее убѣжденіе.

— Вотъ, мы имъ сегодня покажемъ,—добавляетъ молодой, безусый прапорщикъ, недавно выпущенный изъ училища, но уже побывавшій въ бояхъ.

— Развѣ назначена атака?

— Нѣтъ... Усиленная развѣдка. Двумя ротами съ полковыми развѣдчиками.

— Когда?

— Ночью. Въ часъ... Саперъ дадите?

— Зачѣмъ?

— Проволоку рѣзать съ развѣдчиками.

— Много?

— Человѣкъ шесть, чтобы показать... Все-таки, есть молодые...

— Дамъ. Кому ихъ прислать?

— Малышу,—киваетъ капитанъ на прапорщика.

«Малышъ» дѣлаетъ видъ, что онъ не конфузится, но краска, заливая лицо, пробивается даже сквозь черный загаръ.

Не успѣлъ пріѣхать домой, какъ зовутъ къ телефону.

— Кто?

— Генералъ К—чъ, командиръ артиллерійской бригады.

— Что прикажете?

— Пожалуйста, у окоповъ противъ З—ва приготовьте намъ взводный орудійный окопъ.

— Участвуете въ усиленной развѣдкѣ?

— А какъ же? Надо же и намъ пѣхотѣ помочь.

— Будетъ сдѣлано...

Вечеромъ, около 10 часовъ ѣду на позицію. Луны нѣтъ, но на темномъ небѣ ярко горятъ звѣзды. Издали слышно, какъ въ окопахъ играетъ зурна. Откуда-то доносится гармоника, и такъ по всей линіи. Въ резервахъ, около костровъ, пріютившихся за каменными стѣнками и заборами, компанія весельчаковъ грѣются у огня, пьютъ чай и вполголоса поютъ пѣсни. Русскія, кавказскія, малороссійскія, цѣлый дивертисментъ съ неизмѣнными разсказчиками и балагурами.

— И нахалъ нѣмецъ сталъ...

— А что?

— Давеча сижу я наблюдателемъ, гляжу черезъ козырекъ, чтобы онъ не ходилъ, и вдругъ вижу, что одинъ вылѣзъ изъ окопа и пошелъ...

— Куда?

— Почему я знаю—куда? Вижу—идетъ вдоль окопа... Я въ него стрѣляю, а онъ прыгъ въ окопъ и сѣлъ. Потомъ опять вылѣзаетъ, я опять стрѣляю, а онъ, ишакъ, сидитъ въ окопѣ и черезъ брустверъ лопату показываетъ. Промахъ, значитъ, далъ. Разсердился я и давай его караулить. Только онъ опять вылѣзъ наружу, я опять въ него выстрѣлилъ.

— Ну?

— Ничего. Опрокинулся.

— Лопаты не показывалъ?—смѣются кругомъ.

— Какая тебѣ лопата, когда самъ съ дыркой!—отвѣчаетъ наблюдатель, сплевывая въ сторону, послѣ глубокой затяжки.

Развѣдка началась въ 10 часовъ, когда развѣдчики съ саперами вышли изъ окоповъ и поползли къ З—ву. До него всего триста шаговъ. Развѣдчики должны обойти его слѣва, гдѣ ясно виденъ уступъ въ позиціи нѣмцевъ и гдѣ, по даннымъ инженерной развѣдки саперъ, стоятъ пулеметы, прикрытые пятью рядами проволочной сѣти на кольяхъ и двумя рядами рогатокъ.

— Почему развѣдчикамъ дали такое направленіе? На самое сильное мѣсто опорнаго пункта...

— Какъ почему? Спереди не пойдешь, освѣтитъ ракетой и дальше не пуститъ. А сбоку онъ не дожидается. Сбоку онъ когда будетъ стрѣлять? Когда ты полѣзешь на лѣсъ, что лѣвѣе З—ва. Вѣрно?

— Допустимъ, что вѣрно. А если ихъ обнаружатъ?

— Дураки будутъ развѣдчики! Должны на брюхѣ ползти, не дышать. А ужъ если и обнаружитъ, такъ еще двѣ роты на что? Да въ окопахъ у меня батальонъ, ну-съ?

— А у нѣмцевъ?

— Что у нѣмцевъ?.. А вотъ наши пушки придутъ!

Пушки, дѣйствительно, пришли. Выйдя въ садъ, мы видѣли, какъ бережно и осторожно артиллеристы на рукахъ везли орудія.

— Ваши пошли?—спрашиваетъ артиллеристъ, располагаясь въ орудійномъ окопѣ, шагахъ въ ста сзади пѣхотной позиціи.

— Пошли. Скоро начнутъ.

Капитана позвали къ телефону. «Малышъ» сообщилъ, что развѣдчики уже лежатъ у самой проволоки и рѣжутъ ее, начиная со второго ряда.

— Почему со второго?

— А первый всегда соединенъ съ окопомъ звонковыми проводами.

— Конечно,—подтверждаетъ капитанъ.—Зачѣмъ людей даромъ тревожить?

Кругомъ мертвая тишина. Изрѣдка прямо передъ фронтомъ взлетитъ и разорвется зеленоватая нѣмецкая ракета.

— Дураки, сами себя тѣшатъ,—говоритъ капитанъ.

Впереди у З—ва затрещали ружья.

— Ага! Рота уже подошла, значитъ. Ну-ка, душа, завинти имъ, пожалуйста...—обратился онъ къ артиллеристу.

Артиллеристъ не заставилъ себя ждать. Рѣзкій металлическій звукъ выстрѣла невольно заставляетъ вздрогнуть. Второй, третій, четвертый...

— Вотъ жаритъ!.. Нѣмцы, небойсь, и не думаютъ, что это только двѣ пущонки стрѣляютъ...

Яркое пламя взлетѣло надъ З—вымъ.

— Ва! Въ солому попалъ,—радуется капитанъ, но его опять зовутъ къ телефону.

Ружейная пальба участилась. У нѣмцевъ затрещалъ пулеметъ. Громкое «ура» покрыло его, но черезъ минуту все стихло. Потомъ опять бѣшеный огонь пачками, и новое «ура». Проходитъ около часа.

Артиллеристъ переноситъ огонь куда-то вправо и вглубь, стрѣляя изъ одного орудія гранатой, изъ другого шрапнелью, Ружейная перестрѣлка, между тѣмъ, расползается по всему фронту.

— Кто звонилъ?

— Приказано оттянуть роты,—говоритъ капитанъ.— Начальство боится, что Малышъ зарвется...

— А онъ гдѣ?

— Гдѣ? Въ З—вѣ, конечно... Два пулемета взялъ.

— Такъ скоро?

— Ну-да... Только удерживать З—во не приказано. Это не атака,—демонстрація...

— А что же съ нимъ дѣлать?

— Сожжемъ...

— Да, ужъ оно и такъ горитъ...

— Окопы сломаемъ. Я уже Малышу сказалъ.

Дѣйствительно, скоро тонкая полоса огня обозначила линію только что взятыхъ окоповъ. Со свистомъ полетѣли нѣмецкіе чемоданы. Съ воемъ и трескомъ они рвались надъ З—вымъ.

— Теперь нѣмцамъ на цѣлый день хватитъ работы.

— А что?

— Да они думаютъ, что мы сѣли въ ихъ окопы, и теперь начнутъ засыпать ихъ снарядами.

Малышъ пришелъ на разсвѣтѣ. Съ нимъ вмѣстѣ вернулась и рота, участвовавшая въ усиленной развѣдкѣ. Повѣривъ людей, капитанъ заволновался. Всѣ раненые и убитые, которыхъ было немного, на счету у отдѣленныхъ и взводныхъ. Но, за всѣмъ этимъ не хватало двадцати трехъ человѣкъ. Изъ опроса солдатъ выяснилось, что многіе изъ нихъ, пройдя черезъ прорѣзанный въ проволокѣ проходъ, пошли влѣво и вправо, распространяясь по нѣмецкому окопу. Они же и зажигали въ немъ блиндажи и козырьки.

— Чортъ ихъ знаетъ, куда они дѣлись? Не въ плѣнъ же попали?!—волновался капитанъ.

Загадка разъяснилась днемъ, когда въ бинокль отчетливо обрисовались лежащими подъ проволокой впереди нѣмецкаго окопа фигуры кавказцевъ. Сколько ихъ тамъ лежало, сказать было трудно: они лежали группами и въ одиночку, но во всякомъ случаѣ ихъ было не меньше тридцати. Одинъ санитаръ вызвался охотникомъ проползти къ нимъ и узнать все.

Капитанъ разрѣшилъ. Выйдя изъ окопа норой, сквозь которую ночью выходятъ секреты, отъ осторожно поползъ къ «фрицамъ». Всѣ напряженно слѣдятъ за каждымъ его движеніемъ. Для маскировки, онъ снялъ съ себя даже повязку санитара съ краснымъ крестомъ. И теперь, извиваясь какъ червякъ, зорко вглядываясь во вражескіе окопы и влипая въ землю при каждомъ выстрѣлѣ; онъ поползъ.

Капитанъ приказалъ усилить цѣпь наблюдателей.

— Какъ только нѣмецъ высунется изъ окопа, жарь ему въ голову. Чтобы носа не смѣлъ показать!

Кавказцы насторожились. Санитаръ благополучно доползъ до проволоки, но у нея задержался. Очевидно, рѣзалъ нижнюю обвязку, чтобы пробраться внутрь, гдѣ онъ и смѣшался съ лежавшими подъ проволокой кавказцами.

День прошелъ сравнительно тихо. Но отъ нѣмцевъ, конечно, не укрылись фигуры русскихъ солдатъ, застрявшихъ въ проволокѣ. Они поняли, что русскіе не заняли сожженныхъ окоповъ, иначе они вытащили бы эти тѣла. И ими, очевидно, овладѣло желаніе подобрать ихъ: по формѣ, шифровкѣ погонъ такъ легко составляется представленіе о силѣ и качествѣ войскъ противника. Но кавказцы не дремали. Много нѣмцевъ поплатилось жизнью за попытку добраться до этой проволоки. Убѣдившись, что днемъ имъ не позволятъ это сдѣлать, они начали разстрѣливать полосу загражденій ружейнымъ огнемъ....

Вечеромъ, едва стемнѣло, впередъ была выслана рота. Ей было приказано продвинуться до проволоки и помочь залегшимъ въ ней солдатамъ выйти къ своимъ.

Снова затрещали ружья. Оказывается, нѣмцы предприняли то же самое. Но успѣхъ былъ нашъ. Скоро къ капитану потянулись дневные сидѣльцы.

— Когда мы пролѣзли черезъ проволоку,—говорилъ одинъ изъ нихъ,—мы пошли вправо по окопу. Встрѣтили троихъ «фрицевъ» и сразу ихъ прикололи. Потомъ стали все у нихъ портить, зажгли окопъ и хотѣли идти впередъ, но взводный велѣлъ отходить. Сунулись, а тутъ проволока. Мы пошли было по ней, да попали подъ нѣмецкій пулеметъ. Залегли. Глядимъ, мимо насъ нѣмцы идутъ—мы ихъ обстрѣляли. Двое упали, остальные убѣгли. Этихъ-то мы оглядѣли. Вотъ и погоны ихъ тутъ... Да пока возились, свѣтло стало. Мы, было, пошли, да они стрѣлять сильно начали. Тогда мы

легли и притворились, будто мертвые. А сами ползкомъ, ползкомъ да подъ проволоку. Заползли, а тамъ ужъ еще наши лежатъ. Потомъ три нѣмца къ намъ пришли. Согнувшись идутъ... Кто-то изъ насъ въ нихъ выстрѣлилъ—они и посыпались. Ну, тутъ они какъ начали по насъ стрѣлять... изъ пулеметовъ, изъ ружей... А еще артиллерія ихъ по окопу стрѣляла, такъ осколки такъ и воютъ надъ головой. Одного рядомъ со мной ранило. Перевязывать его сталъ. Только приподнялся, а они опять пулями давай сыпать. Ну, а ужъ какъ смерклось-то, мы и вылѣзли...

Такихъ вернувшихся было много. Когда ихъ сосчитали, капитанъ успокоился: ихъ было двадцать три.

— Славу Богу, всѣ теперь. Плѣнныхъ нѣтъ. За всю войну не было!—съ гордостью добавилъ онъ.—Я уже боялся, думалъ молодые подкачали...

Черезъ недѣлю съ кавказцами приходилось разставаться. Мнѣ нездоровилось, но не поѣхать къ нимъ было нельзя.

— Почему такой желтый? Лихорадку имѣешь?

— Да...

Капитанъ качаетъ головой.

— Кахетинскій хочешь? Отъ сорока одной болѣзни лечитъ, какъ рукой снимаетъ. Выпей—здоровъ будешь, еще выпьешь—кунакъ будешь... А самъ запѣваетъ неизмѣнное «Алла-верды». Остальные подхватываютъ.

Передъ вечеромъ собираюсь уѣзжать. Капитанскій денщикъ настойчиво ходитъ за мной, пока я прощаюсь со всѣми, съ широко распахнутой буркой.

По мнѣнію денщика, я долженъ ее надѣть.

— Простудишься,—уговариваетъ капитанъ и съ пѣной у рта, угрожая обидой, доказываетъ, что бурка моя.

Наконецъ мирюсь и выхожу на улицу. Другой кавказецъ подводитъ ишака и спрашиваетъ:

— Куда отвести?

— Кому?

— Тебѣ, ваше в-іе...

— Зачѣмъ?

Но въ дѣло снова вмѣшивается радушный капитанъ.

— Простудишься, на чемъ микстуру возить будешь? Ишакъ будетъ, ишакъ и повезетъ.

Приходится брать и ишака. На память о кунакѣ-капитанѣ, который всюду безподобенъ. Въ затишьѣ—это радушный хозяинъ, въ бою—герой. Не даромъ онъ уже третій мѣсяцъ не снимаетъ шнурованнаго сапога съ дважды перебитой ноги. Не даромъ его «волчокъ» залитъ золотомъ и украшенъ георгіевскимъ темлякомъ, а на груди у него—бѣленькій крестъ.

Богатырь.

Его знаетъ весь корпусъ, о немъ ходятъ легенды.

Это молодой полковникъ, академикъ, украшенный Георгіевскимъ оружіемъ, котораго онъ не снимаетъ ни на минуту, хотя, при постоянномъ житьѣ въ окопахъ, ничто такъ не стѣсняетъ движеній, какъ шашка.

Двѣ недѣли назадъ онъ получилъ полкъ. Второочередной, весь изъ запасныхъ, только-что пополненный послѣ большихъ потерь при отходѣ. Въ его внѣшности нѣтъ ничего героическаго. Высокій, сухой, съ угловатыми движеніями, онъ не производитъ того перваго впечатлѣнія, когда слово «молодецъ» невольно просится на уста. Въ его лицѣ есть даже что-то женственное. Мелкія, нѣжныя черты, блѣдность и удивительные глаза, какъ у барышни. Голубые, глубокіе, съ какой-то странной, затаенной грустью. Когда онъ говоритъ, эти глаза не смотрятъ, а свѣтятъ прямо въ лицо собесѣднику. Подъ такимъ взглядомъ даже не лгутъ.

Когда, въ разговорѣ, онъ случайно беретъ за золотой эфесъ своей шашки, какъ-то не вѣрится, что эта узкая, сухая рука, съ длинными, тонкими пальцами, принадлежитъ человѣку, уже болѣе года колеблющемуся между жизнью и смертью. Даже голосъ у него «не подходящій» для героя.

Мягкій и такой ласковый, что къ нему даже «не идетъ» та твердость, съ которой онъ приказываетъ.

Въ первый разъ мы встрѣтились, когда его полкъ, только-что пополненный новыми людьми, шелъ изъ резерва въ окопы. Со знаменемъ, хоромъ музыки, въ стройной, крѣпко сбитой колоннѣ.

— Куда вы?

— На позиціи. А что?

— Я думалъ, что у васъ ученіе...

Онъ только улыбнулся.

На другой же день, передъ вечеромъ, въ окопахъ загремѣла музыка. Нѣмцы, до сихъ поръ поддерживавшіе рѣдкій ружейный огонь, сразу затихли.

— Соображаютъ: почему это у русскихъ музыка,— смѣется полковникъ и тутъ же подходитъ къ телефону.

— Второй батальонъ? У васъ музыка, но это не значитъ, что можно ослаблять наблюденіе... Чтобы ни одна голова даромъ не показалась у нѣмцевъ. Слышите?

И тотчасъ же, надѣвъ шашку, полковникъ отправляется во второй батальонъ. Съ нимъ адъютантъ и еще три-четыре офицера полкового штаба. Да окоповъ близко, не болѣе тысячи шаговъ. Всѣ идутъ, минуя всякіе ходы сообщенія, «поверху». Нѣмцы открываютъ частый ружейный огонь. Пули свистятъ кругомъ.

— Видите,—обращается полковникъ къ адъютанту,—наблюденіе у насъ слабое. Развѣ можно такой огонь вести, не имѣя гдѣ нибудь открытаго наблюдателя? Наши зѣваютъ, навѣрное,—его надо бы снять и конецъ.

А самъ хладнокровно идетъ, какъ по улицѣ.

Доходитъ до окоповъ и двигается вдоль фронта.

Предложить ему сойти въ окопъ невозможно. Онъ спокойно отвѣтитъ:

— Мнѣ отсюда виднѣе.

И пойдетъ своей дорогой, не обращая вниманія на страш-

ный огонь нѣмцевъ, открытый нарочно по немъ. Иногда онъ останавливается и спрашиваетъ солдатъ:

— Ну, что, молодцы, музыку слышно хорошо?

— Такъ точно, ваше в-іе..

— Веселѣе съ музыкой-то?

— Такъ точно, ваше в-іе...

Поговоритъ немного и дальше.

— Чисто заговоренный ходитъ,—удивляются солдаты, съ суевѣрнымъ страхомъ глядя ему вслѣдъ.

— Сглазь, сглазь еще!..—огрызнется кто-нибудь изъ запасныхъ.

Но его и «глазъ» не беретъ...

На лѣвомъ флангѣ до нѣмцевъ всего двѣсти шаговъ.

Они сидятъ въ окопахъ, укрывши головы мѣшками и не показываются въ теченіе дня ни на минуту. Какъ будто, все вымерло. Полковнику это не даетъ покоя.

— Они, навѣрное, тамъ что-нибудь дѣлаютъ.

— Можетъ быть, ведутъ мину?—высказываетъ предположеніе кто-нибудь изъ офицеровъ.

— Можетъ быть. Надо на нихъ взглянуть.

И опять то же самое. Надѣваетъ шашку, «по верху» идетъ къ своимъ окопамъ и, остановившись позади нихъ, пристально смотритъ въ бинокль.

Страшно и какъ-то неловко стоять съ нимъ рядомъ. Если бы нѣмцы стрѣляли, кажется, было бы легче. Но они молчатъ.

— Просто тамъ никого нѣтъ,—говоритъ полковникъ.

— Какъ же такъ?

— Очень просто. Этотъ окопъ построенъ для занятія его ночью. Днемъ здѣсь только часовые. А ночью они выходятъ сюда и садятся на случай атаки. Сегодня мы это провѣримъ.

Поворачивается и идетъ обратно. Вдогонку летятъ нѣсколько пуль. Одна попадаетъ въ руку ординарцу.

— Ранило? Садись, перевяжу.

Спокойно беретъ индивидуальный пакетъ, разрываетъ оболочку, смазываетъ рану іодомъ, накладываетъ повязку.

— Живетъ. Иди къ доктору. Пошли дальше, господа?

Изъ штаба полученъ приказъ: захватить плѣнныхъ.

Проходятъ сутки, а плѣнныхъ нѣтъ. Въ штабѣ волнуются и запрашиваютъ полки о причинахъ. Полковникъ отвѣчаетъ, что дня черезъ два будутъ.

— Какъ же вы это сдѣлаете?—спрашиваю я,—нѣмцы такъ осторожны, что изъ-за проволоки не выходятъ.

— Хотите знать? Пойдемте вмѣстѣ ночью.

— Когда?

— Сегодня ночью, послѣ двѣнадцати.

— Хорошо.

Полковникъ меня ждалъ. Я не опоздалъ, пришелъ, когда двѣнадцати еще не было, но онъ уже былъ одѣтъ. Неизмѣнно съ шашкой и револьверомъ.

До своихъ окоповъ мы шли разговаривая.

— Теперь—молчать. Идти осторожно, за мной.

Всѣ вытянулись змѣйкой. Насъ восемнадцать человѣкъ: четыре офицера и четырнадцать солдатъ. Отъ своихъ окоповъ пошли вправо, потомъ круто свернули влѣво и пошли какимъ-то кустарникомъ. Прямо передъ нами рвутся нѣмецкія ракеты. Опять взяли вправо, вышли изъ кустовъ и залегли у ручья, бѣгущаго въ глубокой ложбинѣ. Ракеты остались гдѣ-то влѣво.

Тишина кругомъ мертвая. Жутко. Отъ легкаго холодка слегка размариваетъ истома. По тѣлу пробѣгаетъ дрожь, глаза немного слипаются.

Гдѣ-то совсѣмъ близко слышно шаги. Идетъ нѣсколько человѣкъ. Они говорятъ по-нѣмецки.

Мы затаили дыханіе.

— Кто тамъ?—слышенъ вопросъ по-нѣмецки же. Мы узнаемъ голосъ полковника.

— Здѣсь десятая рота?—въ свою очередь спрашиваетъ нѣмецъ.

— Ну да,—отвѣчаетъ полковникъ.

— Дай руку, я не вижу, куда идти,—продолжаетъ нѣмецъ.

— Иди прямо.

Всѣ насторожились. Но не успѣли мы вынуть револьверовъ, какъ черезъ насъ уже катилось нѣмецкое тѣло, сбитое съ ногъ ловкимъ ударомъ сухого кулака. Здѣсь солдаты подмяли его подъ себя. Нѣсколько бранныхъ словъ повисло въ воздухѣ.

— Зажми ему ротъ!

Около насъ разорвалась ракета. Просвистѣло нѣсколько пуль, но было поздно. Нѣмецкій патруль изъ пяти человѣкъ былъ уже въ нашихъ рукахъ.

Ожидается, что нѣмцы снимутъ часть своихъ силъ съ нашего фронта и бросятъ ихъ на сѣверъ, гдѣ они готовятъ рѣшительный ударъ. Приказано тревожить ихъ и тѣмъ удержать ихъ на мѣстѣ.

По всему фронту начинаются демонстративныя атаки. На небольшихъ участкахъ, узкимъ фронтомъ, онѣ въ упорствѣ не уступаютъ самому искреннему наступленію. Полковникъ ходитъ озабоченный.

— Что съ вами?

— Да, вотъ думаю, какую бы имъ еще мерзость устроить для большаго извода.

И придумалъ. Поздней ночью, вызвавъ по одному охот-

нику отъ роты, онъ вышелъ впередъ, за проволочную сѣть. Подойдя шаговъ на сто къ нѣмцамъ, онъ остановилъ людей.

— Рой ямы. Поглубже да поуже. Четыре ямы. Осторожнѣй рой!

Объ осторожности нечего и говорить. Кругомъ свѣтятъ ракеты, свистятъ пули. То и дѣло приходится припадать къ землѣ, чтобы не быть обнаруженнымъ. Наконецъ, ямы вырыты.

— Ну, теперь четверо садись внутрь.

Сѣли.

— Остальные давай имъ патроны, хлѣбъ, фляги съ чаемъ да закрывай ихъ сверху дерномъ. Готово? Теперь убирайтесь вонъ.

Передали все, что приказано и торопливымъ шагомъ уходятъ въ окопы.

— А вы —сидѣть здѣсь до завтрашней ночи, какъ разсвѣтетъ, смотри въ оба.—Чуть кто носъ высунетъ у нѣмца, сейчасъ же обстрѣляй. Да не одинъ, а всѣ четверо. Одинъ выстрѣлилъ, сейчасъ же другой, третій, четвертый. По пулѣ пустилъ и довольно. Поняли? Сиди съ Богомъ.

Цѣлый день полковникъ не уходилъ изъ окопа. Слѣдилъ за стрѣльбой своей засады.

— А, вѣдь, хорошо вышло: совсѣмъ не видно, откуда стрѣляютъ. Только очень присмотрѣвшись, найдешь въ полѣ четыре кочки.

Зато у нѣмцевъ, вѣроятно, было немало толковъ въ этотъ день.

Буквально, ни одному человѣку нельзя было высунуться даже на вершокъ. Сейчасъ же слышался трескъ, и неосторожный ландверманъ летѣлъ кувыркомъ. При такомъ напряженіи развѣ можно отвести резервы?

Общее наступленіе. Нѣмцы, очевидно, не ожидавшіе его, спохватились не сразу. Пѣхотныя цѣпи безъ выстрѣла подошли къ проволочной сѣти и уже начали рѣзать ее, когда они только открыли огонь. Въ то же время наша артиллерія открыла ураганный огонь по нѣмецкимъ резервамъ. Очевидно, имъ приходилось трудно. Уже нѣкоторые окопы были въ нашихъ рукахъ, когда обозначился обходъ нѣмцами нашего праваго фланга крупными силами.

Густыя, почти сомкнутыя цѣпи, одна за другой, идутъ безъ конца. Артиллерія громитъ ихъ, какъ можетъ, но они все лѣзутъ и лѣзутъ.

Въ резервѣ только одинъ полкъ. Онъ быстро развертывается и, пользуясь минутной остановкой головной цѣпи противника, бросается въ штыки. Съ головной ротой самъ командиръ полка. Но сегодня ему счастье измѣнило. Не успѣвъ дойти до врага, онъ падаетъ, раненый въ ногу. Кость перебита и подняться нѣтъ силъ.

— Въ плѣнъ не давай!—едва успѣваетъ крикнуть онъ своимъ людямъ.

Но они видѣли все и еще быстрѣе бросаются впередъ. Штыковая свалка длится нѣсколько минутъ. Брань, стоны, дикое рычанье и какое-то глубокое, сочное хлюпанье штыковъ въ человѣческомъ мясѣ... Нѣмцы отхлынули. Пулеметъ провожаетъ ихъ до окоповъ.

Раненаго командира выносятъ подъ убійственнымъ огнемъ.

Около самыхъ носилокъ рвется чемоданъ. Оба санитара падаютъ. Одинъ убитъ, другой раненъ. Полковника выбросило изъ носилокъ, тяжело перевернуло въ воздухѣ и ударило о землю. Безъ признаковъ сознанія, со слѣдами тяжелой контузіи, его принесли въ окопъ.

Полкъ продолжаетъ драться. Не всѣ видѣли, что командира вынесли, но всѣ уже знали, что онъ раненъ и упалъ «передъ самыми нѣмцами». Всѣ лѣзутъ и рвутся, чтобы освободить его, вынести. А около него суетится и хлопочетъ врачъ.

Къ ночи полковникъ очнулся.

— Какъ дѣла?

— Ваши не важно, а полка хороши.

— Обходъ отбили?

— Отбили.

— Ну, слава Богу,—говоритъ полковникъ и набожно крестится вспухшей отъ ушиба рукой...

— Да. Теперь спокойно можете ѣхать въ лазаретъ.

— Куда?

— Въ лазаретъ.

— Нѣтъ, не поѣду.

— У васъ же перебита кость.

— Все равно. Дѣлайте какія хотите повязки, но я останусь здѣсь.

И не поѣхалъ. Сидѣлъ въ глубокомъ креслѣ, лежалъ на походной кровати, съ задѣланной въ «шину» ногой, но полка не сдавалъ.

— *Свой* полкъ, какъ же его оставить? Тамъ я еще больше волноваться буду.

Жалѣлъ только объ одномъ, что не можетъ самъ обойти свои роты и поблагодарить за лихую атаку.

— Приходится ограничиться приказомъ... А развѣ на бумагѣ все скажешь?

Пещерный житель.

Когда бы вы ни поѣхали на лѣвый боевой участокъ корпуса, вы всегда его встрѣтите. Это небольшого роста, сухощавый офицеръ, родъ оружія котораго можно опредѣлить, только пристально присмотрѣвшись къ его погонамъ. Исковерканные и скрученные дождемъ, они давно утратили всѣ признаки когда-то серебрянаго галуна. Только облѣзлый, позеленѣвшій отъ удушливыхъ газовъ значекъ надъ одной звѣздочкой говоритъ всѣмъ, что это саперный прапорщикъ.

Всегда озабоченный, со взъерошенными волосами, испачканный всѣми «грунтами», которые встрѣчаются на его участкѣ позиціи, онъ производитъ съ перваго раза странное впечатлѣніе даже здѣсь, на войнѣ.

Пѣхотные товарищи давно прозвали его пещернымъ жителемъ, хотя въ глаза и зовутъ его просто по имени: Саша.

По профессіи онъ инженеръ-путеецъ, служитъ въ Москвѣ. Строитъ на рѣкѣ мосты, бережетъ плотины, наблюдаетъ за сплавомъ и судоходствомъ. Въ началѣ войны ему предложили отправиться въ дѣйствующую армію въ роли путейца.

— Будете строить тыловыя дороги, временные мосты.

Но Саша, не задумываясь, отказался.

Въ батальонѣ работа кипѣла круглыя сутки. Черезъ нѣсколько дней надо было выступать въ походъ. Въ это время прибылъ Саша. Безукоризненно одѣтый, корректный и очень сдержанный въ обращеніи, онъ не понравился прежде всего своимъ товарищамъ-прапорщикамъ.

— Точно на парадъ пріѣхалъ,—хоромъ осуждали его. И въ этомъ хорѣ онъ потонулъ.

Никогда и ни на что не напрашиваясь, онъ дѣлалъ только то, что ему опредѣленно и ясно приказывали. Въ собраніи, по этому поводу, молодежь, не стѣсняясь, говорила про него:

— Ничего не дѣлаетъ...

— Ловчится...

Въ результатѣ его назначили не въ роту, а въ паркъ.

Но Саша и здѣсь оставался равнодушнымъ.

Передъ самымъ выступленіемъ прибылъ еще одинъ офицеръ-подпоручикъ. Ему, какъ старшему, приказали принять паркъ, а Сашу отправили въ роту младшимъ офицеромъ.

Поручаю ему укладку обоза.

На другой же день фельдфебель высказываетъ свои опасенія:

— Какъ бы съ обозомъ намъ не зашиться.

— А что?

— Да все планочки, да бруски покеды стругаютъ, а укладки, настояще, еще не видать.

Иду въ обозъ. На казарменномъ дворѣ человѣкъ двадцать саперъ тонутъ въ ворохахъ деревянной стружки. Между ними Саша. Растрепанный, съ разстегнутымъ воротникомъ, изъ кармана торчитъ размотавшаяся рулетка.

— Какъ дѣла?

— Завтра вечеромъ приходите. Все будетъ готово.

И, дѣйствительно, было готово.

Благодаря «планочкамъ» и «брускамъ», каждый рубанокъ, каждый гвоздь лежалъ въ двуколкѣ такъ, что ни-

какая сила его не вытряхнетъ съ мѣста. Все было продумано, взвѣшено, пригнано.

Саша скромно стоитъ въ сторонѣ и конфузливо жмется въ отвѣтъ на благодарность.

Въ вагонѣ онъ притихъ окончательно. Даже не принимаетъ участія въ общемъ разговорѣ о близкой встрѣчѣ съ противникомъ, о томъ, какое впечатлѣніе произведетъ огонь. Сидитъ среди общаго шума, задумчивый и смотритъ въ окно.

— Какъ сычъ на колокольнѣ,—опять исподтишка смѣются надъ нимъ другіе.

На каждой остановкѣ незамѣтно исчезаетъ.

Прибѣгаетъ въ вагонъ запыхавшійся, когда поѣздъ уже трогается.

— Гдѣ вы были?

— Такъ... смотрѣлъ... интересно...

Какая-то почти дѣтская застѣнчивость сквозитъ въ этомъ тридцатилѣтнемъ мужчинѣ.

Ночью, на питательномъ пунктѣ, иду принимать продукты. Поѣздъ стоитъ два часа. Возвращаясь, въ темнотѣ сбился съ тропы и въ массѣ поѣздовъ не могу найти своего.

Вдругъ натыкаюсь на Сашу.

— Вы куда?

— Да такъ хожу...

— Гдѣ нашъ поѣздъ?

— Вотъ... Нашъ вагонъ четвертый отсюда.

— Что вы здѣсь дѣлаете?

— Провѣрялъ дневальныхъ на платформѣ, двуколки... Пока все въ порядкѣ.

— Этимъ вы и занимаетесь на каждой станціи?

— Такъ точно...

Сегодня въ ночь нашъ первый переходъ. Сдѣлавъ его, попадаемъ въ бой. Это мы знаемъ навѣрное. Рота идетъ хорошо. Разговоровъ въ строю не слышно. Только тихій, сдержанный шопотъ. Офицеры тоже молчатъ.

Вдали уже видно красное зарево огня, отчетливо слышна орудійная канонада. До позиціи какихъ-нибудь семь-восемь верстъ. Все чаще и чаще попадаются санитарныя повозки. Лица у всѣхъ дѣлаются серьезнѣе... Оставили обозъ и идемъ одни... Надъ головой съ визгомъ летитъ чемоданъ, другой... потомъ цѣлая очередь сразу. Залегли. Лежа, оборачиваюсь—около меня стоитъ Саша.

Лицо возбужденное, глаза лихорадочно блестятъ, на губахъ улыбка,—не то сарказмъ, не то онъ радъ чему-то.

— Красиво...

— Ложитесь, вы... Кругомъ осколки... Слышите, воютъ?

— Я про то и говорю... Я не думалъ, чтобы это было такъ...

— Встать!

Люди, озираясь, подпимаются... Потомъ двигаемся дальше...

— Неужели вамъ, Саша, не страшно?

— Очень страшно.

— Отчего же вы не легли?

— Не успѣлъ.

— Какъ не успѣли?

— Все равно... Вѣдь, когда слышишь звукъ—всѣ осколки уже давно пролетѣли...

Объѣзжая позицію, попадаю на Сашинъ участокъ въ разгаръ ружейной перестрѣлки.

— Какъ у васъ работа идетъ?

— Хорошо... Солдаты молодцы! Ничего не боятся!

Здѣсь до нѣмцевъ сто шаговъ, не больше, а вчера они забивали колья...

— Обстрѣливали сильно?

— Очень. Какъ ихъ не подшибло, не могу понять...

А взводный на тотъ же вопросъ отвѣчаетъ иначе:

— Ваше в—іе, хоть бы вы ихъ благородію приказали...

— Что такое?

— Никакъ не берегутся... Вчера пошли мы проволоку дѣлать. Только вышли изъ окопа, а нѣмцы такъ и поливаютъ... кругомъ свиститъ... мы ужъ и то лежа работали, а они ходятъ по верху, хоть бы разъ присѣли за всю ночь... Только трубку курятъ... А безъ нихъ что же... безъ нихъ мы здѣсь совсѣмъ пропадемъ... На нихъ и пѣхотные-то офицера удивляются...

Рѣшаю съ нимъ поговорить...

— Саша, я вами недоволенъ...

— Что такое?

— Нельзя безцѣльно собой рисковать.

— Это замѣчаніе или разговоръ?

— И то, и другое.

— Оставимъ это... Вы мнѣ лучше проволоки и мѣшковъ побольше пришлите.

— Для какой роты?

— Для восьмой, двѣнадцатой и пятой...

— Пойдемъ въ окопъ, посмотримъ. Можетъ быть, можно еще что-нибудь сдѣлать.

— Сейчасъ?

— Ну, да.

— Нѣтъ, сейчасъ я съ вами не пойду.

— Почему, Саша?

— Вамъ тамъ нечего дѣлать...

— Какъ нечего?

— Все равно ничего не увидите... Слышите, какая тамъ трескотня. Вамъ въ нее нечего и соваться...

Смотрю на него, а онъ улыбается,—радъ, что отплатилъ мнѣ той же монетой.

На работы надо ѣздить за три версты. У Саши прекрасная верховая лошадь, и этотъ переходъ занимаетъ нѣсколько минутъ, но ему жалко и ихъ.

— Вы мнѣ позвольте переѣхать поближе... Я себѣ нашелъ квартиру...

— Гдѣ?

— Около батальоннаго резерва. Знаменитая квартира!

На другой же день ѣду къ нему—«на новоселье». Никакой квартиры, конечно, найти не могу. Наконецъ встрѣчаю Сашинаго денщика.

— Гдѣ баринъ?

— Они дома...

— Да, домъ-то вашъ гдѣ?

— Въ сараѣ...

Дѣйствительно, Саша расположился здѣсь. Огромный сарай, сквозь крышу котораго свѣтится синее небо, раздѣлили жердевой перегородкой пополамъ. Налѣво стоитъ Сашина лошадь. Направо, на кипахъ соломы, спитъ Саша, его денщикъ и конюхъ. Вповалку, бокъ-о бокъ.

Увидѣвъ меня, Саша конфузится.

— Какъ живете?—смѣюсь я.

— Знаменито! Воздухъ здѣсь... хорошо... Главное—близко.

Новоселье, конечно, оказалось непрочнымъ. Дня черезъ три, возвратившись изъ окоповъ, Саша вмѣсто «квартиры» нашелъ кучу обгорѣлыхъ обломковъ.

— Что же дѣлать, бываетъ...

Саша долго не горюетъ.

— Теперь у меня такая квартира, которой никакой нѣмецъ не пробьетъ.

— Почему?

— Въ глубину до центра земли, кверху до неба.

Ѣдемъ смотрѣть это чудо.

Жиденькій блиндажъ наполовину врытъ въ землю. Отъ окопа къ нему идетъ мелкій ходъ сообщенія, и совершенно прямой.

— Какъ же вамъ не стыдно? Какой плохой блиндажъ сдѣлали!.. Пѣхота посмотритъ и подумаетъ, что такъ и надо. А ходъ ужъ совсѣмъ ни на что не похожъ!..

— Ихъ мы учимъ какъ слѣдуетъ... А этотъ улучшать пока не стоитъ...

— Почему?

— А видите, вонъ тамъ сарай стоитъ?..

— Ну?..

— На чердакѣ нѣмецъ сидитъ и стрѣляетъ во всякаго, кто по этому ходу ползаетъ. Двоихъ подранило.

— Зачѣмъ же вы здѣсь живете, кто васъ неволитъ?

— Близко, хорошо... А того нѣмца я просилъ «снять»... Обѣщали убрать вечеромъ...

Въ этомъ «особнякѣ» Саша жилъ до тѣхъ поръ, пока я его не перевелъ на другой участокъ, о чемъ онъ очень жалѣлъ.

— Такъ привыкъ. Уютно было...

А кругомъ, шагахъ въ двадцати, кромѣ торфяныхъ болотъ, ничего.

— Саша, хотите въ городъ съѣздить?

— Пускаютъ?

— Да. На день, на два...

— Нѣтъ, не поѣду.

— Что же? Отдохнули бы...

— Я не усталъ.

А самъ зеленый, глаза въ синякахъ, блестятъ, какъ у лихорадочнаго, и кашляетъ.

— Съѣздите, вамъ говорятъ...

— Нѣтъ, не хочу. Куда я въ такомъ видѣ...

— Это въ П—скъ-то?

— Развѣ не городъ?

— Да, вѣдь тамъ, кромѣ солдатъ, на улицѣ почти никого и нѣтъ.

— Солдатъ и здѣсь хватитъ...

Такъ и не поѣхалъ.

— Саша, а въ Москву вы поѣхали бы?

— Нѣтъ.

— Отчего? У васъ же тамъ родные?..

— Такъ что же? Скучно. Здѣсь лучше... А тамъ, воображаю, эти тыловые разговоры, въ кинематографѣ война, въ театрѣ война... А сами о войнѣ такое же понятіе имѣютъ, какъ я о Чукотскомъ носѣ.

— Не хотите, значитъ?

— Нѣтъ.

— Просто боится... Развѣ его можно въ Москву пускать? Онъ сейчасъ же начнетъ орудовать: Страстной монастырь приспособитъ къ оборонѣ, подъ Ивана Великаго мину подведетъ, на бульварахъ окопы разбивать будетъ...

Но Саша неуязвимъ. Онъ лежитъ на своей койкѣ, коекакъ передѣланной изъ санитарныхъ носилокъ, и высчитываетъ, черезъ сколько дней онъ взорветъ горнъ подъ нѣмецкимъ опорнымъ пунктомъ.

„Дяденька".

У халупы, занятой батальоннымъ командиромъ, идетъ разборка трофеевъ. Нѣмецкія каски, ружья, карабины, подсумки съ патронами, пулеметныя ленты... Все это набросано въ безпорядкѣ огромной кучей, около которой суетятся, мѣшая другъ другу, нѣсколько молодыхъ солдатъ.

Имъ, видимо, доставляетъ удовольствіе рыться въ этомъ добрѣ. Вытащитъ винтовку и обязательно осмотритъ ее со всѣхъ сторонъ: какой прицѣлъ, какая ложа.

— Ну, и штыкъ, бодай его...

— Запуститъ, такъ не очухаешься.

— А затворъ какой чудной!

— Не какъ нашъ...

— Н-да... Дяденька, какъ она отворяется-то?—неожиданно обращается молодой къ батальонному. Тотъ даже сразу не понялъ, что этотъ вопросъ относится къ нему.

— Чего?

— Какъ, говорю, отворяется-то?

— Да ты съ кѣмъ говоришь?

— Виноватъ, ваше в-іе, запамятовалъ вовсе...

Молодой краснѣетъ до ушей, и безпомощно опускаетъ винтовку.

— Дай сюда... Видѣлъ?

— Такъ точно.

— Ну, вотъ такъ и отворяется.

Батальонный ушелъ и солдаты расхохотались.

— Ай да вятскій... Чего отмочилъ!

— Батальоннаго-то дяденькой!

— Ишь племянникъ какой нашелся!

— Вятскій народъ хватскій...

— Семеро одного не боятся...

— А какъ два напрутъ—вразъ убѣгутъ.

Вятичъ подавленъ.

Но за батальоннымъ уже утвердилось прозвище «дяденька». Иначе съ тѣхъ поръ его и не зовутъ. Офицеры—въ глаза, а солдаты между собой, въ безконечныхъ разговорахъ у постоянно кипящаго чайника.

У «дяденьки» есть другъ, съ которымъ онъ никогда не разстается. Это маленькая черная собачка въ бѣленькихъ ножкахъ. Ничего особеннаго въ ней нѣтъ, но «дяденька» бережетъ ее пуще глаза.

— Что ты въ ней нашелъ?

— Во-первыхъ, не въ ней, а въ немъ. Это уже плюсъ. А во-вторыхъ, Жукъ кобель боевой. Онъ со мной всю кампанію сдѣлалъ. Былъ въ Ангербургѣ, въ Гольдапѣ, Сольдау... Подъ Радзановомъ и Бѣжунью мы съ нимъ воевали... Знаменитый песъ, что и говорить. Жукъ!

Собачка виляетъ хвостомъ.

— Слушай, на-краулъ!

Жукъ становится на заднія лапы и умильно вытягиваетъ длинную мордочку.

— Равненіе направо!

Жукъ поворачиваетъ мордочку направо.

— Ѣшь глазами начальство!

Жукъ медленно поворачиваетъ морду влѣво и, доведя ее «до отказа», застываетъ.

— Видалъ? Чѣмъ не ефрейторъ? Вольно, Жукъ, вольно. Эй, хлопцы, кто-нибудь Жучку сахару, за службу!

Жукъ свертывается комочкомъ въ сторонѣ и только изрѣдка; полуоткрытымъ глазомъ, влюбленно поглядываетъ на хозяина, пока онъ отдаетъ приказанія ротнымъ командирамъ.

Нѣмцы почему-то сразу открыли огонь. Шрапнель рвется позади окоповъ, обсыпая деревню, въ которой укрытъ резервъ.

— Что они—взбѣсились, что ли?

— Чортъ ихъ знаетъ. Вѣроятно, смѣнилась батарея... Пристрѣливается.

— Какой чортъ—видишь, какъ жаритъ? Все небо загадили.

— Можетъ быть, аэропланъ?..

— Не видно.

— Такъ точно, ваше в—іе, летитъ... Только онъ ихній...

— Гдѣ?

— Вонъ, надъ кучерявымъ облачкомъ. Шуму-то за пальбой не слыхать, его и трудно найти. Я-то вижу явственно... Вонъ онъ летитъ...

Грязный палецъ вертится у самаго носа, показывая въ небо. Наконецъ нашли.

— А они-то все жарятъ?!

— Пусть. Что тебѣ жалко?

— Чудно больно, ваше в—іе... А Жукъ-то, ваше в—іе, гдѣ?

— Жукъ! Жукъ!

Но Жукъ уже летитъ, сломя голову, навстрѣчу.

— Жукъ! Не видишь, кто идетъ?—строго окликаетъ его фельдфебель.—Во фронтъ батальонному становись!

Жукъ поворачивается бокомъ, становится на заднія лапы и «ѣстъ глазами» хозяина.

— Удивительная собака,—восхищается «дяденька».—И, знаешь, у меня примѣта. Пока Жукъ у меня, я буду цѣлъ.

— Что за глупости! При чемъ тутъ...

— Сколько разъ такъ было... Одинъ разъ во время нѣмецкой атаки пошелъ я въ окопъ. Жукъ просился со мной, а я его не взялъ. Ночь была. Темно. Думаю, потеряется гдѣ-нибудь, пропадетъ. Только дошелъ до десятой роты—она тогда на лѣвомъ флангѣ стояла—стрѣльба поднялась такая, что идти невозможно. Только подумалъ объ этомъ, какъ чувствую, что рука стала тяжелая-тяжелая... Два мѣсяца возился съ этой раной, въ лазаретѣ лежалъ. Кость была задѣта...

— А Жукъ гдѣ же былъ?

— Со мной ѣздилъ. Въ лазаретѣ на кухнѣ жилъ.

Нѣмецкая пальба—безсистемная, но очень сильная, выводитъ всѣхъ изъ терпѣнія.

— Дать бы имъ трепку хорошую, чтобы угомонились.

Поэтому, когда пришелъ приказъ объ атакѣ, всѣ его встрѣтили съ облегченіемъ.

— Хоть не зря пальбу подымутъ,—говорятъ стрѣлки, запорошенные окопной пылью.

— Здѣсь-то сидючи, мхомъ обростешь.

Атака назначена на разсвѣтѣ.

Начать ее долженъ «дяденька». Весь вечеръ онъ хлопочетъ и не отходитъ отъ телефона.

— Десятая? Люди спятъ? Хорошо. Сало выдано? Хорошо.

— Одиннадцатая? У васъ какъ дѣла? Кухня пріѣзжала? Пусть люди напьются чаю, да ложатся. Одно отдѣ-

леніе только оставьте дежурной частью... Поняли? Пусть всѣ отдохнутъ.

— У васъ что? Почему не спятъ? Не хотятъ спать? Вздоръ какой! Что вамъ пятки чесать прикажете? Чтобы черезъ полчаса всѣ спали. Слышите вы, мальчуганъ?

— Кого это ты?

«Дяденька» сердится.

— Двѣнадцатая рота! Вѣчно фокусы у этого прапорщика.

— Молодъ...

— Ну, да, молоко не обсохло, а тоже... Сказано спать, такъ и спать... Нагуляешься еще въ атакѣ-то.

— А самъ отчего не ложишься?

— Некогда. Телефонистъ, дай трубку.

— Куда еще звонить собираешься?

— На тяжелую... Командира дивизіона. Что? Леонтій Ефимовичъ? Здравствуйте... Вы въ два часа открываете огонь... Вѣрно? Хорошо... Такъ я васъ хотѣлъ просить поддерживать только фланги наступленія... А на фронтѣ я пройду тихонько... самъ. Что? Трудно? Ничего... Зато скорѣе.

Утро будетъ отличное. Разсвѣтъ ясный. Росы было мало. Съ «тяжелаго» наблюдательнаго пункта отлично видно все, что дѣлается на фронтѣ.

Гаубичныя батареи стрѣляютъ довольно рѣдкимъ огнемъ по нѣмецкимъ резервамъ. Въ отместку нѣмцы сосредоточиваютъ огонь на нашихъ окопахъ.

Картина нашего огня сразу мѣняется. Дальнобойная батарея, до сихъ поръ молчавшая, начинаетъ буквально засыпать бомбами ближайшій тылъ нѣмецкой позиціи. Двѣ гаубичныя батареи переносятъ огонь на окопы, установивъ связь съ легкими батареями.

— Видѣли—комбинированная стрѣльба!..

— Благодарю васъ за такую комбинацію!

У нѣмцевъ происходитъ что-то страшное. Длинными полосами поднимаются столбы взрытой земли, а въ воздухѣ надъ ними рѣютъ бѣлые клубки разрывовъ шрапнели. И тяжелая, и легкая батареи стрѣляютъ по одной цѣли.

Дяденькины роты вышли изъ окоповъ на разсвѣтѣ и залегли впереди своей проволочной сѣти. Ждутъ, пока у нѣмцевъ начнется смятеніе... Оно уже близко. Какъ онъ просилъ вчера, тяжелая батарея громитъ все вправо и влѣво отъ его участка. А здѣсь—ни одного снаряда.

Наконецъ, артиллерійскій наблюдатель передаетъ, что нѣмцы стягиваются вправо.

— Девятая рота готова? Справа взводами... съ Богомъ!

Всѣ батареи обрушиваются на то мѣсто, куда стягиваются нѣмцы.

— Одиннадцатая впередъ...

— Двѣнадцатой равняться по девятой... Съ Богомъ!

Въ началѣ все это видно. Но потомъ картина блекнетъ. Все мелькаетъ, какъ въ калейдоскопѣ, кругомъ гулъ, трескъ и клубы разноцвѣтнаго дыма. Гдѣ-то въ тылу у нѣмцевъ загорѣлась деревня.

Слышно «ура».

Не такое, какъ всегда—сначала тихо, потомъ разростаясь, все громче и громче,—а какъ-то сразу—громкое, оглушительное и, какъ будто, хриплое... Сквозь этотъ крикъ гдѣ-то коротко брызнулъ пулеметъ, но и онъ потонулъ въ густыхъ перекатахъ этого страшнаго крика.

— Смотрите, смотрите—сумасшедшій!

— Кто?

— Да «дяденька» вашъ.

— А что?

Смотрю въ трубу и не вѣрю глазамъ...

Отчетливо видно, какъ бѣжитъ наша цѣпь... Многіе падаютъ, кое-кто снова встаетъ и бѣжитъ впередъ, кое-

кто тянется назадъ... Раненые... За цѣпью поддержки, а за ними десятая рота—резервъ и при ней «дяденька»—верхомъ.

— Спятилъ человѣкъ... Въ атаку верхомъ...

— Всѣ на шрапнель!—увлекаясь, кричитъ по телефону начальникъ артиллерійскаго участка.

— А что?

— Нѣмцы уходятъ...

На прежней позиціи развернутъ перевязочный пунктъ. Сюда, на флагъ Краснаго Креста, и ползутъ раненые осколками, пулями, штыками.

— Какой роты?

— Десятой...

— Батальонный съ вами былъ?

— Съ нами...

— Гдѣ онъ сейчасъ?

— Тамъ... впереди...

— Живъ?

— Слава Богу... Какъ и уцѣлѣлъ, не знаю... Все время, какъ изъ окоповъ вышли, верхомъ такъ и ѣхалъ при нашей ротѣ, и Жукъ около.

— Легко взяли?—спрашиваетъ санитаръ, принимаясь за перевязку.

— Позицію-то? Ничего... Нешто съ такимъ трудно? Онъ и одинъ хоть что хошь возьметъ...

Старый гусаръ.

Въ первый разъ я съ нимъ встрѣтился при совершенно мирной обстановкѣ. На фронтѣ было такъ тихо, что, при укрѣпленіи позиціи, мы имѣли возможность не только безпрепятственно производить какія угодно работы, но даже заготовка матеріаловъ была обставлена такъ, какъ будто дѣло шло о постройкѣ учебнаго городка, а не боевой позиціи, занятой войсками, всего въ нѣсколькихъ сотняхъ шаговъ отъ непріятеля.

Событія въ то время разыгрывались далеко отъ насъ, на югѣ, и потому на нашемъ участкѣ не было видно ни одного непріятельскаго пѣхотинца. Всюду, гдѣ только ни показывался врагъ, виднѣлись сѣрыя, мятыя шапки австрійскихъ драгунъ и уланъ. Нѣчто подобное было и у насъ. Гусары, съ лопатами въ рукахъ, цѣлыми эскадронами ходили на рытье окоповъ, казаки строили блиндажи и заготовляли лѣсные матеріалы; черезъ недѣлю они уходили въ окопы, сдавая свои работы драгунамъ и уланамъ, въ свою очередь, отходившимъ въ резервъ.

Работы приходили къ концу, и мы принялись за подсчеты. Надо было точно установить размѣры порубокъ, потравъ, число разобранныхъ зданій; все это отнимало массу времени, такъ какъ на мѣстѣ приходилось сталки-

ваться съ множествомъ владѣльцевъ, имѣвшихъ право на возмѣщеніе убытковъ, и нужно было свести всѣ отчеты такъ, чтобы сумма ихъ претензій, заявленныхъ по владѣніямъ, точно сходилась съ суммой свѣдѣній о порубкахъ и прочемъ, составленныхъ по боевымъ участкамъ. Это вызывало невѣроятную кропотливость въ обмѣрахъ, споры и недоразумѣнія, но, разъ противникъ не нарушалъ нашего спокойствія, нужно было продѣлать всю эту процедуру, такъ какъ иначе во вѣкъ не развяжешься съ контролемъ.

Въ результатѣ—цѣлые дни уходили на объѣздъ линіи работъ, съ контролерами, казначеями, понятыми и «заинтересованными лицами», писались вороха табелей, вѣдомостей, раздаточныхъ списковъ и рапортовъ. Словомъ, на время отошли совершенно отъ боевой работы и погрузились въ область вздоховъ, мелкихъ плутней, кляузъ и горя, причиненнаго войной тѣмъ, чьи дома и усадьбы имѣли несчастье оказаться въ роли тактическихъ ключей.

Особенно много хлопотъ доставила намъ помѣщичья усадьба въ Малыхъ Бродахъ. У ея владѣлицы начисто свели сосновый лѣсъ и теперь приходилось отсчитывать «свои» пеньки, среди сотенъ срубленныхъ до насъ, разбираясь въ зарубкахъ и клеймахъ.

Покончивъ съ этимъ, пріѣзжаемъ въ усадьбу. Она расположена среди стариннаго парка, занявшаго широкую равнину между отрогами невысокой холмистой гряды, опоясавшими ее съ трехъ сторонъ; съ четвертой протекаетъ рѣка—узкая, мелкая, но сильно вздувающаяся послѣ дождей и затопляющая великолѣпный лугъ. Черезъ рѣку перекинутъ каменный мостъ старинной кладки изъ дикаря, съ арками и сводами, облицованными тесаннымъ камнемъ. На правомъ берегу—помѣщичье поле, на лѣвомъ—усадьба. Прямо отъ моста начинается аллея. Даже въ самый знойный день здѣсь прохладно; до того густы и вѣт-

висты столѣтнія липы, сквозь листву которыхъ солнечный свѣтъ едва пробивается на дорогу, ложась мелкими пятнами, дрожащими при малѣйшемъ движеніи воздуха. Эта листва настолько густа, что въ аллеѣ, даже въ полдень, почти темно и, въѣзжая въ нее, еле различаешь въ концѣ радушно распахнутыя настежь ворота, въ видѣ арки, украшенной польскими орлами. Когда-то усадьба принадлежала Лещинскимъ, и эти орлы память о нихъ; такъ, по крайней мѣрѣ, объясняли ихъ происхожденіе владѣльцы, гордясь тѣмъ, что «зъ тего маіонтка, маютъ видокъ на тши губерніи заразъ» [1]); границы этихъ трехъ губерній расходятся радіусами сразу же за усадьбой.

Подъѣзжая къ господскому дому, сплошь, до самой крыши, завитому розами самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ, мы услышали музыку. Кто-то игралъ на роялѣ. И, какъ это ни странно здѣсь, въ самомъ сердцѣ Польши, гдѣ на насъ смотрятъ столько же съ надеждой, какъ и съ удивленіемъ—игралъ русскія пѣсни.

Послѣ длинной и очень скучной провѣрки счетовъ, когда все было приведено въ совершенную ясность и деньги за лѣсъ были уплачены, молодой хозяинъ усадьбы пригласилъ насъ къ чаю.

Въ гостиной единственнымъ нарушеніемъ строгой старины краснаго дерева, бронзы, vieux sax и чопорныхъ «робъ» и кафтановъ на портретахъ, былъ новый рояль.

У него сидѣлъ гусарскій офицеръ, лѣниво и безсвязно перебирая отдѣльныя клавиши. Маленькаго роста, сухой, совершенно сѣдой, съ поблекшими голубыми глазами и темнымъ, отъ загара, морщинистымъ лицомъ, онъ менѣе

---

[1]) Изъ этого имѣнія видны сразу три губерніи.

всего походилъ на штабъ-ротмистра, какимъ онъ былъ, судя по погонамъ.

Возлѣ рояля въ глубокомъ креслѣ сидѣла красивая, стройная женщина, лѣтъ сорока.

— Моя тетя,—съ легкимъ поклономъ, замѣтилъ хозяинъ.

Ея лицо—тонкое, длинное, съ голубыми глазами, немного непропорціональнымъ, но красивымъ носомъ, маленькимъ красиво очерченнымъ ртомъ, ея свѣтлые волосы—все выдавало въ ней истинную польку, гордую чистотой своей крови и, въ сущности, являющуюся удивительной смѣсью французскаго задора, нѣмецкой дѣловитости и славянской чувствительности.

— Кончили?—спросилъ насъ штабъ-ротмистръ, вставая съ круглаго, вертящагося стула и слегка дрожащей походкой переходя къ креслу возлѣ хозяйки.

— Кончили. Вамъ только нужно нѣкоторые акты подписать.

— Развѣ ротмистръ тоже оцѣнщикъ?—поинтересовалась хозяйка.

— Какъ же... Мои люди здѣсь работали.

— Какъ ваши люди?—удивился я, не допуская мысли, чтобы этотъ старикъ чѣмъ-нибудь командовалъ.

— Ну да,—возразилъ онъ,—люди нашего четвертаго эскадрона.

— Вы имъ командуете?

— Что вы, батюшка? Гдѣ же это штабъ-ротмистры командуютъ? Я взводомъ командую... Это только послѣ Ески-Загры...

И, среди общаго нашего изумленія, старикъ, все болѣе и болѣе оживляясь, сталъ разсказывать о томъ, какъ онъ, въ чинѣ поручика, участвовалъ въ Русско-турецкой войнѣ, какъ въ бою подъ Ески-Загрой въ его эскадронѣ, во время конной атаки, былъ убитъ эскадронный командиръ и ему пришлось его замѣнить.

— За это меня тогда же произвели въ штабъ-ротмистры, на годъ раньше, чѣмъ моихъ товарищей... И съ тѣхъ поръ я тридцать семь лѣтъ состою штабъ-ротмистромъ и не снимаю своего гусарскаго мундира... Мои товарищи шли въ генеральный штабъ, теперь они командуютъ арміями и корпусами, но зато они бывали и драгунами, и уланами, и по пѣхотѣ, а я вышелъ въ отставку и до сихъ поръ гусаръ, вѣчный гусаръ и даже съ ментикомъ, котораго нашему полку и теперь еще не вернули; а я его носилъ все время-съ, да-съ!.. Уника-съ, батюшка, а не штабъ-ротмистръ. Еле на войну выбрался, брать не хотѣли... Говорятъ, что старъ...

— Вы еще не видѣли ротмистра,—замѣтила хозяйка,—онъ танцуетъ, навѣрное, не хуже васъ.

— Я совсѣмъ не танцую.

— Вотъ, видите ли... а я и теперь мазурку танцую... Проше пане сядать,—съ церемоннымъ поклономъ указывая на стулъ у рояля, обратился штабъ-ротмистръ къ хозяину. Тотъ улыбнулся, но сѣлъ и заигралъ.

Штабъ-ротмистръ, такъ же церемонно, какъ въ вѣкъ второй молодости нашихъ дѣдовъ и бабокъ, поклонился красивой хозяйкѣ и ей ничего не оставалось больше, какъ согласиться...

О войнѣ не могло быть и мысли. Эта странная пара,—старый гусаръ и прирожденная польская аристократка, танцующіе мазурку въ обстановкѣ, переносящей васъ по крайней мѣрѣ лѣтъ на сто назадъ, говорила скорѣе о сказкѣ, о вымыслѣ, чѣмъ о такой прихотливой и причудливой были, какою, въ дѣйствительности, мы всегда видимъ жизнь.

Сказочность, красота старины была не только въ обстановкѣ, но и въ самомъ танцѣ. Теперь ни одинъ мазуристъ не сумѣлъ бы такъ граціозно выразить въ пластикѣ салоннаго танца того изумительнаго культа «своей дамы», который царилъ въ золотой вѣкъ Польши, около

ея трона. Въ немъ—вся исторія польской женщины, которая съ рыцарскихъ временъ и до нашихъ дней продолжаетъ неоспоримо жить въ сознаніи всѣхъ, не иначе, какъ съ титуломъ «пани», оставаясь женщиной на всѣхъ ступеняхъ своего положенія и во всѣхъ слояхъ самаго пестраго польскаго общества...

Уѣзжали мы изъ усадьбы подъ вечеръ. Къ невысокому крыльцу, съ строгими колоннами, подали лошадей.

Лошадь штабъ-ротмистра, высокая, стройная, стояла, какъ вкопанная. Но, глядя на ея крутую шею, собранную мундштукомъ, на ея огромный, «кирасирскій» ростъ, я, признаться, подумалъ, какъ-то онъ, при своемъ маленькомъ ростѣ, сядетъ на нее?

Подойдя къ коню, штабъ-ротмистръ долго разбираетъ поводья, что-то брюзжитъ про себя, и тутъ я увидѣлъ, что его фуражка едва видна надъ сѣдломъ. Вѣстовой ловко подалъ ему руку, и когда старикъ, опершись на нее лѣвой ногой, поднялся, держась за луку сѣдла, какъ-то ловко, однимъ движеніемъ, перехватилъ его, и въ слѣдующій моментъ онъ уже сидѣлъ. Но какъ сидѣлъ! Это не обычная фигура всадника, это настоящій старый гусаръ, какихъ теперь мы видимъ въ музеяхъ на гравюрахъ и аквареляхъ тончайшей, старинной работы. Единственно, что нарушало иллюзію, это китель защитнаго цвѣта; ему умѣстнѣе быть въ доломанѣ, съ ментикомъ и распущенной саблей...

Вторая наша встрѣча была при другихъ обстоятельствахъ.

Начинался нашъ «великій отходъ», къ которому бульварные историки будущаго, конечно, приплетутъ для сравненія имя Антея, обрѣтавшаго силы въ борьбѣ, соприкасаясь съ землей. Всѣ знали, что мы «идемъ за снарядами», что въ нихъ однихъ, вѣрнѣе, въ томъ, что ихъ не было, при-

чина того, что мы добровольно отдаемъ врагу широкую полосу благодатной земли. Уходили спокойно, взвѣшивая каждый свой шагъ, вывозя все, что могли поднять, и уничтожая неподдающееся перевозкѣ.

Сегодня въ ночь дивизія, при которой я былъ въ это время, уходитъ. Сторожевое охраненіе несутъ при отходѣ гусары. Вдоль шоссе, пересѣченнаго линіей наппихъ окоповъ, служившихъ раньше второй линіей обороны, а теперь являющихся передовой, къ которой нѣмцы подходятъ ощупью и которую намъ приказано бросить, какъ только они развернутся, тянутся огромные корпуса сахарнаго завода. Сахаръ частью вывезенъ, частью залитъ кислотами, мѣдь и машины убраны въ тылъ, и единственно, что меня теперь интересуетъ на заводѣ,—его высокая, кирпичная труба, которую нѣмцы, конечно, используютъ въ качествѣ наблюдательнаго пункта, какъ использовали ее въ свое время и мы.

Въ основаніи трубы, тамъ, гдѣ она стоитъ четырехугольнымъ неуклюжимъ коробомъ, и вплоть до ея перехода въ круглый столбъ, заложены ящики съ пироксилиномъ. Все разсчитано заранѣе, подготовлено и теперь дѣло только за тѣмъ, чтобы войти въ связь съ охраненіемъ; по телефону передаютъ, что начальникъ заставы, стоящей впереди завода, пріѣдетъ черезъ полчаса. Снова провѣряю провода, запалы, осматриваю зарядъ и, убѣдившись, что все въ порядкѣ, отсылаю двуколки и команду, оставаясь только съ тремя конными подрывниками.

— Ваше в—іе, васъ гусарскій офицеръ спрашиваютъ...

— Гдѣ?

— Тутъ, въ садикѣ.

Выхожу въ садикъ и вижу стараго штабъ-ротмистра.

— Какими судьбами?

— Почему же?—обиженно замѣтилъ онъ,—вотъ вы всѣ такъ разсуждаете... Выпросился... Въ заставу.... У васъ готово для взрыва?

— Готово. Надо условиться съ вами, когда взрывать.

— Я думаю, что скоро. Теперь часъ. Черезъ полтора часа будетъ свѣтать и тогда, вѣроятно, нѣмцы попрутъ. Теперь они стягиваются. Мы уже два разъѣзда прогнали.

— Когда же взрывать?

— А вотъ, какъ увидите, что я отхожу къ заводу, сообразите, чтобы меня не подбить, да и рвите.

— Хорошо, а гдѣ ваша застава?

— Отсюда съ версту, лѣвѣе шоссе. Отходить по шоссе будемъ?

— Да.

— Я васъ нагоню, вѣроятно. А вы можете идти, не торопясь.

Мы попрощались. Штабъ-ротмистръ поѣхалъ къ себѣ...

...Около четырехъ часовъ, едва начала подниматься роса, на заставахъ разгорѣлась ружейная перестрѣлка. Съ верхушки трубы отлично видно все, что дѣлается кругомъ. Близко, верстахъ въ двухъ, между деревнями рыскаютъ разъѣзды. Это нѣмцы ищутъ нашихъ конныхъ развѣдчиковъ. Съ большой высоты они кажутся оловянными солдатиками, а поле, мѣстами желтое, мѣстами зеленое, представляется вылѣпленнымъ изъ папки, въ родѣ того, какъ лѣпятъ его въ дѣтскихъ играхъ. Вдали видны сожженныя нами и еще дымящіяся усадьбы и деревни; вокругъ нихъ какія-то расплывчатыя, сѣрыя пятна. Это идетъ нѣмецкая пѣхота. На дорогахъ видны длинныя колонны обозовъ.

Перестрѣлка дѣлается чаще, разъѣзды сближаются. Надо слѣзать.

Примостившись на кучѣ щебня, у телеграфнаго столба, всматриваюсь по направленію, указанному штабъ-ротмистромъ, и, наконецъ, замѣчаю группу всадниковъ, ѣдущихъ медленной рысью къ заводу. Пора.

Одинъ поворотъ рукоятки, и вся труба, цѣльнымъ столбомъ, сразу поднимается вертикально вверхъ и, тотчасъ падая, разсыпается съ грохотомъ въ щебень, выбрасывая къ небу огромное облако изжелта-красной пыли. Теперь на коней и къ своимъ.

Перестрѣлка все ближе и ближе. Обгоняя насъ, проскакали нѣсколько гусаръ и, крикнувъ на скаку: «Нѣмцы!», заскакали за деревню, вплотную примыкающую къ заводу. Мы прибавили ходу и карьеромъ бросились по шоссе. Сзади свистѣли пули, но, очевидно, нѣмцы стрѣляли съ коня: пули летѣли въ разныя стороны. За деревней остановились перевести духъ, но не успѣлъ я опомниться, какъ услышалъ у самаго уха очень крѣпкое слово и рѣзкій, старческій окрикъ:

— Чорта ли вы здѣсь дѣлаете?! Взорвали трубу и убирайтесь къ вѣдьмѣ подъ хвостъ!

Оборачиваюсь, чтобы отвѣтить чѣмъ-нибудь въ этомъ же родѣ, но, видя передъ собой штабъ-ротмистра съ полувзводомъ гусаръ, засмѣялся.

— Что съ вами?

— Уѣзжайте скорѣй!.. Нѣмцы уже на заводѣ. Вамъ здѣсь нечего дѣлать. Наши всѣ? Правый разъѣздъ тутъ?— кричалъ онъ уже своему взводному.

— Здѣсь.

— Впередъ!—громче прежняго командуетъ старикъ, и, разсыпавшись лавой, гусары крупной рысью, черезъ поле, направляются къ заводу.

Навстрѣчу имъ вылетѣло нѣсколько нѣмцевъ, за которыми они и погнались...

Поздно вечеромъ, располагаясь на новосельѣ, встрѣчаю штабъ-ротмистра. Медленно, съ развальцемъ, идетъ по деревнѣ. Увидѣвъ меня, подходитъ и заговариваетъ.

— Что, утромъ влетѣло?

— Да, но до сихъ поръ не понимаю за что?

— Онъ еще не понимаетъ!—снова возмущается старикъ.—Да за то, что вы меня подвести могли!

— Чѣмъ?

— Какъ это чѣмъ? Да вѣдь я вамъ русскимъ языкомъ сказалъ, что нѣмцы уже на заводѣ сидѣли.

— Ну, такъ что же?

— Да то, что долго бы они тамъ усидѣть не могли, поперли бы по шоссе, а я бы ихъ тутъ и лупанулъ изъ-за деревни... Поняли?

— Я-то причемъ?

— Притомъ, что мнѣ васъ прикрывать приказано было. Не могу я баталіи, да стычки разыгрывать, когда вы у меня подъ носомъ сидите, я долженъ о вашей бсзопасности думать.

Я разсмѣялся отъ неожиданности.

— Смѣется! Онъ еще смѣется!.. А изъ-за чего я, спрашивается, въ атаку полѣзъ?

— А Господь же васъ знаетъ, должно быть, такъ вамъ надо было.

— То-то, вотъ, что надо было... Изъ-за васъ, дать вамъ время уйти-съ, а вы ротозѣйничаете... Зато и попало-съ. У насъ, гусаръ, такъ дѣлается: разъ, два и въ карьеръ-съ! Ну, къ чорту!—сразу мѣняя тонъ, оборвалъ штабъ-ротмистръ,—идемъ черешни ѣсть!

— Гдѣ?

— Вамъ какое дѣло, у солтыса... Чудныя черешни... А пани солтысова така ладна[1]), что и черешенъ не захотите.

— Зачѣмъ же вы меня зовете, если я ихъ не захочу?

— Чудакъ-человѣкъ, — усмѣхнулся штабъ-ротмистръ, черешни-то я вамъ предлагаю...

— А пани?

— Пани?.. Вамъ какое дѣло, пани васъ не касается!..

---

[1]) Такъ красива.

Сѣрыя шинели.

Егоръ Цыганковъ.

Первое впечатлѣніе отъ него было самое безотрадное. Онъ одинъ опоздалъ въ строй при выступленіи въ походъ и это не осталось незамѣченнымъ. По крайней мѣрѣ, командиръ батальона замѣтилъ:

— Что тамъ, во второй ротѣ, за возня?

А это просто Цыганковъ становится на мѣсто, расталкивая сосѣдей къ ужасу фельдфебеля, ворчавшаго что-то себѣ подъ носъ.

Позже, когда рота уже погрузилась въ вагоны и эшелонъ тронулся въ путь, онъ нѣсколько разъ являлся и съ безпокойствомъ докладывалъ, что Цыганковъ «можно сказать, ведетъ себя совершенно даже спокойно, никакого безчинства не обнаруживаетъ и находится въ себѣ».

— А какъ, ваше в—іе, насчетъ взысканія ему, будетъ отъ васъ приказаніе или мнѣ самому прикажете?

— Это на мѣстѣ будетъ видно.

— Понимаю.

Но на мѣстѣ было не до взысканій. Насъ уже ждало приказаніе: немедленно по прибытіи выступать на позиціи.

Спѣшно разгрузились, на-скоро провѣрили людей, имущество и, пользуясь тѣмъ, что все оказалось въ по-

рядкѣ—сразу же тронулись въ путь. Идти предстояло сорокъ двѣ версты, которыя надо было сдѣлать въ одинъ переходъ безъ ночлега. Спать будемъ *тамъ*... на мѣстѣ назначенія...

Всю дорогу Цыганковъ шелъ молча. Ни на одну минуту онъ не отсталъ и не вышелъ изъ своего ряда. Шелъ, какъ машина, хотя со стороны было видно, что и рука устала нести винтовку и плечи давно уже ноютъ отъ ранца. Перспектива взысканія дѣлала свое дѣло.

На другой день мы всѣ проснулись рано, гораздо раньше, чѣмъ сами предполагали проснуться послѣ вчерашняго перехода. По всему фронту, объ очертаніяхъ котораго мы еще не имѣли яснаго представленія, разгоралась канонада Роту выдвинули впередъ съ приказаніемъ идти за атакующими пѣхотными цѣпями и все занятое пространство немедленно же закрѣплять окопами и проволокой. Для работы назначались маршевыя роты.

Къ работѣ приступили съ наступленіемъ темноты. Взводъ, въ которомъ былъ Цыганковъ, получилъ назначеніе на постановку проволочнаго загражденія въ исходящемъ углу нашей новой позиціи. Отсюда до противника было не болѣе шестидесяти шаговъ. Работа предстояла трудная.

Большая часть людей нужна на заготовку кольевъ и ихъ подноску. Для забивки ихъ и оплетки проволокой надо не больше шести-семи человѣкъ. Вызвали охотниковъ, и Цыганковъ вышелъ первымъ.

Колья заготовили скоро, подноска тоже не потребовала много времени, зато забивка не ладилась. Каждый ударъ колотушки по колу вызывалъ выстрѣлъ съ нѣмецкой стороны. Пробовали было обматывать колотушку войлокомъ, клали войлокъ на верхушку кола, но тогда пропадала вся сила удара.

— Эхъ, была не была,—говоритъ Цыганковъ,—дай-ка я вдарю!

— Тише, чего орешь-то?

— Намъ все единственно, ори не ори, онъ стрѣлять будетъ, такъ ужъ лучше я покричу въ свое удовольствіе!

— Куда тебя, лѣшаго, тянетъ?

— Эй, Сачковъ, держи что-ль?—громко говоритъ Цыганковъ сосѣду, берясь за тяжелую грабовую колотушку.

— Давай, что-ли... все равно...

Нѣмцы участили огонь.

— Зажарили...

— Ну-ка, наддай по колу!

Цыганковъ могучимъ размахомъ сразу вогналъ колъ вершка на два въ глину.

— Поѣхалъ!.. дуй его, дуй живѣй!..

Удары колотушки посыпались одинъ за другимъ. Нѣмцы стрѣляютъ, не умолкая.

— Обижаются крѣпко... А только стрѣлять тоже умѣть надо. Ну-ка, давай другой колъ-то!

Сачковъ тянется за другимъ коломъ; но только онъ поднялъ его отъ земли, разрывная пуля перебила его пополамъ.

— Срѣзали?

— Ну, да.

— Наплевать... Этого добра много. Давай другой!..

И опять та же исторія. Тѣ же частые удары по дереву, та же неумолкающая трескотня съ нѣмецкой стороны.

Изъ окоповъ пришелъ пѣхотный прапорщикъ.

— Что вы тутъ дѣлаете?

— Проволоку ставимъ, ваше б—діе,—лихо отвѣчаетъ Цыганковъ, и опять застучалъ своей колотушкой.

— Изъ-за васъ изъ окопа выйти нельзя... Только огонь привлекаете.

— Пущай тратится,—мрачно бурчитъ Цыганковъ, еще сильнѣе размахивая своей колотушкой.

Три часа безъ передышки онъ работалъ въ этомъ аду,

но ушелъ къ ротѣ только тогда, когда весь участокъ былъ заплетенъ проволокой.

— Кончилъ?

— Такъ точно, ваше в—діе... Записка вамъ есть,— говоритъ Цыганковъ, доставая изъ-за обшлага шинели смятый конвертъ. Командиръ пѣхотной роты пишетъ, что «только благодаря самообладанію сапера Цыганкова и его полному презрѣнію къ опасности, постоянно угрожавшей ему подъ неумолкавшимъ частымъ огнемъ противника, проволочная сѣть доведена до конца». Въ заключеніе проситъ представить его къ кресту.

— Ваше в—діе...

— Ну?

— Ужъ хоть теперь-то простите за то... недоразумѣніе-то со мной случилось...

Николай Румянцевъ.

Состоитъ въ разрядѣ штрафованныхъ.

— За что?

— Такъ что не потрафилъ, ваше в—діе...

— Кому, въ чемъ?

— Ротному командиру, ваше в—діе... Они, конечно, службу спрашиваютъ, а я что же, я запасный, я службу помню хорошо, любому унтеру докажу... На дѣйствительной самъ унтеромъ былъ.

— Разжаловали?

— Такъ точно. При увольненіи винцомъ побаловался, съ дежурнымъ повздорилъ, ну и попалъ... Такъ у меня и получилось: на службѣ съ нашивками былъ, а ушелъ безъ нихъ, какъ неучъ какой...

— Что же ты хочешь?

— Возьмите къ себѣ въ роту, ваше в—діе... Васъ и ротный командиръ мой поблагодаритъ, что отъ меня избавили.

Я разсмѣялся.

— Такъ точно, ваше в—діе... Потому что же я теперь, ничего, можно сказать, не стоющій человѣкъ... А на войнѣ, коли счастье мое такое есть—я себя опредѣлю, какъ человѣкъ настоящій... Сдѣлайте милость, ваше в—діе... возьмите съ собой.

Румянцева перевели въ мою роту, къ неописуемому ужасу подпрапорщика.

— Куда же мы его опредѣлимъ?

— Во второй взводъ. И назначать на всѣ работы на позиціи, пусть заслуживаетъ прощеніе штрафа.

Подпрапорщику повторять приказаній не приходится, и Румянцева «взяли въ оборотъ».

Черезъ нѣсколько дней, обходя окопы, встрѣчаю Румянцева. Въ узкомъ окопѣ онъ умудряется стать во фронтъ, хотя для этого ему приходится совершенно влипнуть въ земляной откосъ.

— Какъ живешь?

— Покорнѣйше благодарю, ваше в—діе... Очень хорошо. Пѣхотинцы очень нами довольны. Намъ съ ними легко.

— Что же ты здѣсь дѣлаешь?

— Что приходится, ваше в—діе... Они окопъ роютъ, я объясняю, до какихъ поръ рыть, гдѣ траверсъ поставить, какъ блиндажъ устроить... А они, значитъ, такъ и дѣлаютъ и никакой отъ нихъ обиды, покамѣстъ, не видимъ.

Недѣли черезъ двѣ обнаружилось, что нѣмцы повели противъ насъ сапу. Даже сквозь стрѣлковую бойницу были видны небольшіе броски земли, вылетавшей изъ нѣмецкаго окопа черезъ правильные промежутки времени.

— Что вы намѣрены съ этимъ дѣлать?—освѣдомляется начальникъ боевого участка.

— Думаю, что надо идти навстрѣчу.

— Когда же начнете?

— Да сегодня же ночью.

И въ ночь, дѣйствительно, приступили къ работѣ, рѣшивъ во что бы то ни стало развить такую скорость работы, чтобы не дать нѣмцамъ значительно приблизиться къ намъ.

Пользуясь темнотой, вышли изъ окопа и вырыли летучую сапу, перпендикулярно къ нашему окопу, шаговъ на сто впередъ. До головы нѣмецкой сапы оставалось шаговъ пятьдесятъ. На день въ эту сапу послали саперъ, которые, сидя въ ней, согнувшись въ три-погибели, дѣятельно углубляли новую траншею. Особенно же напряженно работали въ головѣ и, когда пришла ночная смѣна, разстояніе между нашей и нѣмецкой сапами было не больше 25—30 шаговъ. Слышно, какъ нѣмцы кашляютъ, сморкаются, вполголоса переговариваются между собой.

— Не иначе, какъ сегодня надо ихъ прикончить,—рѣшилъ Румянцевъ.

— Какъ же это ты ихъ прикончишь?—спрашиваетъ старшій.

— Очень просто. Дай мнѣ только гранатъ нѣсколько штукъ, а ужъ я свое дѣло сдѣлаю.

— Ладно. Сиди, да копайся.

— Не могу я сидѣть. Пойми ты—для чего мы и рыть будемъ, когда можно все ихъ хозяйство вразъ порѣшить?!

Спорили до тѣхъ поръ, пока пріѣхавшій офицеръ не поставилъ, вмѣсто Румянцева, другого сапера, а его отпустилъ «на охоту».

Румянцевъ перекрестился, воткнулъ за поясъ четыре ручныхъ гранаты, тихонько вылѣзъ изъ сапы и поползъ прямо передъ сапой. Вдругъ блеснулъ ручной электрическій фонарикъ.

— Нѣмцы!

Но не успѣли еще люди выскочить изъ сапы, какъ Румянцевъ бросилъ гранату. Яркое желтое пламя густымъ клубкомъ вспыхнуло во тьмѣ и потонуло въ облакѣ дыма. Нѣмцы убѣжали, а Румянцевъ поползъ дальше.

Тишина кругомъ сразу стала мертвая.

— Не иначе, какъ въ плѣнъ попадетъ.

— Не такой парень!

Вдругъ снова слышится взрывъ, другой, третій.

— Всѣ разрядилъ.

— Передать, чтобы секреты продвинулись впередъ!

Но передавать было некому. Ближайшій секретъ послѣ перваго же взрыва пошелъ за Румянцевымъ.

Снова нѣсколько минутъ напряженной тишины, потомъ одиночный выстрѣлъ изъ револьвера и опять тишина. Люди снова принялись за работу.

— Ну, тащись, что ли...—послышался впереди грубоватый окликъ.

— Кто?

— Румянцевъ...

— Тащишь кого?

— А то пустой приду?!

Вмѣстѣ съ нимъ шелъ и пѣхотный секретъ.

— Теперь нѣмцу крышка работать!

— А что?

— Да всю смѣну ему прикончили...

— Какъ же такъ?

— Очень просто. Троихъ съ собой привели, да съ пятерыхъ погоны срѣзали—гранатами, стало быть, пришибло.

— Ничего... Новыхъ пошлютъ.

— Это еще когда пошлютъ, а мы, вотъ сейчасъ сюда пулеметъ подтащимъ, да взбрызнемъ всю траншею вдоль,—заключаетъ разговоръ пѣхотный офицеръ.—Тогда вотъ и

посмотримъ,—кого они сюда пришлютъ... Ну, а тебя, молодчина, что же съ крестомъ поздравлять надо?

— Никакъ нѣтъ, крестъ еще потомъ заслужимъ, а теперь бы только отъ штрафа избавиться...

Семенъ Черепковъ.

— Ваше в—діе, можно зайти?

По голосу узнаю Черепкова. Не оборачиваясь, такъ и вижу, кажется, передъ собой его нескладную фигуру. Высокій, широкоплечій, вѣчно въ валенкахъ, онъ стоитъ у порога, переминаясь съ ноги на ногу, и угрюмо смотритъ исподлобья куда-то въ уголъ. Съ его приходомъ, въ комнатѣ пахнетъ конюшней. Черепковъ уже три недѣли переведенъ изъ строя въ обозъ и назначенъ старшимъ. На его попеченіи команда въ 110 человѣкъ и около ста лошадей.

— Что скажешь?

— Насчетъ фуража я, ваше в—діе...

— Въ чемъ дѣло, нѣтъ овса, что ли?

— Никакъ нѣтъ, овесъ есть.

— Сѣна нѣтъ?

— И сѣно есть. Дня на четыре всего хватитъ.

— Такъ чего же тебѣ?

— Да здѣсь стоять долго будемъ?.. Запастись бы безпремѣнно надо.

— Я не знаю, долго ли простоимъ.

— Мнѣ, ваше в—діе, по жителю видать, что скоро отсюда не уйдемъ.

— Почему же?

— Да такъ ужъ... Къ коровамъ я давеча прицѣнялся.

— Зачѣмъ?

— Такъ я... Чтобы ихъ попытать...

— Ну?

— Не продаютъ... Сами, говорятъ, молоко пить будемъ. Опять же насчетъ свинины, баранины... Никакого, какъ есть, мяса продавать не хотятъ. Значитъ, не боятся, что германца пропустятъ. Даже птицу и ту не продаютъ ни по чемъ. Жадничаютъ, пока на свободѣ-то...

— Ну, такъ что же?

— Такъ, ты бы, ваше в—діе, помѣщику-то поговорилъ бы насчетъ фуража. Пока стоимъ, здѣшній бы и ѣли, а тотъ, что есть, дальше бы повезли.

— Ну, ладно, ступай.

Черепковъ тяжелой походкой, неуклюже поворачиваясь у двери, уходитъ. Изъ передней слышу разговоръ:

— Будетъ тебѣ къ командиру съ разной дрянью лазить, все скулишь, да скулишь...

— Скулишь,—ворчитъ Черепковъ.—Лошадь-то, чай, тварь безсловесная. Ежели я за нее не скажу, она весь вѣкъ промолчитъ...

Бываетъ, что Черепковъ приходитъ и съ другими вѣстями, но никогда не явится сказать, что чего-нибудь нѣтъ.

Онъ всегда докладываетъ только о томъ, что есть или что можно имѣть.

— Ваше в—діе, позволь мнѣ за дарственнымъ клеверомъ съѣздить.

— За какимъ дарственнымъ?

— А ничей онъ. Кто хочетъ, тотъ и возьметъ. Артиллеристы нонче тоже сбираются.

— Куда еще?

— Да, за клеверомъ.

— А онъ гдѣ?

— Межъ окоповъ лежитъ. Стога большіе... Хорошій клеверъ,—я давеча днемъ смотрѣть лазалъ.

— Куда, между окоповъ?

— Такъ точно... Стрѣляли немножко, да высоко берутъ, по низу-то не попадаетъ.

— На чемъ же ты поѣдешь?

— Верхомъ надо. Это дѣло такое... Кошели набью, да вьюками и привезу.

— Ладно.

На утро Черепковъ является съ книжкой для учета фуража, въ которой карандашомъ полуграмотнымъ почеркомъ уже записано: «Клѣвиру дарствиннаго 19 кошелей».

— Это, ваше в—діе, на пуды-то сколько будетъ?

Понадобилось мнѣ, послѣ нѣсколькихъ дней стоянки на мѣстѣ, поѣхать куда-то верхомъ. Жду лошади, но вмѣсто нея подаютъ экипажъ. Для объясненія этой странности является Черепковъ, сконфуженный и подавленный.

— Ваше в—діе, верхомъ нынче нельзя.

— Это еще почему?

— Да уздечка твоя куда-то пропала, ваше в—діе...

— Дай свою.

— Плоха она...

— Все равно. Давай, какая есть, въ экипажѣ не поѣду.

Черепковъ мнется.

— Ну, что еще?

— Такъ что потникъ тоже пропалъ, ваше в—діе...

— Куда же это все дѣвалось?

— Не могу и понять... Не иначе, какъ казакъ штабной наблудилъ. Онъ давно на сѣдло зарился, изъ-за потника.

Разбирать все это сейчасъ же некогда и, отложивъ разборъ до вечера, ѣду на ординарческой лошади, отъ души желая всего недобраго тому, кто выдумалъ это несуразное, рубчатое сѣдло «пѣхотнаго образца»—ни простоты, ни удобства. Одна боль въ пояснпцѣ.

Но когда я пріѣхалъ вечеромъ и потребовалъ Черепкова, его не оказалось. «Навѣрное за дарственнымъ клеве-

ромъ уѣхалъ»,—подумалъ я и успокоился. Но его не было и утромъ и вечеромъ—начинаемъ считать его безъ вѣсти пропавшимъ.

Появился онъ только на четвертый день и разсказалъ слѣдующее:

— Тутъ, поправѣе нашей пѣхоты, гусары стоятъ, а противъ нихъ австрійская конница. Я, значитъ, съ гусарами поговорилъ, чайку попилъ, а ночью на развѣдку имъ идти надо было и я съ ними пошелъ. Поймали они одного австрійца, а онъ русскій, оказывается, братъ у него въ Волынской губерніи живетъ. И самъ-то онъ по-русски хорошо говоритъ. У него тутъ спрашивать стали, гдѣ у нихъ кто стоитъ, да гдѣ коноводы. Онъ разсказываетъ. Только я смекнулъ и говорю: «А можешь ты насъ къ коноводамъ провести?» Онъ говоритъ: «Могу». Тутъ и гусары за него взялись. Онъ насъ и повелъ. Пошло насъ человѣкъ десять. Мимо окоповъ шли тихонечко, по одному пробирались. Никого у нихъ нѣту—ни часовыхъ, ни секретовъ. Стоятъ только въ окопѣ по нѣсколько человѣкъ, да ракеты швыряютъ, а остальные спятъ по землянкамъ. Такъ мы и прошли къ нимъ версты на полторы. Фуры у нихъ тутъ стоятъ съ красными крестами, коновязь небольшая. Я, какъ коновязь увидалъ, сѣлъ на одну лошадь, двухъ по бокамъ прихватилъ, да и поѣхалъ.

— Куда?

— Домой. Всѣхъ трехъ коней и привелъ. Съ уборомъ, хоть сейчасъ садись и поѣзжай.

— А гусары?

— Гусары остальныхъ привели.

— И никого не потеряли?

— Одного только въ руку ранило, да и то безъ послѣдствія,—онъ свою лошадь тоже не выпустилъ.

Сорока.

Маленькій, юркій, безъ переднихъ зубовъ, съ узкимъ, сморщеннымъ лицомъ, на которомъ только слегка, какъ пунктиромъ, намѣчены мелкія черты—онъ вѣчно снуетъ изъ взвода во взводъ, изъ роты въ обозъ. Это мѣстная газета и притомъ весьма невысокаго тона. У него вѣчно куча новостей, одна другой «чище». Ложь и самый невзыскательный вымыселъ такъ и брызжутъ изъ нихъ.

— Вчера въ штабъ плѣнную нѣмецкую роту привели.

— Неужто?

— Вѣрно. Офицеры съ ними, все, какъ есть, чинъ-чиномъ.

— Кто ихъ взялъ?

— Въ четвертомъ полку взяли.

— Въ атаку, что ли, ходили?

— Нѣтъ. Сами пришли.

— Какъ такъ?

— Очень просто. Пришли и сдались. Хлѣба, говорятъ, у нихъ нѣтъ, одинъ коньякъ остался, совсѣмъ жить не изъ чего. Картошку прiѣли, скота уже мѣсяцъ, какъ не видятъ...

— А ты ихъ видалъ?

— Кого?

— Плѣнныхъ-то.

— Двухъ видалъ. Тощіе такіе, глазища злющія, всѣ въ сѣромъ, сапожищи огромныя, желтыя... Какъ есть нѣмцы.

— Гдѣ видалъ-то?

— Въ штабъ корпуса ихъ вели. Идутъ, а по бокамъ ихъ казаки ѣдутъ... важно!

— А другіе-то гдѣ жъ были?

— Песъ ихъ знаетъ.

— Оправиться пошли,—острить кто-то, но Сорока неуязвимъ.

— А еще говорятъ...

— Да ты говорилъ съ ними-то?

— Я-то? Нѣтъ. Какъ же мнѣ съ ними говорить, когда онъ по моему не кумекаетъ, а я по его не смыслю?.

— Ну, такъ ты бы не брехалъ...

— Зачѣмъ брехать? Я вѣрно....

— Ладно, не въ первый разъ... Дай-ка махорочки лучше...

Разговоръ переходитъ на другія, болѣе жизненныя темы, пока Сороку опять не посѣтитъ вдохновеніе.

— Въ обозѣ я былъ третьяго дня, за сахаромъ къ каптенармусу ѣздилъ.

— А онъ тебѣ мыла далъ?

— Нѣтъ... Зачѣмъ? Ты слушай.

— Ну?

— Сказываютъ, что въ Россіи теперь тоже съ нѣмцемъ борются, который засилье дѣлаетъ...

— Правильно...

— И все, что они у насъ подѣлали, чтобы все это, значитъ, было недѣйствительно...

— О-о?

— А ежели у кого капиталъ, такъ къ казнѣ, быдто, отойдетъ.

— Читалъ что ли гдѣ?

— Нѣ... Въ обозѣ у насъ баяли.

— Тьфу! Я-то думалъ ты дѣло...

— Захотѣлъ дѣла отъ Сороки!

— Онъ и зубы-то всѣ на разговорѣ съѣлъ!

Сорока, подавленный и униженный, даже не возражаетъ. Онъ удовлетворенъ и тѣмъ, что нѣсколько минутъ былъ центромъ общаго вниманія.

«Освѣдомленность» его не имѣетъ предѣловъ.

— Вчера ротнаго нашего въ штабъ корпуса звали.

— Зачѣмъ?

— Говорятъ, что скоро наступленіе будетъ, такъ нашей ротѣ начать велѣно, а кончать другіе будутъ.

— Ну да, а Сороку впередъ всѣхъ пошлютъ!

— Зачѣмъ? Я тебѣ серьезно, а ты такое... недостоинство напускаешь.

— Вчерась, говоришь, звали-то?

— Вчера, вчера, акуратъ въ полдень, въ штабъ корпуса.

— Ужъ кому бы вралъ, да не намъ. Вчера-то мы въ резервѣ были. Обѣдали въ полдень, да ротный винтовки глядѣлъ.

— А, можетъ, и третьяго дня...

— А, можетъ, и вовсе не звали?

— Какъ же такъ? Вѣрно говорю, только, вотъ, насчетъ дня это я, точно, что сбился. Много ужъ очень разнаго говорятъ—нешто все въ одной головѣ-то удержишь?

Житель земли.

— Я васъ попрошу съѣздить въ третій полкъ и посмотрѣть, что у нихъ тамъ дѣлается. Я не совсѣмъ ясно представляю себѣ, гдѣ остановилась атака.

— Слушаю, ваше пр—во...

— Пожалуйста. Хоть это и не ваше дѣло, но вы видите, что сейчасъ здѣсь никого нѣтъ... Я всѣхъ разослалъ. Тутъ близко, черезъ полчаса вы, вѣроятно, уже вернетесь... Казака возьмите!—крикнулъ мнѣ вдогонку генералъ.

Лошадь, какъ нарочно, съ утра стоитъ подъ сѣдломъ и теперь это оказывается, какъ нельзя болѣе, кстати.

Погода пасмурная. Утромъ моросилъ дождь. Но сейчасъ сухо. Только прибило пыль. Прохладно.

— Готовъ, станичникъ?

— Такъ точно,—скороговоркой отвѣчаетъ бодрый, жизнерадостный амурецъ, и мы трогаемся крупной рысью.

— А куда поѣдемъ, ваше в—іе?—спрашиваетъ казакъ, догоняя меня и почти совсѣмъ ложась на высокую луку сѣдла.

— Въ третій полкъ.

Казакъ задумался, но ничего не отвѣтилъ, только «ожегъ» нагайкой своего мохнатаго маштачка, который,

вытянувъ горбоносую морду, еле поспѣвалъ своей дробной иноходью за моимъ высокимъ воронымъ «нѣмцемъ».

— Что, не знаешь дороги?

— Дорогу-то я зналъ... Только теперь они вѣдь стронувши... Атака у нихъ...

— Такъ что же? Вѣдь, въ атаку пошли прямо, найдемъ.

— Намъ надо бы, ваше в—іе, влѣво подержать, лощинкой...

— А что?

— Да такъ... Правѣе-то, гдѣ дорога, неспокойно... Съ коня живо ссадятъ...

Мы повернули. Въ лощинѣ, дѣйствительно, стало «спокойнѣе». Пока мы ѣхали, надъ головой все время свистѣли снаряды. Свистѣли и рвались гдѣ-то вправо,— тамъ все время видны черные всплески взрытаго торфа и дымъ.

— Перекидываетъ...

— Да.

— А сыплетъ важно... Осатанѣлъ.

У выхода изъ лощины видна какая-то кучка.

— Кто это тамъ?

Казакъ живо выносится впередъ. Повертѣлся около кучки людей, раза два перегнулся съ сѣдла и поскакалъ по направленію ко мнѣ. Я уже свернулъ влѣво и ѣхалъ прежнимъ аллюромъ вдоль поросшей кустарникомъ канавы.

— Солдатскій сотникъ [1]) лежитъ... Хоронить собираются...

— Убитъ?

---

[1]) Казаки рѣдко называютъ чинъ, какъ слѣдуетъ, по роду оружія, а всегда по своему. Но для отличія своихъ отъ «армейскихъ» говорятъ «солдатскій» офицеръ. Въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о поручикѣ.

— Такъ точно...

— Куда его?

— Чего это, попало?

— Да.

— Въ глазъ, въ самый... Лежитъ и не поймешь, что убитый... Будто такъ глаза закрыты и сомлѣлъ. Свои-то не сразу признали... Бухнулся, говорятъ, объ земь, да и капутъ... Не сразу и поняли—съ чего бы... Ровно, какъ запнулся о что...

Впереди уже отчетливо видны окопы противника. Надо слѣзать съ лошадей.

— Держи коня...

— Одни пойдете?

— Одинъ.

— А меня куда же?

— Жди здѣсь.

— Понимаю... А травы конямъ дать?

— Дай, все равно... Только я скоро вернусь... Не разнуздывай. Понялъ?

— Такъ точно,—урчитъ казакъ, закрывая спиной голову лошади.

Чувствую, что онъ уже отстегнулъ удила обѣимъ лошадямъ и думаетъ про себя:

«Какъ же это конь съ удиломъ ѣсть-то будетъ? Ему, чай, тоже удобство должно быть дадено...»

Атака третьяго полка протекала отлично. Служившая ключомъ германской позиціи, высота 66 была, сравнительно, легко занята вторымъ батальономъ, который теперь укрѣплялся на ней. Вмѣсто него, выдвинутъ въ передовую, атакующую, линію изъ резерва первый батальонъ.

— Такъ лихо взяли,—говоритъ командиръ полка,—что, просто, любо-дорого... Это, по праву, дѣло пятой ро-

ты... Такъ и доложите, я васъ прошу, начальнику дивизіи. Пройдете посмотрѣть, какъ они устроились?

— Съ удовольствіемъ... конечно...

Мы пошли впередъ, откуда доносилась сильнѣйшая ружейная трескотня.

— Атака продолжительная...

— Да... Теперь уже на вторую линію... Первая взята цѣликомъ... Ждемъ, когда сосѣди продвинутся впередъ, и тогда двинемся окончательно. Иначе, пожалуй, откроемъ флангъ для удара.

Второй батальонъ устраивался довольно прочно.

Несмотря на шрапнель, перелеты которой рвались какъ разъ надъ высотой, всѣ роты усердно закапывались въ землю. Кое-гдѣ пользовались нѣмецкими окопами, мѣстами наскоро передѣлывали въ окопъ нѣмецкій ходъ сообщенія. Но большею частью приходилось рыть окопы заново.

— Рой, рой, нечего зѣвать-то! Наглядишься еще!

— Эй, третій взводъ, ступай-ка за матеріаломъ.

Кучка, человѣкъ въ двадцать, идетъ въ только что взятый нѣмецкій окопъ, гдѣ еще не окончена «уборка», разоряетъ козырьки и перетаскиваетъ жерди, доски и бревна въ свое новое жилище.

— Наработалъ нѣмецъ, глядишь—и намъ сгодилось!

— А ты не бубни, таскай поживѣй. Ишь, какъ насыпаетъ!

Нѣмцы замѣтили работу, и, очевидно, одной какой-нибудь батареей перенесли огонь на высоту.

— Ишь, анаѳема, какъ близко подъѣзжаетъ.

— Перейдемте правѣе, туда не хватаетъ.

Здѣсь тоже кипитъ работа. Подъ руководствомъ вольноопредѣляющагося, человѣкъ десять солдатъ ковыряютъ въ глинѣ гнѣздо для пулемета.

— Захваченный...

— Что?

— А пулеметъ-то... Нѣмецкій.

— И ленты есть?

— Куча! Сколько хошь, стрѣлять можно.

— Пущай пробуютъ свое издѣліе...

Я взглянулъ на вольноопредѣляющагося и поймалъ на себѣ его пристальный взглядъ.

— Какъ его фамилія?—спрашиваю командира.

Онъ назвалъ.

— Вы его знаете?

— Кажется... Даже увѣренъ въ этомъ, но гдѣ я его видѣлъ, рѣшительно не помню...

Оборачиваюсь въ его сторону, но тамъ никого нѣтъ: всѣ ушли за лѣсомъ.

Только пріѣхавъ къ генералу и покончивъ съ дѣлами, вспоминаю, что этотъ вольноопредѣляющійся—студентъ, съ которымъ я довольно часто встрѣчался у знакомыхъ еще задолго до войны.

Помню, что тогда мы его не любили. Въ его отношеніи къ намъ всегда сквозила какая-то плохо скрытая иронія. Точно онъ считалъ насъ лишними, никому ненужными и ни на что непригодными. Помню, какъ онъ всегда насмѣшливо улыбался, глядя въ сторону моего товарища, адъютанта, блестѣвшаго своимъ, всегда безукоризненнымъ, аксельбантомъ.

«Подвѣсочки, мишура...»—такъ и свѣтилось въ его большихъ, пронизывающихъ сѣрыхъ глазахъ.

Однажды мы, въ своемъ тѣсномъ кругу, заговорили о немъ и рѣшили провѣрить его отношенія къ намъ. Оказалось, что мы не ошиблись въ своихъ предчувствіяхъ. Онъ считалъ себя ярымъ противникомъ войны и доказывалъ, что человѣкъ настолько высокая цѣнность, что убивать его нельзя.

— Война не убійство...

— Какъ же? Конечно, убійство, только массовое... И я его могу только осуждать...

— Но вѣдь признаете же вы въ природѣ борьбу за существованіе? Не будете же вы отрицать того, что все живущее завоевываетъ себѣ лучшее мѣсто подъ солнцемъ, дѣлая это вовсе не умозрительнымъ путемъ, а просто—силой?

— Это не доказательство,—упорствовалъ студентъ.—Съ годами все усовершенствуется...

— Ну, хорошо... А что будете дѣлать вы, когда столкнутся расовые интересы и всѣ пути для мирнаго рѣшенія спора окажутся исчерпанными безъ удовлетворяющихъ обѣ стороны результатовъ?

— Гм... расовые интересы!—пренебрежительно усмѣхнулся онъ.—Развѣ есть расы? Развѣ онѣ имѣютъ оправданіе въ человѣческомъ разумѣ?

— Позвольте... Но какъ же вы, напримѣръ, опредѣлите себя? Кто вы—русскій, итальянецъ, французъ?

— Я? Никто... Житель земли...

Споръ оборвался единодушной улыбкой. Съ тѣхъ поръ за студентомъ такъ и укрѣпилось, въ видѣ прозвища, это, случайно слетѣвшее съ его устъ, крылатое слово: житель земли.

И теперь, когда я увидѣлъ его на взятой высотѣ устраивающимъ окопъ для отбитаго и повернутаго на врага пулемета, въ моей памяти возстановлялись всѣ подробности нашего спора.

Казалось, я видѣлъ его разгоряченное лицо, слышалъ, какъ тогда, его глухой, будто охрипшій голосъ, съ плохо скрытымъ оттѣнкомъ пренебреженія.

Черезъ нѣсколько дней мнѣ снова пришлось быть на высотѣ 66. Теперь она была крѣпко занята нашими частями и представляла собой опорный пунктъ на правомъ флангѣ третьяго полка. Цѣлая сѣть окоповъ, растянутыхъ по высотѣ въ шахматномъ порядкѣ, изрѣзанныхъ по всѣмъ направленіямъ ходами сообщеній, масса вынесенныхъ въ стороны блиндажей—дѣлали высоту едва ли доступной для штурма. Зато нѣмцы облюбовали ее, какъ мишень для своихъ тяжелыхъ орудій. Изо дня въ день, съ самаго утра и до вечера, они «чемоданятъ» эту высоту.

Но до сихъ поръ безъ большого ущерба для ея укрѣпленій и гарнизона.

Проходя по окопу, снова натыкаюсь на «жителя земли».

У него на груди уже блеститъ новенькій георгіевскій крестъ.

— За что?

— За взятіе германскаго пулемета...

— Того самаго, около котораго вы тогда работали?

— Такъ точно... Онъ и сейчасъ здѣсь... Еще не стрѣляли изъ него... Ждемъ, когда нѣмцы въ атаку пойдутъ. Пока только пристрѣлку сдѣлали.

— Удачно?

— Такъ точно. Хорошо бьетъ. Совсѣмъ еще не разстрѣлянъ; видно, мало въ работѣ былъ.

— Скажите, вы меня узнаете?

— Такъ точно.

И онъ назвалъ мою фамилію.

— А «жителя земли» помните?

Онъ смутился.

— Помню... Что же? Событія сильнѣе насъ... Да, наконецъ, какой же житель земли не возмутится ихъ звѣрствомъ?

Кузница побѣды.

Это цѣлый городъ, съ населеніемъ, не уступающимъ въ числѣ населенію губернскаго города средней руки, и управленіемъ, безусловно превосходящимъ все, созданное въ этой области городами. Стройный и строгій порядокъ чувствуется во всемъ. И въ длинныхъ, безконечныхъ корпусахъ мастерскихъ, въ широкихъ аллеяхъ, замѣняющихъ улицы, въ движеніи поѣздовъ вагонетокъ, вагоновъ, платформъ и въ самомъ ритмѣ заводскаго грохота и шума.

Высоко къ небу тянутся толстыя трубы, выбрасывающія цѣлыя облака чернаго дыма, медленно расплывающагося въ зимнемъ туманѣ.

Администрація, по крайней мѣрѣ, та, которую я здѣсь видѣлъ,—русская. Послѣ привычнаго: «всѣмъ завѣдуетъ нѣмецъ» это не только отрадно; объ этомъ думаешь съ облегченіемъ и не безъ гордости. Такъ въѣлся этотъ «нѣмецъ» въ сознаніе и привычку.

Инженеръ, одинъ изъ старшихъ на заводѣ, добродушный, черноглазый хохолъ; говоритъ сначала нехотя, лѣниво, вяло смотря куда-то въ сторону, и только, подойдя вплотную къ волнующей всѣхъ темѣ, оживляется.

— Пушекъ? О, мы столько ихъ дѣлаемъ, сколько съ

насъ требуютъ теперь и сколько никогда еще не требовали. Пойдемте на заводъ и вы увидите сами.

Идти далеко. Нѣсколько разъ переходимъ заводское полотно желѣзной дороги, минуемъ штабели угля.

— Хватаетъ?..

— Угля? Теперь, когда введены маршрутные поѣзда, конечно, хватаетъ.

— А раньше?

— Раньше тоже хватало, но была чепуха... Мы закажемъ уголь для себя, а его какой-нибудь комитетъ по дорогѣ перехватитъ, а насъ утѣшаютъ, что, молъ, вамъ возмѣстятъ изъ мѣстныхъ запасовъ.

— Развѣ не все равно?

— По количеству, конечно, все равно, но въ сортахъ разница. А для насъ однообразіе сорта—вопросъ производительности...

Подходимъ къ длинному ряду каменныхъ сараевъ, то бѣлыхъ, то темно-красныхъ, съ закопченными стеклянными крышами.

— Тутъ у насъ кузница. Сейчасъ смѣна и потому здѣсь тихо.

Однако, въ этой тишинѣ можно разговаривать только крикомъ. Тускло, изъ-за чада и пара, свѣтятся гдѣ-то подъ самымъ потолкомъ, на высотѣ нѣсколькихъ саженъ, электрическіе фонари. Стукъ паровыхъ молотовъ отдается въ головѣ съ каждымъ ударомъ. Душно. Весь полъ усыпанъ металлической пылью, воздухъ пропитанъ запахомъ окалины. Изъ десятковъ печей съ шумомъ вырываются красно-желтые языки нефтяного пламени.

— Форсунки,—кричитъ инженеръ.

Киваю ему головой и изображаю улыбку—единственный способъ дать ему знакъ, что его объясненіе понято: до такой степени здѣсь «тихо».

— Посмотрите сюда,—снова кричитъ онъ, протягивая руку вправо.

Въ огромномъ устьѣ калильной печи, на колеблющемся фонѣ красно-желтаго пламени, прорѣзаннаго бѣлыми лентами распыленной нефти, виденъ крюкъ мостового крана, съ захлеснутой цѣпью... Въ ея неуклюжемъ кольцѣ, мѣрно покачиваясь, подвѣшено огромное черное бревно...

— Стальная болванка для полевого орудія...

Кранъ съ визгомъ подвигается ближе и болванка, показавшаяся мнѣ бревномъ, брошена въ печь. Сначала она долго лежитъ, попрежнему, черной, ничѣмъ не отзываясь на окружающій ее жаръ. Потомъ постепенно по ея поверхности забѣгали мелкіе огоньки... Чаще, чаще... и все ея тѣло опоясываютъ красно-бѣлыя полосы. Жарко такъ, что кажется, будто у самого загорѣлись глаза... А болванка все краснѣетъ, краснѣетъ и, наконецъ, свѣтится въ печи ровнымъ ярко-краснымъ накаломъ...

— Слѣва давятъ снаряды,—громко кричитъ инженеръ.

Такія же печи, тотъ же одуряющій жаръ, только болванки здѣсь тоньше и короче. Поодаль, немного назадъ, длиннымъ двухшереножнымъ строемъ вытянулись двойные, вертикальные прессы.

Раскаленную болванку, буквально напоминающую полѣно-кругляшъ, опускаютъ въ цилиндръ этого пресса... Съ визгомъ, пронзительнымъ до бабьяго крика, опускается поршень и черезъ минуту передъ вами, по бетонному полу, катится уже не болванка, а какое-то грубое подобіе шрапнельнаго стакана: внутренность болванки вдавлена глубокимъ каналомъ, края обжаты, и отъ нихъ, по мѣрѣ того какъ тускнѣетъ жаръ, тонкимъ слоемъ опадаетъ сизо-бурая окалина...

Тутъ же, рядомъ, у широкой печи, между ея устьемъ и огромными баками съ проточной водой, всегда одина-

ковой температуры, вертится баба въ ситцевомъ платьѣ, съ высоко подоткнутой юбкой, въ цвѣтистомъ платкѣ, повязанномъ «ушами»—будто сейчасъ съ сѣнокоса.

Обмотавъ руки грязнымъ тряпьемъ, она рѣшительно подхватываетъ щипцами катящуюся къ ней подъ ноги прессованную болванку и быстро бросаетъ въ огонь. Оттуда вынимаетъ другую и бережно погружаетъ въ бакъ, во весь ея ростъ, и снова опускаетъ щипцы, чтобы схватить на полу новую болванку, уже докатившуюся, искрясь, отъ пресса къ ея мускулистымъ ногамъ.

— У васъ и раньше здѣсь бабы работали?

— Нѣтъ... Только теперь... А что?

— Ловко работаетъ...

— Привыкла.

А когда бабѣ было привыкнуть? Бабье ли дѣло стряпать снаряды? «Родственное» для нея здѣсь одно: широкая, разлатая печь, да неугомонное пламя—будто подъ Пасху, когда дома пекутъ куличи...

Въ сторонѣ слышится стукъ.

— Хотите взглянуть на поковку?

Идемъ на звукъ. Между двумя каменными стѣнами, подпертыми могучими контрфорсами, грузно повисъ паровой молотъ. Широкоплечій, тяжелый, онъ высоко поднятъ надъ своей наковальней, около которой, повинуясь двумъ жидкимъ ребятамъ, хлопочетъ другой механическій труженикъ,—кранъ. Онъ приволокъ сюда накаленную докрасна болванку полевого орудія.

Положили ее. Взвизгнуло что-то и грузно ударило, съ дьявольскимъ грохотомъ. Видно, какъ съ всплесками искръ полетѣла окалина... Болванка сжалась... Новый ударъ и новые всплески огнистыхъ осколковъ... А когда то, что звали раньше болванкой, кранъ опять поволокъ куда-то въ сторону,—оно уже имѣло грубый абрисъ тѣла орудія...

Даже пропитанный углемъ и дымомъ воздухъ кажется раемъ послѣ этого моря огня, грохочущихъ ударовъ и пронзительнаго визга прессовъ, наводящаго на мысль, что даже машина рождаетъ свое дѣтище въ мукахъ...

— Видите это зданіе?

— Тоже мастерская?

Инженеръ громко засмѣялся.

— Здѣсь еще лѣтомъ былъ прудъ!

— Какимъ образомъ?

— Очень просто. Былъ прудъ, но отъ насъ потребовали большей работы и вотъ результатъ. Прудъ мы засыпали, вонъ тамъ за угломъ еще видны его остатки,—видите,—мерзлая штука.

— Да, да...

— А на засыпанномъ мѣстѣ построили новыя мастерскія.

По наружному виду, онѣ ничѣмъ не отличаются отъ старыхъ. Тѣ же каменныя стѣны, тѣ же контрфорсы, та же стеклянная крыша. Только копоть, покамѣстъ, не вездѣ еще успѣла лечь ровнымъ, несмываемымъ слоемъ.

Внутри,—это техническій салонъ. Правильными рядами тянутся станки. На нѣкоторыхъ изъ нихъ иностранная марка: новое звено въ цѣпи союза, подъ знакомъ креста и желѣза.

— А вотъ и хозяинъ этого мѣста,—говоритъ инженеръ, указывая на своего товарища, шедшаго къ намъ навстрѣчу.—Все это дѣло его рукъ и энергіи. Все, что вы здѣсь видите, создано имъ.

А самъ виновникъ этого чуда—небольшого роста, бѣлокурый, съ типичнымъ лицомъ русскаго сѣверянина, конфузливо смотритъ на насъ, какъ будто извиняясь, по русской привычкѣ, за талантливо сдѣланное огромное дѣло.

Святая скромность! Сколько нѣмцевъ сдѣлало въ Россіи карьеру на этой извѣчной чертѣ славянина!

Въ новой мастерской, послѣ грохота кузницы, отдыхаешь душой. Шумъ приводовъ, вертящихся колесъ и характерное поскрипываніе сверлъ—кажутся, послѣ адскаго шума, журчаньемъ лѣсныхъ ручейковъ.

— Здѣсь производится вся отдѣлка орудій...

— А отчего здѣсь такая масса болванокъ?

— Вамъ, вѣроятно, кажется, что мы не справляемся?—смѣется инженеръ.—Въ этой массѣ болванокъ секретъ нашего успѣха. Только благодаря этому запасу матеріала, у насъ никогда ни одинъ станокъ не стоитъ. Мы работаемъ 24 часа въ сутки... Взгляните сюда...

Мы подошли къ большому горизонтальному станку. На немъ въ цѣпкихъ тискахъ зажата кованая болванка. Со всѣхъ сторонъ ее плотно охватили стальные рѣзцы, быстро вращающіеся въ разныя стороны. Почти безъ шума, они сдираютъ съ нея всѣ излишки противъ установленной проектомъ профили. Въ обѣ стороны непрерывно падаютъ длинныя ленты стальной, плотно скрученной стружки.

— Вся работа на маслѣ,—поясняетъ инженеръ.—Съ другой стороны посмотрите.

Захожу и дивлюсь. По одну сторону рѣзцовъ—передо мной почти безформенная, грубая болванка, а по другую—безукоризненно плотная, блестящая, точно выточенная форма... Пока еще не пушка, но до нея уже не далеко. Сейчасъ ее переложатъ на сосѣдній станокъ, и она станетъ пушкой. Въ ея каналъ войдетъ длинный, рѣжущій поршень и, по мѣрѣ того, какъ онъ будетъ выходить, на поверхности канала все рѣзче и полнѣе будутъ выступать нарѣзы.

Теперь—это тѣло орудія!

Въ разныхъ углахъ, не затухая, кипятъ тысячи другихъ работъ. Дѣлаютъ прицѣлы, цѣлики, цапфы, лафеты, оси, втулки, вывѣряютъ каждый вновь прорѣзанный жолобъ. Вывѣренныя части складываютъ въ кладовыя, отбирая все, въ чемъ есть ничтожная погрѣшность, въ бракъ.

— Неужели чрезъ всѣ эти станки надо пропустить каждое орудіе?

— Конечно...—смѣется инженеръ.—Вотъ посмотрите, онъ протянулъ мнѣ какую-то гнутую стальную планку, съ множествомъ разныхъ пазовъ и жолобовъ.—Это одна изъ частей орудійнаго затвора, она прошла три тысячи операцій...

— То есть?

— Каждый проходъ въ станкѣ мы называемъ операціей. Значитъ, надъ этой планкой произведено до сихъ поръ три тысячи разныхъ обрабатывающихъ ее дѣйствій.

Гдѣ-то надъ головой скрипитъ мостовой кранъ. Поднимаю голову и вижу, какъ надъ нами, подъ самой стеклянной крышей, «ѣдетъ» на кранѣ собранная, совершенно готовая пушка.

— Куда это ее?—спрашиваю я, удивляясь, какъ ловко ее подцѣпили: двѣ лямки за оси, третья подъ хоботъ лафета; пушка виситъ свободно, ровно и плавно покачиваясь на толстой цѣпи.

— Въ конецъ мастерской. Провѣрять прицѣльную линію.

— А если она не вѣрна?

— Этого не можетъ быть. Вы же видѣли, что у насъ каждая операція вывѣряется отдѣльно, математически точно. Возможны только ничтожнѣйшіе дефекты сборки. Но, вѣдь, и она тоже вывѣряется.

— Хотите взглянуть выдѣлку шрапнели? Пойдемте въ сосѣднюю мастерскую.

Сосѣдство оказывается довольно условнымъ. По нашимъ, обывательскимъ, представленіямъ это значило бы перейти въ слѣдующій корпусъ, а на заводѣ это значитъ пройти цѣлый рядъ корпусовъ и перейти въ сосѣднее «про-

изводство». Идемъ долго, минуя краны, вагоны, платформы, два или три коротышки-паровоза заводской дороги и, наконецъ, попадаемъ въ шрапнельную.

Здѣсь тоже правильные ряды станковъ. Около каждаго горы запаснаго матеріала, т. е. болванокъ, переходящихъ со станка на станокъ для новой операціи, послѣ тщательной провѣрки только что пройденной.

Интересно пройти вдоль всѣхъ. На первомъ—простая, черная болванка, на второмъ она уже блеститъ, ей придана профиль шрапнели. Дальше на ней появляется шлифовка, вырисовывается оживальная часть головы, врѣзываются пазы, гнѣзда для пояска. Гдѣ-то въ сторонѣ выдѣлываются внутреннія части. И когда мы подходимъ къ концу, передъ нами открывается огромный залъ, сплошь залитый электрическимъ свѣтомъ и заставленный длинными оцинкованными столами. Здѣсь сборка и сдача готовой шрапнели артиллеристамъ.

Какъ должно радоваться ихъ сердце, когда ежедневно передъ ними раскладываютъ здѣсь, на столахъ, правильными рядами, сотни и тысячи готовыхъ снарядовъ!

Какое богатство!

И здѣсь, какъ вездѣ,—громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится. Грянула война и начались чудеса. На мѣстѣ пруда работаетъ мастерская, на пустомъ мѣстѣ выросли станки, вмѣсто десятковъ выбрасываются тысячи предметовъ, явилась новая организація труда, рождаются новыя изобрѣтенія... И изобрѣтаютъ всѣ, каждый «по своему дѣлу»,—и инженеры, и рабочіе... Мысль всѣхъ мобилизована, занята побѣдой.

— Это еще не все... вотъ наша гордость, дѣйствительно, съ гордостью говоритъ инженеръ, любовно поглаживая широкой ладонью блестящее колесо огромнаго станка.

— А въ чемъ же дѣло?

— Взгляните марку.

Смотрю и вижу марку того завода, который осматриваю.

— Вашей постройки станокъ?

— Доморощенный!

— Раньше не дѣлали?

— Надобности не было. А теперь,—онъ улыбнулся,— закажите все, что угодно, сдѣлаемъ! Знаете, какъ всегда, въ техникѣ важно преодолѣть инерцію, уйти съ мертвой точки, а дальше все движеніе есть лишь вопросъ ускореній...

Ѣдемъ назадъ по тѣмъ же аллеямъ, окутаннымъ облаками чернаго, угольнаго дыма. Около большого деревяннаго зданія цѣлая толпа бабъ. Однообразно, въ общемъ, одѣтыя, въ платкахъ, онѣ терпѣливо жмутся въ очереди, на морозѣ, передъ завѣтной дверью, надъ которой видна широкая бѣлая вывѣска:

«Государственная сберегательная касса».

Очевидно, и здѣсь, какъ въ техникѣ, важно только одно: сойти съ мертвой точки, а остальное... вопросъ ускореній.

„Пятерка“.

По всему фронту дивизіи велось сильное наступленіе. Съ шести часовъ утра и до четырехъ часовъ дня, пѣхота шла впередъ подъ сильнѣйшимъ огнемъ артиллеріи. Нѣмцы и австрійцы, вперемѣшку занимавшіе сильно укрѣпленную позицію, не выдержали этого напора и начали отступать.

Съ артиллерійскаго наблюдательнаго пункта было ясно видно, какъ узкими, прерывчатыми змѣйками, тянувшимися на западъ, обозначался отходъ противника.

Артиллеристы не зѣваютъ и скоро наша великолѣпная фугасная бомба врѣзалась въ самую гущу отступавшихъ нѣмцевъ. Не успѣлъ еще разсѣяться дымъ разрыва, какъ въ воздухѣ защелкала тяжелая шрапнель. Въ отступленіи противника уже почувствовался безпорядокъ.

Пѣхота «нажала»—и обѣ линіи нѣмецкихъ окоповъ скоро оказались въ ея рукахъ. Только на лѣвомъ флангѣ, въ серединѣ лѣваго участка маленькимъ островкомъ, еще не дававшимся въ руки нашей пѣхотѣ, оставалась деревня М—ка, которую всѣ отлично знали благодаря небольшому курьезу. Когда объ атакѣ еще только шли разговоры, да предположенія, въ кругу офицеровъ, изучавшихъ карту, возникъ споръ, какъ обозначать въ донесеніяхъ маленькую горку около этой деревни.

— Пятеркой,—сказалъ кто-то.

— Почему?

— Видите, на двухверсткѣ въ этомъ мѣстѣ надпись М—ка, а подъ ней жирная цифра 5, какъ разъ на горизонтали горы.

Такъ ее и назвали «Пятеркой», хотя эта цифра подъ надписью имѣла и свое прямое назначеніе—указывать число дворовъ въ деревнѣ. Курьезнѣе всего, что когда эта «Пятерка» появилась въ донесеніяхъ, въ штабѣ ее перекрестили въ «высоту съ отмѣткой пять». Но въ строю ее попрежнему звали «Пятеркой».

Она-то и не давалась пѣхотѣ въ теченіе цѣлаго дня. Покрытая мелкимъ кустарникомъ и лѣсомъ, перерѣзанная съ западной стороны нѣсколькими лощинами, эта горка давала нѣмцамъ отличное укрытіе и безграничный обзоръ и обстрѣлъ подступовъ къ ней.

На нее рѣшено было вести отдѣльную атаку. Батальонъ пѣхоты, сильно подержанный артиллеріей, двинулся на нее шаговъ съ трехсотъ. Это пространство ему удалось пройти часа въ два. Такъ силенъ былъ огонь пулеметовъ, сосредоточенныхъ здѣсь въ очень большомъ количествѣ. Правда, когда «Пятерка» все-таки была взята, добрая треть этихъ пулеметовъ досталась намъ, въ качествѣ трофеевъ, но идти подъ ними было тяжело. Утомленная боемъ, пѣхота остановилась. Было разрѣшено устраиваться на новой позиціи, такъ какъ дальнѣйшее продвиженіе впередъ не только требовало бы новыхъ жертвъ, но и придавало бы нашему фронту черезчуръ выступающее положеніе.

Нѣмцы, однако, очищая «Пятерку», далеко не отошли.

Они закрѣпились по берегу ближайшей лощины. Между ними и нами густой кустарникъ и лѣсъ, сквозь который ночью ничего не разобрать. Принялись окапываться. Установили связь, выслали секреты, дозоры. Послали санитаровъ убрать раненыхъ.

Наступила тишина.

Слѣдующую ночь рѣшили посвятить усиленію позиціи. Осмотрѣвшись за день, рѣшили прежде всего поставить проволоку передъ своимъ окопомъ. Потребовали саперъ и съ темнотой начали работу. Напуганные атакой и ожидая ея продолженій, нѣмцы нервничали. Стоило березамъ зашумѣть вѣтвями отъ вѣтра, какъ поднималась ужасная трескотня и сыпался цѣлый дождь свѣтящихъ ракетъ, отъ которыхъ становилось свѣтло, какъ вечеромъ на Невскомъ.

Ни о какой ходьбѣ не могло быть рѣчи. Саперы рѣшили, что «Пятерка» — «гиблое мѣсто», и повели работу съ большой осторожностью.

Ползкомъ, на ходу разматывая клубки, они потащили вдоль окопа колючую проволоку, оплетая ею стволы деревьевъ, пни и даже кусты. Ни одного слова не проронилъ ни одинъ изъ нихъ во время работы. Къ разсвѣту нѣкоторое подобіе загражденія уже было. Ползкомъ подобраться къ окопу было нельзя.

Слѣдующей ночью его усилили, забрасывая промежутки между проволокой «ежами»—металлическими шарами съ длинными и прочными иглами, смотрящими во всѣ стороны. «Отношенія» оставались прежними. Изъ окоповъ нельзя было высунуть носа—сейчасъ же поднималась бѣшеная пальба.

— Хорошо бы намъ фугасы поставить...—мечтательно намекаетъ ротный командиръ, занимающій «Пятерку».

— Гдѣ?

— Хоть бы на флангахъ.

— Обходовъ опасаетесь?

— Мало ли что можетъ случиться...

— Попробуемъ...

Слѣдующей ночью пришли съ готовыми зарядами. Но какъ рыть зарядныя камеры? На правомъ флангѣ до противника не больше трехсотъ шаговъ. До сосѣдней

роты такой же промежутокъ по фронту. Всю ночь свѣтло отъ ракетъ, а закрытій никакихъ.

Опять ползкомъ пробираемся къ мѣсту работъ. И вотъ, лежа то на боку, то на животѣ, совершенно чуждымъ для саперъ пріемомъ самоокапыванія, люди вырыли четыре ямы. Чуть ли не по-минутно работу приходится прерывать. Каждый ударъ лопаты, отлично слышный у нѣмцевъ, вызываетъ въ нихъ подозрительность и влечетъ за собою трескотню.

Пошли за зарядами. Поднесли ихъ, вѣрнѣе, подтащили волокомъ, въ глубокой тиши. Но, когда начали ихъ ставить, оказалось, что одного унтеръ-офицера и сапера, ходившихъ за проводомъ—нѣтъ. Думали-гадали, но въ концѣ концовъ взяли другую катушку. Четыре фугаса готовы. Отползли назадъ.

Но человѣкъ ко всему привыкаетъ. Привыкли они и къ «Пятеркѣ». За двѣ недѣли ее укрѣпили и, по мѣрѣ того, какъ росли укрѣпленія, росла и увѣренность за завтрашній день. Теперь здѣсь уже были бойницы, козырьки, блиндажи, хорошая проволочная сѣть. Недоставало одного—хода сообщенія въ тылъ. И вотъ его начали строить. Къ востоку отъ «Пятерки» мѣстность понижается, потомъ опять переходитъ въ холмы, которые тянутся вдоль фронта. Чтобы сдѣлать сообщеніе съ «Пятеркой» безопаснымъ, приходится прорѣзать ходами и эти холмы. Получается огромная работа—отрывка каналовъ въ два съ половиной аршина глубиной на длину до версты. Но на нее рѣшились.

Первыя двѣ ночи работалось хорошо. Нѣмцы особенно не безпокоили. Но на третью, когда работа уже подходила къ концу и оставалось сомкнуть въ серединѣ отрывку, начатую съ концовъ,—они, будто, сбѣсились.

Около полуночи, сразу съ двухъ сторонъ, работы освѣтили прожекторы. Въ ихъ лучахъ, какъ мухи на сметанѣ, обрисовались и рабочіе и саперы. Все залегло. Въ ту же

минуту, вдоль этихъ предательскихъ лучей зарокотали пулеметы.

Слышно было, какъ потокомъ пуль рѣзало гребень свѣжей насыпи, какъ разлетавшіеся комочки земли шлепались по спинамъ притаившихся людей. А сверху съ трескомъ и визгомъ рвалась шрапнель. Волей-неволей работу пришлось кончить.

— Ишь, черти!—ругались рабочіе, отходя къ резервамъ.—Никогда не дастъ обстроиться: пройди-ка теперь днемъ на эту «Пятерку», когда онъ такую музыку заведетъ!..

Но ходить не пришлось... Съ разсвѣтомъ начался обстрѣлъ окоповъ чемоданами, скоро разгорѣвшійся въ бой по всей линіи. А послѣ него «Пятерка» сама была уже въ тылу, утративъ всякое обаяніе.

Хитрячки.

Въ огромномъ лѣсу, растянувшемся на нѣсколько верстъ по фронту, уже нѣсколько недѣль кипѣли бои. Слѣды ихъ видны повсюду. Кучи стрѣляныхъ гильзъ, рваные подсумки, обломки двуколочныхъ колесъ, нѣмецкія каски—все это въ безпорядкѣ разбросано по всему лѣсу. У дорогъ небольшіе холмы, съ простыми, деревянными крестами. Кресты разные: восьмиконечный—«нашъ» и четырехконечный—«ихъ». Такова традиція въ нашемъ корпусѣ. Надписи на крестахъ одинаково кратки:

«...полка 112 нижнихъ чиновъ, павшихъ въ бою 19-го августа...»

«...германской гвардейской резервной бригады 4 офицера, 316 нижнихъ чиновъ...»

Теперь въ лѣсу тихо. Потерявъ сотни жизней въ безплодныхъ атакахъ на нашу позицію, нѣмцы отхлынули къ западу, и лѣсъ съ пріютившимися въ немъ маленькими деревнями, въ нѣсколько дворовъ каждая, превратился въ убѣжище для резервовъ, обозовъ и транспортовъ.

Деревни кое-какъ уцѣлѣли и теперь биткомъ набиты солдатами. Они заполнили все: халупы, сараи, амбары. Всюду живой говоръ, смѣхъ и гармоника.

Гдѣ-то въ тылу трещитъ пулеметъ—учатъ новыхъ наводчиковъ. Въ другой сторонѣ, гдѣ-то слѣва, стройная,

хоровая пѣсня звонкимъ эхомъ разносится по лѣсу. Это учатъ молодыхъ, а заодно «репертятъ» и стариковъ. Пополненныя части сплачиваются.

Со второго же дня съ молодыми начали занятія по «сторожевкѣ». Молодые стараются изо всѣхъ силъ.

— Господинъ взводный!

— Ну?

— Нѣмцы...

— Гдѣ?

— А вонъ вправо-то...

— Гдѣ?

— Да, вправо... Вотъ, гдѣ хибарка-то стоитъ...

— Какіе тутъ нѣмцы? Чего врать-то, съ тобой занятіе дѣлаютъ, а ты и радъ. Думаешь вправду...

— Ей-Богу, взводный, нѣмцы... Вонъ они въ кружокъ посѣли...

Взводный смотритъ по направленію маленькой избушки, въ которую воззрился «часовой».

Ему отлично видна сама хата—высокая, крѣпкая, только-что отстроенная. Виденъ ея дворъ, кишащій людьми. Взводный зорко вглядывается въ нихъ.

— Чудно! Будто и вправду нѣмцы. Каски видать очень даже свободно... Надо доложить ротному.

Ротный командиръ сначала даже сердится, но все-таки идетъ посмотрѣть на нѣмцевъ.

— Не могутъ же они сюда забраться... Отсюда до позиціи по крайней мѣрѣ верстъ шесть. Ну, гдѣ они? Показывай.

— Вонъ, ваше в—іе, сидятъ...

Офицеръ осматриваетъ хату въ бинокль.

— Да, дѣйствительно... Странно только—сидятъ въ каскахъ, а одѣты въ защитный цвѣтъ. Нѣмцы же всегда въ сѣромъ.

— Такъ точно... видать... что они, должно быть, лядащіе, такъ, какіе оставшіе отъ уборки.

— Какой уборки?

— А труповъ... Должно, ходили-ходили, да и пристали гдѣ, заблудивши...

Ротный недовѣрчиво качаетъ головой.

— Надо послать туда человѣкъ пятнадцать, пусть осмотрятъ все, да и приведутъ ихъ сюда.

— Такъ точно...

— Да скажи прапорщику, чтобы онъ тоже шелъ.

Разсыпавшись широкой цѣпью, стрѣлки подошли къ хутору, шаговъ на четыреста. Дальше начиналась открытая поляна.

Впередъ выдвигается дозоръ. При немъ офицеръ— молодой прапорщикъ, недавно пріѣхавшій изъ училища. Онъ волнуется и нетерпѣливо подвигается къ высокой, рѣшетчатой оградѣ хутора.

— Ваше б—іе, вы бы потише, а то увидятъ...

— Кто?

— А вонъ энтотъ-то... Что у воротъ стоитъ.

— Ничего...

У воротъ, выйдя на поляну, безъ винтовки стоитъ какой-то солдатъ. Средняго роста, сухощавый, одѣтый въ русскую форму. Только на головѣ у него германская каска.

— Посмотри-ка вправо, что они тамъ дѣлаютъ?—говоритъ прапорщикъ.

Дозорный поползъ и быстро вернулся.

— Ваше б—іе, они по-русски говорятъ.

— Да ну?

— Такъ точно...

Офицеръ вмѣстѣ съ дозорнымъ подползаютъ ближе.

Сквозь рѣшетины забора видно, какъ человѣкъ десять въ каскахъ сидятъ у козелка, съ навѣшеннымъ на него чайникомъ и мирно бесѣдуютъ:

— У насъ теперича уже все поубрано... По домамъ свозятъ.

— Н-да... А тутъ-то не дюже приберешь... Сколько, это, разоренія поляку надѣлано...

— Не скоро ему оправиться придется.

— И, вѣдь, вредный какой.

— Кто?

— Да нѣмецъ-то... Какъ куда вошелъ, сейчасъ первымъ дѣломъ озорничать... Это, значитъ, чтобы скотину себѣ, хатину зажечь...

— Страсть!..

Дозорный пристально смотритъ на офицера.

— Ваше б—іе, никакъ наши?

— Какъ будто бы...

— Дозвольте, я къ имъ...

— Хорошо... Я тоже пойду.

Оба встали и направились прямо къ дому. Стоявшій у воротъ человѣкъ въ каскѣ застылъ, было, отъ удивленія, но оправился и неуклюже приложилъ руку къ козырьку.

— Ты кто такой?!

— Солдатъ, ваше б—іе...

— Чего же ты въ каску-то нарядился?

— Такой ужъ случай вышелъ, ваше б—іе.

— А въ двери кто?

— Здѣсь что ль?

— Гдѣ же еще...

— Наши будутъ... Нашей, то-есть, дружины...

— Позови старшаго.

Солдатъ въ каскѣ тяжелымъ шагомъ побѣжалъ во дворъ.

— Эй, робя, скидавай каски-то... Наши пришли!—закричалъ онъ, едва успѣвъ зайти за ворота.

Старшій оказался толковѣе.

— Почему вы всѣ въ каскахъ, что вы здѣсь дѣлаете?

— Ваше б—іе... Такъ что когда наши наступленіе дѣлали на лѣсъ...

— Ну?

— Меня съ двумя отдѣленіями сюда послали. Пришли мы сюда, а тутъ, глядь, нѣмцы сидятъ. Винищемъ разитъ—потому пьяные они. Мы ихъ тутъ покончили, зарыли, да и сѣли... А оружіе и прочее забрали. Только къ вечеру слыхать намъ, что стрѣльба будто не тамъ идетъ, гдѣ бы ей надо, а въ сторонѣ совсѣмъ. Послалъ я дозоръ. Ходилъ онъ, ходилъ и ворочается. Такъ и такъ, говоритъ,—никуда намъ теперь идти невозможно.

— А что?

— Нѣмцы, значитъ, кругомъ, какъ есть, бродятъ. Только что дозоръ-то пришелъ, глядь—къ дому и нѣмцы подходятъ. Лопочутъ чего-то... А еврейчикъ тутъ у насъ есть, такъ тотъ маракуетъ по ихнему. Надѣлъ каску, пошелъ смѣло такъ прямо на нихъ, да и говоритъ: «здѣсь не шуми очень, потому-де здѣсь майоръ живетъ». Они и ушли. Тутъ мы и порѣшили—пока, значитъ, все не угомонится, будемъ тутъ сидѣть. А ежели нѣмцы и придутъ, такъ каски надѣнемъ, которыя съ убитыхъ, чтобы безъ подозрѣнія отъ нихъ...

— Ну?!

— Вчерась хотѣли на волю идти, да тихо въ лѣсу очень. Видать, что боевъ-то нѣтъ, а только чей лѣсъ-то и не знаемъ. А ну какъ вылѣзешь, а онъ нѣмецкій... Куда мы тогда дѣнемся? Пропали всѣ въ полонѣ, ни за грошъ бы пропали...

Заглядѣлся.

Наше наступленіе развивается вполнѣ успѣшно.

Безъ лишнихъ потерь, не валя валомъ, а медленно, но методично, шагъ за шагомъ мы отвоевываемъ пространство, отданное врагу, и тотчасъ же закрѣпляемъ его за собой.

Сегодня взяли нѣмецкій окопъ, а къ утру слѣдующаго дня онъ уже перелицованъ. Бруствера пересыпаны, сдѣланы траверсы, въ сторону тыла поползли причудливыя змѣйки ходовъ сообщенія.

Солдаты работаютъ усердно. Всю ночь напролетъ они копошатся въ окопахъ, роются въ плотно слежавшейся землѣ и вполголоса, съ сердцемъ, пеняютъ на «фрица».

— Хитрый чортъ сталъ... Совсѣмъ отъ рукъ отбился..

— Не хотитъ на насъ поработать. Нѣтъ того, какъ въ Польшѣ или въ Галиціи бывало...

— А что?

— Да тамъ-то, бывало, окопъ у него займешь, какъ домой пріѣдешь. Тутъ тебѣ и блиндажъ, тутъ тебѣ и козырекъ... Все честь-честью...

— А какъ у Серпца ихніе окопы побрали, такъ что въ нихъ перинъ было накладено—страсть! Спи—не хочу!

— Нонче такой моды у него нѣту. Оно, конечно, что и перинъ здѣсь, какъ въ Польшѣ-то, не найдешь, а только

насчетъ козырьковъ, да блиндажей тоже скупиться началъ...

— Давеча я ротному чай грѣлъ, они сказывали, что нѣмецъ теперь настоящую позицію въ тылу строитъ. По за Вильной гдѣ-то... А здѣсь у него такъ только... Насколько хватитъ духу высидѣть.

— Дача вродѣ...

— Ну да...

— Не по сезону нынче дача-то...

— А ему что? Они деревню разберутъ на полѣшки, ему и тепло.

— Язви его душу!..

За разговоромъ, работа идетъ незамѣтно. А тотъ ружейный огонь, который нѣмцы поддерживаютъ всю ночь, отгоняя имъ отъ себя сонъ и страхъ, пожалуй, только способствуетъ успѣху работы. Руки крѣпче впиваются въ лопату и, требуемая наставленіемъ, «грудная высота» окопа получается скорѣе.

— Навались, навались, ребятки... До свѣту кончить бы... А ужо къ вечеру за лѣсомъ пойдемъ...

— На отдѣлку...

— Извѣстное дѣло!

Такъ идетъ закрѣпленіе пространства впереди.

Неуклюжіе, грузные «таубе» и легкіе «альбатросы» стараются высмотрѣть работы.

Каждый день, едва разсѣется утренній туманъ, эти шумящія птицы, съ рыбьимъ хвостомъ, рѣютъ надъ головой, но и для нихъ, и для ихъ отваги положенъ предѣлъ, перейти который имъ не всегда удается.

Стоитъ только взлетѣть крылатому наблюдателю надъ позиціей, какъ онъ сразу оказывается въ кольцѣ разрывовъ. Бѣлые клубки, медленно расплываясь въ холодномъ воздухѣ, точно прочерчиваютъ на небѣ ихъ путь.

— Думалъ, что выгоритъ...

— А все-таки летитъ, иродъ...

— Смѣлые черти...

— Гляди, гляди, качается!

— Гдѣ качается, чего зря врать-то? Поворачиваетъ онъ...

— Куда поворачиваетъ, ишь правое крыло опустилъ!

— Свернули шею.

Но аппаратъ, къ общему разочарованію, выравнивается и уходитъ.

— Одначе, перья-то ему изъ хвоста пощипали, поди.

— Какъ не пощипать... Теперь, небойсь, будетъ остерегаться.

Нѣмецкіе летчики вполнѣ оправдали эти ожиданія.

На слѣдующій день не было ни одного полета, а черезъ день, едва разсвѣло, какъ загремѣла канонада.

Отдыхавшіе люди выскочили изъ блиндажей, бросились къ бойницамъ, но тамъ, впереди, было тихо. Высокіе разрывы и шумъ пропеллера, прорывавшійся въ короткіе промежутки между звуками выстрѣловъ и разрывовъ, скоро разъяснили причину пальбы. Высоко надъ землей летѣлъ «таубе».

Расчетъ на ротозѣйство не оправдался.

Наблюдатели зорко слѣдили за этимъ летающимъ чудовищемъ, прикрывающимся знакомъ креста у рулей.

— Хорошо бьетъ!

— Это тяжелая. Ишь дымъ-то какой, сразу видать.

— Ну да, тяжелая. Легкая-то вонъ гдѣ... ниже пошла...

— Здорово сыплютъ. Все небо обгадили...

А разрывы все кучнѣй и кучнѣй... Временами аэропланъ теряется изъ вида,—такъ близки разрывы другъ къ другу, и такъ много ихъ вспыхиваетъ сразу.

— Пропалъ... Не видать его.

— Гляди въ середину-то. Вонъ, гдѣ облачко-то расплылось.

— Ну, ничего тамъ и нѣтъ.

— Дай-ка я въ бинокль погляжу.

— Братцы, закружился, ей-Богу, закружился. Падаетъ! Робя, нѣмецъ падаетъ!

— Ура!..

Нѣмецъ, дѣйствительно, падалъ. Это былъ одинъ мигъ. Но всѣ какъ-то сразу увидѣли, что аэропланъ разломился на-двое и безсильныя крылья, лишенныя сердца и воли, кувыркаясь въ воздухѣ, пали на землю.

— Заглядѣлся, чортъ!—злорадно выругался кто-то въ окопѣ, залѣзая подъ козырекъ, къ привѣтливо мигающему костру, съ подвѣшеннымъ на проволокѣ чайникомъ.

Изъ резерва, стоящаго у второй линіи окоповъ, передали по телефону, что отъ нѣмцевъ осталось немного: на землѣ нашли только офицерскій погонъ, да какіе-то безформенные клочья, насквозь пропитанные кровью. Отъ аэроплана удалось подобрать только двѣ-три ролика, нѣсколько прутьевъ, да обломки колесъ. Остальное разбилось вдребезги. Моторъ и баки взорвались еще въ воздухѣ. Въ нихъ и угодилъ пущенный наудачу снарядъ.

Дымъ этого взрыва, сливаясь съ бѣлыми облачками шрапнельныхъ разрывовъ, медленно расплывается въ утренней прохладѣ грязновато-сѣрою мутью...

Отецъ духовный.

На большомъ привалѣ, среди запорошеннаго снѣгомъ лѣса, только что мы расположились обѣдать, мотоциклистъ изъ штаба дивизіи привезъ новый приказъ.

Направленіе марша рѣзко измѣнялось. Надо свернуть на сѣверо-востокъ и идти верстъ десять лѣсомъ, затѣмъ версты три по шоссе и здѣсь стать на ночлегъ въ большомъ селѣ. По двухверстной картѣ въ немъ сто двѣнадцать дворовъ.

Перемѣна марша производитъ сенсацію. Офицеры, собравшіеся группой вокругъ опрокинутаго ящика съ макаронами, замѣняющаго имъ обѣденный столъ, дружно «пробуютъ» солдатскую пищу и гадаютъ о причинахъ перемѣны. Предположеніямъ и спорамъ нѣтъ конца. Молодежи не терпится, и когда точно узнать истину негдѣ, ей поневолѣ приходится прибѣгать къ фантазіи.

Одинъ только Саша, самый старшій изъ прапорщиковъ, относится къ событіямъ хладнокровно. Сдвинувъ на затылокъ папаху, онъ ерошитъ выбившіеся изъ-подъ нея бѣлые волосы, кусаетъ подстриженные усы и пристально смотритъ своими красноватыми, кроличьими глазами на карту.

— Пещерный житель задумался...

— Не мѣшай.

— Что ты тамъ смотришь?

— Считаю.

— Что?

— Интересно же, Господи!... Оказывается, что новый маршъ на четыре версты короче прежняго. Полтора часа выиграли!

Всѣ смѣются.

— Это въ томъ случаѣ, если насъ поведетъ командиръ... замѣчаетъ Павлуша, жизнерадостный, вѣчно смѣющійся подпоручикъ...—А если пойдемъ съ Сашей, то окажется верстъ десять лишнихъ.

— Что за глупости,—сердится Саша.

— Какія же глупости? Помните, какъ вы, по дорогѣ въ Павлово, три раза вокругъ мельницы роту обвели?

— Нашли, что вспомнить?! Это было въ началѣ... да и дороги у Павлова такъ подло расходятся...

Саша надулся. Этотъ грѣхъ, дѣйствительно, съ нимъ случился, и никто не хочетъ его забыть, а напротивъ—при каждомъ удобномъ случаѣ напоминаютъ.

Лѣсная дорога оказалась хорошей и десять верстъ, несмотря на полно нагруженный обозъ, прошли въ два съ половиной часа. Скоро должны дойти до села, мѣста ночлега. Пора высылать телефонистовъ устанавливать связь со штабомъ дивизіи.

Достаю приказъ и, буквально, застываю отъ злости и недоумѣнія. Въ оттискѣ приказа все можно прочесть: маршрутъ, подписи, нумеръ, время разсылки въ части, но послѣдній пунктъ его предательски обрывается: «я буду, съ двухъ часовъ дня, въ господскомъ дворѣ»... А дальше, вмѣсто названія, какая-то нелѣпая складка, и на ней мазня цвѣта химическихъ чернилъ.

Саша хохочетъ.

Волей-неволей приходится искать гдѣ-нибудь по сосѣдству части своей дивизіи, и у нихъ справляться, гдѣ же помѣщается штабъ. По счастью, посланный ординарецъ докладываетъ, что въ ближайшей деревнѣ, верстахъ въ полуторыхъ, стоитъ штабъ нашего третьяго полка. Ѣду туда.

Изба, занятая штабомъ полка, чистенькая, просторная, на двѣ половины. Въ одной сжались хозяева, дѣдъ съ бабкой, зятья, невѣстки, ребята, а другую отдали «господамъ». Въ красномъ углу, сплошь завѣшанномъ образами и олеографіями, съ изображеніемъ «божественнаго», стоитъ знамя въ черномъ чехлѣ. У окна, выходящаго въ садъ, бѣлый столъ. покрытый чистыми ручниками, съ домашнимъ кружевомъ. Командиръ и офицеры штаба пьютъ чай.

Пока я объясняю цѣль своего пріѣзда полковнику, добродушному хохлу, съ «казацкими» усами, около меня все время хлопочетъ какая-то загадочная личность. Весь въ кожѣ, маленькій, кругленькій, коротко остриженный, съ подрѣзанной бородкой и ласковымъ, пухлымъ лицомъ, на которомъ привѣтливо свѣтятся маленькіе сѣрые глаза, окруженные тонкой сѣтью мелкихъ морщинъ, незнакомецъ все время приказываетъ вѣстовымъ:

— Чайку-то, чайку-то гостю скорѣе подай... Видишь, прозябъ баринъ-то... А вы бы, вотъ,—обращается онъ ко мнѣ,—булочки-то, булочки-то отвѣдали бы... Не здѣшняя, вѣдь, она, булка-то. Изъ посылки, изъ дому... Вчера и получена только. Посмотрите, какая румяная, съ миндаликомъ, на шафранчикѣ, изъ каждой ноздри по изюминкѣ глядитъ; отвѣдайте, прошу васъ, нашимъ всѣмъ очень понравилась булочка-то...

Потомъ опять на вѣстовыхъ:

— Что же вы барину-то кружку какую подали? Весь краешекъ выщербленъ, губы только рвать ей... Стаканчикъ бы какой дали...

— Да стакана-то...—заикнулся было вѣстовой, но незнакомецъ торопливо его перебилъ:

— Помолчи, помолчи; родименькій... Въ чемоданѣ у меня на донышкѣ, съ правой стороны, въ футлярчикѣ, граненый такой, стаканчикъ есть.... Дай-ка его сюда.

— Да вы не безпокоились бы....

— Погоди, отецъ, твоя рѣчь впереди, — сразу переходя на ты, перебилъ меня незнакомецъ,—покамѣстъ гостемъ будешь, нашему уставу не перечь. А хозяиномъ придешь—браги попросимъ.

Этотъ незнакомецъ мнѣ положительно нравился. Хлопотливый, заботливый, всѣхъ старающійся обогрѣть и напитать, чѣмъ Богъ послалъ, онъ, несмотря на свою суетливость, производилъ впечатлѣніе человѣка глубокаго душевнаго мира.

— Кто это?—спросилъ я полковника, когда незнакомецъ вышелъ въ сѣни.

— Батюшка нашъ полковой.

— Батюшка?—удивился я.

— Непохожъ развѣ?—такъ же ровно, съ характернымъ говоромъ на о, спросилъ батюшка, возвращаясь въ горницу и сразу подхватывая мой вопросъ...

— Непохожи.

Батюшка улыбнулся.

— Съ непривычки это отецъ... Потомъ обойдешься... Мой-то вонъ,—онъ кивнулъ на полковника,—когда я къ нему пріѣхалъ, тоже отъ меня шарахался. «Какой, говоритъ, ты попъ, ты, говоритъ, нечестивецъ... Нѣшто гдѣ показано, говоритъ, попу въ кожаныхъ портахъ ходить»... А я ему тогда же и говорю: погоди, отецъ, коли всѣхъ по портамъ мѣрять начнешь, недалече уѣдешь. Ну, онъ и смирился. А потомъ обжились. такъ онъ ужъ теперь про порты-то молчитъ. Только по субботамъ спрашиваетъ, въ которомъ, молъ, часу всенощная... И молится, по хорошему.

Перемѣна движенія вызывалась, какъ мы послѣ узнали, ожиданіемъ нѣмецкой атаки на одинъ изъ сосѣднихъ участковъ и нашу дивизію спѣшно подтянули къ пункту ожидаемаго удара, въ видѣ резерва. Событія развернулись иначе. Нѣмцы съ атакой запоздали, и намъ было приказано самимъ атаковать ихъ. Боевые участки сократились, нашу дивизію ввели въ линію наступленія, и передъ разсвѣтомъ батальоны пошли.

Бой выдался на рѣдкость упорный. Сосредоточивъ массу пулеметовъ, нѣмцы отбивались отчаянно, и наши цѣпи не разъ залегли. Наступило утро. Явилась возможность развить артиллерійскій огонь, и батареи выѣхали на позиціи ближняго боя.

Подъ прикрытіемъ бѣглаго артиллерійскаго огня, пѣхота быстро начала продвигаться. Съ наблюдательнаго пункта, пріютившагося на чердакѣ усадебнаго дома, въ трубу отлично видна вся картина сраженія.

Невысокая, увалистая гряда песчаныхъ холмовъ, прикрытыхъ снѣгомъ, занята противникомъ. Видны только передовые окопы германцевъ. Непосредственно за холмами тянутся двѣ большія рощи, промежутокъ между ними занятъ большой деревней. Все это отлично скрываетъ отъ насъ всѣ передвиженія германскихъ резервовъ. Тяжелыя батареи уже обстрѣливаютъ и обѣ рощи, и деревню по площадямъ. Легкая засыпаетъ шрапнелью окопы, а пѣхота дружно наступаетъ цѣлыми рядами цѣпей, двигающихся одна за другой.

Видно, какъ онѣ залегаютъ, встаютъ, какъ, подъ бѣлыми облаками шрапнельныхъ разрывовъ, нѣтъ-нѣтъ, да и перевернется одинъ-другой стрѣлокъ, какъ около него возятся санитары, выносятъ...

Рядомъ съ одной изъ цѣпей рѣзкимъ чернымъ пятномъ выдѣляется на бѣломъ снѣгу какая-то фигура. Всматриваюсь въ большую трубу и узнаю въ этой фигурѣ батюшку.

Не отставая отъ цѣпи ни на шагъ, онъ идетъ за ней, въ полный ростъ, не сгибаясь, въ своемъ черномъ, кожаномъ костюмѣ, не обращая вниманія ни на шрапнель, ни на пули.

Упадетъ кто-нибудь и батюшка бѣжитъ къ нему, наклоняется надъ раненымъ, возится около него, накладывая повязку, напутствуя умирающаго. Управится съ нимъ, переходитъ къ другому, подвигаясь все дальше и дальше впередъ, вслѣдъ за цѣпью.

Долго продолжалась атака, но къ вечеру германскіе окопы были взяты и бой затихъ.

Батюшку я увидалъ лишь на слѣдующее утро. Надѣвъ епитрахиль, замѣнивъ солдатскую папаху скуфьей, онъ шелъ къ братской могилѣ. Лицо его было грустно, и мнѣ показалось осунувшимся. Я пошелъ за нимъ. На фронтѣ рѣдкій ружейный огонь. А здѣсь, у перекрестка дорогъ, вырыто четыре братскихъ могилы для стрѣлковъ, а у нихъ «въ головахъ» одна—офицерская. Могилы еще открыты и поблѣднѣвшія, землистыя лица убитыхъ, у иныхъ сплошь закрытыя налетомъ смерзшейся крови, видны хорошо.

«... Во блаженномъ успеніи вѣчный покой подаждь, Господи, рабамъ Твоимъ, воинамъ, на полѣ брани за вѣру, Царя и отечество животъ свой положившимъ...»—плачущимъ голосомъ, нараспѣвъ возглашаетъ батюшка, поминая всѣхъ убитыхъ поименно, и крупныя слезы бѣгутъ по его полному лицу, складывающемуся въ невольныя, скорбныя морщины...

На взятой у нѣмцевъ позиціи рѣшено задержаться. Укрѣпляемъ ее при каждомъ перерывѣ огня, работая въ четыре смѣны, круглыя сутки. Проѣзжая съ позиціи, послѣ осмотра работъ, домой, вижу, что на домѣ лѣсничаго, стоящаго у самаго шоссе, уже появился большой бѣлый флагъ съ краснымъ крестомъ.

— Чей здѣсь перевязочный пунктъ?—спрашиваю попавшагося навстрѣчу санитара.

— Третьяго полка.

— Кто же здѣсь есть?

— Оба доктора здѣсь, ваше в—іе, да батюшка.

Разъ батюшка здѣсь, думаю, надо зайти. Но въ домѣ его нѣтъ. Выхожу во дворъ. Оказывается, онъ бродитъ по занесенному снѣгомъ огороду и что-то высматриваетъ. Одѣтъ, какъ всегда, въ черную кожу, на головѣ сѣрая, солдатская папаха, на лѣвомъ рукавѣ повязка Краснаго Креста.

— А, отецъ, мнѣ тебя-то и надо,—обрадовался батюшка.

— Въ чемъ дѣло?

— Ты бы, отецъ, блиндажъ мнѣ здѣсь построилъ, вотъ что... Я ужъ и мѣстечко для него приглядѣлъ.

— Что ты, батя, на что тебѣ блиндажъ?

— Жить буду.

— А въ домѣ-то что же?

— Нехорошо.

— Отличный домъ. Я сейчасъ въ него заходилъ.

— Господь съ нимъ. Мнѣ тамъ нехорошо.

— Да почему же?

— Неспокойно очень.

— А въ атаку ходилъ, такъ спокойно было?

— Атака это дѣло особенное. Тамъ мнѣ не боязно, потому я при своемъ дѣлѣ тамъ, отецъ, я священствую... Кого перевяжешь, кого напутствуешь, кого и причаститься Господь удостоитъ. Тамъ, отецъ, страху и быть не откуда.

— А тутъ?

— А тутъ, отецъ, я дома. На позиціи-то утомишься, тутъ и чайку попить захочется, а какой же тебѣ чай, когда и снарядъ рядомъ рвется, и наша стрѣляетъ такъ, что окна дрожатъ... Опять же соснуть попу надобно... Ужъ будь, отецъ, милостивъ—построй....

Блиндажъ батюшкѣ построили скоро. Солдаты его любятъ и для него работаютъ съ особеннымъ усердіемъ. Блиндажъ вырыли глубокій, большой, одѣли внутри досками, приладили кровать, печку сложили и батюшка не нахвалится новосельемъ.

— Вотъ, отецъ, удружилъ, такъ удружилъ... Теперь сижу я у себя подъ землей, какъ на лонѣ Авраамовомъ. Тепло, свѣтло, просторно... Артиллерія палитъ по чемъ зря, а мнѣ и горюшки мало: пью чаекъ и ухомъ не поведу...

Батюшка, изъ скромности, не договариваетъ, что стоитъ только хоть одной ротѣ пойти въ атаку, даже съ развѣдывательной цѣлью, какъ онъ бросаетъ и свой чаекъ, и прекрасный блиндажъ.

Онъ опять идетъ съ цѣпью, перевязываетъ раненыхъ, напутствуетъ умирающихъ, а на другой день безутѣшно плачетъ, творя чинъ отпѣванія надъ братской могилой.

Впередъ.

Къ пяти часамъ стало замѣтно темнѣть.

По открытой полянѣ, раздѣляющей наши и нѣмецкіе окопы, сплошь покрытой налетомъ пушистаго снѣга, поползли синеватыя тѣни.

Тамъ, за ней, гдѣ сейчасъ едва виднѣется старая изгородь изъ дикаго камня и жидкимъ рядомъ тянутся тощія березы, укрѣпились нѣмцы. Но въ предвечернемъ сумракѣ ихъ окопы совершенно слились съ длиннымъ рядомъ амбаровъ и сараевъ и ихъ не видно.

Въ занятой ими деревнѣ мертвая тишина.

У насъ тоже тихо. По ходу сообщеній можно дойти до самаго окопа и не замѣтить ни малѣйшаго признака жизни. Зато войдя въ окопъ, сразу чувствуешь начинающееся оживленіе.

Завернувшись съ головой въ полотнища походныхъ палатокъ, стрѣлки вылѣзаютъ изъ глубокихъ, тѣсныхъ блиндажей и группами, по двое, по трое расходятся по окопу. Изъ-за каждаго угла, поворота, изъ-за каждаго траверса, поперекъ рва, тянутся длинныя солдатскія ноги; прижавшись спиной къ внутренней крутости бруствера, они мирно бесѣдуютъ, сидя на днѣ рва и попыхивая короткими цыгарками, пока земляки грѣютъ чай.

Вырубивъ лопатой узкія ниши въ тыльной отлогости рва, стрѣлки складываютъ на днѣ этихъ нишъ костры изъ обрубковъ и валежника, а на верху на палки подвѣшиваютъ чайники и котелки. И скоро вся линія окопа начинаетъ дымиться. Нѣмцы, очевидно, заняты тѣмъ же. Только они еще меньше заботятся о скрытности и ихъ фронтъ обозначается яркой, розовато-сизой полосой дыма, окрашеннаго пробивающимся пламенемъ.

Гдѣ-то въ тылу слышенъ лязгъ запряжки.

— Кухни ѣдутъ.

— Эй, кто съ котелками, вылѣзай, что-ли...

Темныя фигуры, похожія на капуциновъ, снова лѣзутъ въ блиндажи. Обѣдъ получаютъ на двоихъ. Одинъ грѣетъ въ своемъ котелкѣ кипятокъ для чая, другой бѣжитъ со своимъ за щами.

Кухня—это солдатская газета и почта. Она стоитъ при обозѣ перваго разряда, у штаба полка и весь ея штатъ—кашевары, каптенармусъ, артельщикъ всегда въ курсѣ несложныхъ новостей окопной жизни. Они же и окопные почтальоны, черезъ которыхъ въ окопы посылаютъ изъ канцеляріи письма, посылки, покупки, заказанныя наканунѣ.

Пока раздаютъ обѣдъ, фельдфебель выспрашиваетъ артельщика.

— Ну, что, Дмитрій Ивановичъ, какъ у васъ?

— Говорили, будто сегодня наступать приказано.

— Серьезно?—и фельдфебель сразу принимаетъ озабоченный видъ.

— Командира полка въ штабъ дивизіи вызывали. Ѣздилъ съ адъютантомъ. Мы сюда уѣзжали, такъ они еще приказъ писали.

— Одному нашему полку наступать?

— Зачѣмъ? Говорятъ, что по всей арміи такой приказъ вышелъ.

— Всѣ, стало быть, идемъ, валомъ...

— Ну, всѣ, что ли? Эй, Сидорчукъ, пошукай-ка тамъ, кто еще щей не бралъ, да караульнымъ, да на расходъ оставить... Возьми тамъ у меня въ землянкѣ ведро стоитъ... Придутъ—согрѣютъ...

Въ большомъ блиндажѣ батальоннаго командира собрались командиры ротъ. Одинъ—прапорщикъ изъ нижнихъ чиновъ, съ большими черными подусниками, одинъ народный учитель и третій адвокатъ, упорно не желающій разстаться съ значкомъ своей профессіи, который онъ всегда носитъ, даже на шинели.

— Значитъ, все ясно, господа? Роты наступаютъ вмѣстѣ. Пафнутій держитъ связь со вторымъ батальономъ, а адвокатъ съ третьимъ. Четвертый стоитъ прямо за нами въ резервѣ. Начало атаки по моему приказанію. Артиллерія откроетъ огонь въ три часа. Есть?

— А если мы увидимъ, что правѣе или лѣвѣе насъ уже пошли, а отъ васъ приказанія еще нѣтъ?

— Экій чудакъ! Вотъ, любятъ эти адвокаты разговаривать! Лучше бы уставъ вмѣсто значка съ собой носили... Вѣдь вы связь съ сосѣдями держите?

— Держу.

— Могутъ они куда-нибудь идти, не извѣстивъ васъ объ этомъ?

— Извиняюсь... Я упустилъ это изъ вида.

— О чемъ же вы толкуете? Только, господа, для связи выберите людей сами.

— Андрей Трофимовичъ, вы не знаете, почему, собственно, мы сегодня наступаемъ?

— Люблю за понятливость! По вашему, какъ воевать надо, зарылся и сиди?

— Нѣтъ... Я хотѣлъ бы знать, чѣмъ это вызвано? Мы имѣемъ какія-нибудь свѣдѣнія о противникѣ?..

— Очевидно...

— Какія же?

— Вчера во второмъ полку взяли нѣмецкій секретъ. Плѣнные показываютъ, что сегодня въ четыре часа нѣмцы начинаютъ подготовку своей атаки.

— Слѣдовательно, мы ихъ предупреждаемъ своимъ ударомъ?

— Молодецъ, адвокатъ! Тонко тактику знаетъ. Ну, господа, расходитесь по домамъ, отдыхать надо...

Въ лѣсу еще темнѣе, чѣмъ въ окопѣ.

Сюда, съ позиціи дальняго боя, на высоту батальоннаго резерва, переѣхала тяжелая батарея. Директрисы стрѣльбы провѣрены днемъ, и теперь фейерверкерамъ остается только найти свои вѣхи и накатать орудія. Узкіе лучи электрическихъ фонариковъ рыскаютъ между кустовъ и деревьевъ. Въ сторонѣ слышенъ сдержанный говоръ. Это пѣхотное прикрытіе, привлеченное къ установкѣ орудій.

— Давай вторую!—командуетъ фейерверкеръ.

— Есть вторую,—глухо отвѣчаетъ нѣсколько голосовъ сразу, и по треску сучьевъ и бурелома не трудно понять, что тяжелая гаубица «ѣдетъ» на мѣсто.

— Хоть бы краешкомъ луна посвѣтила...

— Сейчасъ свою запустимъ,—отвѣчаетъ прожектористъ, пыхтя надъ установкой выдвижной башни.

Вездѣ въ окопахъ, попрежнему, тихо.

— Готовъ прожекторъ?

— Такъ точно, ваше в—іе... Можете становиться.

Офицеръ помѣщается на площадкѣ. Рядомъ съ нимъ телефонъ.

— На батареѣ слушаютъ? Андрей Петровичъ? Отлично. Сейчасъ даю свѣтъ. Прожекторъ, давай!

Широкій, конусообразный лучъ, ослѣпительно-бѣлаго свѣта, вырвался изъ лѣсной опушки.

Въ лучѣ прожектора ясно обозначилась густая колонна противника, приближающаяся къ его окопамъ.

— Стягиваются, черти!—невольно вырвалось у наблюдателя.

— Трубка 20! Огонь очередь!

— Первое!—слышна на батареѣ команда офицера.

— Орудіе!—отвѣчаетъ фейерверкеръ.

Бумъ!

Все задрожало отъ грохота. Рѣзко засвистѣлъ снарядъ, но слѣдить за нимъ некогда.

— Второе!

— Орудіе!

Новый лучъ прожектора и новая команда.

— Два дѣленія вправо, трубка 20, очередь!

— Первое!

— Орудіе!

Опять прожекторъ и опять ясная, громкая «передача» наблюдателя:

— Хорошо!

— Бѣглый!

Начинается адъ. Стрѣльба ведется «по огню». Только ухнетъ первое, какъ ему уже вторитъ другое, третье, четвертое и такъ далѣе, безъ перерыва.

Прожекторъ начинаетъ шарить по сторонамъ.

Наблюдатель дѣлится своими данными съ сосѣдними батареями, которыя тоже открыли бѣглый огонь и руководствуются его указаніями.

Сквозь густые раскаты тяжелыхъ гаубицъ гдѣ-то изрѣдка прорываются щелкающіе, какъ удары бича, выстрѣлы легкихъ орудій.

Надъ головой, съ визгомъ, проносится непріятельскій тяжелый снарядъ.

— Проснулись!

— Далеко берутъ. На старую позицію бьютъ.

— Слѣди за разрывами.

— Гляжу!

Съ воемъ и трескомъ у самой опушки разорвалась цѣлая очередь нѣмецкихъ гранатъ.

— Сволочи, по резерву палятъ.

— Въ отместку... Мы имъ сейчасъ тоже вкатимъ!

— Освѣти окопы... Осторожно, не обнажи своихъ!

Прожекторъ вспыхиваетъ яркой полосой и косымъ лучомъ медленно проходитъ по нѣмецкому тылу, постепенно приближаясь къ передовому окопу.

Ближе, ближе... наконецъ, дошелъ и поползъ по брустверу...

— Бомбой, бѣглый, трубка 16!

Снова загрохотала батарея...И въ лучѣ прожектора видно, какъ «закипѣла» земля. Легкихъ батарей уже не слышно, хотя по телефону говорятъ, что онѣ тоже стрѣляютъ.

Тяжелыя все заглушили.

Въ окопахъ мертво...

Всѣ сидятъ въ блиндажахъ. Не сумѣвъ отыскать нашихъ батарей, нѣмцы сосредоточили весь свой огонь на пѣхотѣ. Снаряды ложатся то въ ходахъ сообщенія, то у проволочной сѣти. Иногда попадаютъ прямо въ брустверъ. Два снаряда упали на покрытіе блиндажа.

Хрустнуло дерево, разлетѣлась земля, обнажились камни, которыми сверху обсыпанъ блиндажъ, но... и только. Дѣло ограничилось тѣмъ, что насадки сползли съ отлетѣвшихъ шиповъ и сѣли на землю.

— А что ежели еще разъ?

— Чего?

— Вкатитъ...

— Будетъ врать-то... Теперь за другими очередь. Въ насъ погодитъ.

Пока роты отсиживаются, наблюдатели стоятъ у бойницъ.

Въ офицерскомъ блиндажѣ затрещалъ телефонъ.

— Пятая рота?

— Да.

— Переношу огонь на нѣмецкіе окопы. Предупредите наблюдателей. Когда будетъ довольно, скажите.

— Хорошо.

Надо идти въ окопъ. Наблюдатель не оцѣнитъ этой минуты. Но видѣть почти ничего не удается. Правда, прожекторъ очень усердно «прочерчиваетъ» нѣмецкій фронтъ, но отъ десятковъ бомбъ, рвущихся здѣсь, одна за другой, ничего, кромѣ облака морозной пыли, не видно.

Снова зовутъ къ телефону.

— Вамъ видно что-нибудь?

— Нѣтъ, ничего...

— Значитъ, отсюда виднѣй... Нѣмцы выходятъ изъ окоповъ назадъ. Переношу огонь на два дѣленія впередъ.

— Намъ, пора...

— Желаю успѣха...

— Рота наверхъ!

Солдаты полѣзли изъ земли. Стукаются другъ о друга прикладами, штыками, но обычной брани не слышно. Разбираются молча. Надъ головой сплошной вихрь. Свистъ снарядовъ, нашихъ и чужихъ, не умолкаетъ ни на минуту. А кругомъ, будто степной пожаръ, охватившій весь участокъ позиціи кольцомъ, видны огненные блики ударныхъ разрывовъ.

— Взводами. Первый...

Застучали сапоги о мерзлую землю... Гдѣ-то впереди взлетѣла нѣмецкая ракета, другая, третья... Посыпались. Затрещали пулеметы.

— Второй... Ниже, влѣво, пригнись!

Влипая въ землю, люди выползаютъ на козырекъ, быстро подбѣгаютъ къ проволочной сѣти и залегаютъ.

— Сообщить резерву, что роты пошли... Пусть занимаютъ окопы. Держи связь!..

— Отнимай рогатки!

Вышли въ чистое поле...

Самый жуткій моментъ. Пока сидишь подъ обстрѣломъ въ окопѣ, чувство самосохраненія не даетъ себя знать. Сознаніе прекрасно учитываетъ, что въ такую узкую щель, какъ окопъ, попасть не легко. Если же у васъ надъ головой есть хоть какой-нибудь потолокъ, пробиваемый даже камнемъ, но закрывающій отъ васъ все окружающее,—этотъ инстинктъ угасаетъ совершенно. Даже между окопомъ и проволокой, на открытомъ мѣстѣ, вы ощущаете его очень слабо. Чувство «дома», того, что здѣсь вы еще «у себя», пересиливаетъ инстинктъ самосохраненія.

Зато, выйдя за проволоку, вы сразу чувствуете себя иначе. Здѣсь человѣкъ представляется самому себѣ такой ничтожной, мелкой песчинкой, стереть которую съ лица земли—сущій пустякъ. Но сдѣлайте нѣсколько шаговъ впередъ и это быстро проходитъ, смѣняясь рѣзкимъ, небывалымъ подъемомъ. Слышишь каждый ударъ своего пульса.

Сквозь густой грохотъ тяжелыхъ снарядовъ, сквозь рѣзкій свистъ ихъ полета особенно остро слышны ружейные выстрѣлы, поразительно отчетливъ трескъ пулемета. Въ этомъ сухомъ, равномѣрно повторяющемся звукѣ, какъ въ глазахъ змѣи, есть что-то гипнотическое. Здѣсь рождается азартъ и порывъ. Вамъ хочется «потушить» этотъ огонь, инстинктъ личнаго «я» уже не владѣетъ сознаніемъ.

Видя потери, вы будете идти осторожнѣй, будете чаще приникать къ землѣ, но и здѣсь, лежа ничкомъ на болотѣ, вы все-таки сдѣлаете усиліе и подвинетесь впередъ еще, еще и еще...

Крикъ «ура» обрываетъ сознаніе..

Ни одинъ солдатъ вамъ не скажетъ, какъ и когда онъ кололъ. И не можетъ сказать. Въ эту рѣшающую минуту боя напряженіе нервовъ такъ велико, что объ ударахъ не думаютъ. Мысль поглощается крикомъ. Некогда думать, когда

надо кричать во все горло, потому что врагъ боится этого крика, потому что на это «ура» сзади быстрѣе подходятъ резервы....

Атака успѣшна.

При первомъ же нажимѣ нѣмцы сразу, всѣмъ фронтомъ отхлынули передъ нашими ротами, высунувъ впередъ пулеметы.

Та-та-та-та-та...

И вдругъ все стихло. Цѣпь залегла, оборвалось «ура», замолкъ пулеметъ. Что заставило его замолчать, я не знаю.. Но, когда цѣпь поднялась, нѣмцы были уже далеко. Надъ ними густо рвется наша шрапнель. Впередъ быстрымъ шагомъ проходятъ роты резерва, разсыпанныя въ цѣпь. Намъ приказано стягиваться и окопаться.

Завтра снова впередъ. До В—ны уже недалеко... Но сейчасъ... надо спать.

Зимней ночью.

Уже давно мы стоимъ такъ, что усадьба В—ы находится въ нѣмецкихъ рукахъ, а деревня въ нашихъ. Изъ окопа прекрасно виденъ весь этотъ участокъ нѣмецкой позиціи. Прямо передъ нами усадьба, обнесенная невысокимъ, аршина въ полтора, каменнымъ заборомъ, обращеннымъ къ намъ угломъ. Въ этомъ углу нѣмцы устроили пулеметный капониръ; заборъ приспособленъ ими къ оборонѣ, и намъ прекрасно видны ихъ бойницы, сложенныя изъ мѣшковъ. По ту сторону забора, вплотную примыкая къ нему, идетъ старинный, роскошный паркъ, среди котораго, сквозь деревья, виденъ высокій, двухъэтажный замокъ, съ башнями, возвышающимися надъ садомъ. Одна изъ нихъ нами сбита, другая еще держится и оттуда нѣтъ-нѣтъ, да и затрещитъ пулеметъ, если у насъ вдругъ обнаружится оживленіе.

По обѣимъ сторонамъ усадьбы, вправо и влѣво отъ забора, идетъ лѣсъ; когда-то густой, теперь онъ сильно разрѣженъ сначала помѣщикомъ, начавшимъ было вводить у себя правильное лѣсное хозяйство, потомъ нѣмцами, ради дровъ и матеріала на окопы, которые протянулись по опушкѣ. Съ занятаго нѣмцами забора эта линія окоповъ, утопленныхъ въ лѣсъ, обстрѣливается продольнымъ огнемъ,

благодаря чему неоднократно предпринимавшіяся атаки на усадьбу пока не привели ни къ чему или, вѣрнѣе, привели къ тому, что и наша позиція противъ нея приведена въ такое же неприступное состояніе и съ тѣмъ же результатомъ для нѣмцевъ, не разъ пытавшихся взять ее лобовымъ ударомъ.

Особенное вниманіе было обращено на проволочныя сѣти, которыхъ здѣсь было невѣроятное количество; это убійственное препятствіе, мѣстами открытое, мѣстами скрытое въ канавахъ и ровикахъ, тянулось тремя полосами, по нѣсколько рядовъ кольевъ въ каждой. Стрѣлки, когда мы строили это загражденіе, нерѣдко посмѣивались:

— Вотъ, будетъ штука-то, какъ впередъ уйдемъ; вотъ, поплачутъ у насъ саперы-то надъ своими трудами.

— Небойсь, на новое мѣсто утащатъ.

— Куды ее такую утащишь. Колья-то по сырой землѣ биты, сидятъ, что твои корни... Ничѣмъ не выковыряешь.

Но пока мы впередъ не шли, а все совершенствовали и усиливали свою позицію у деревни. Нѣмцы дѣлали то же у себя и по временамъ здѣсь разгоралась ожесточенная ружейная перестрѣлка, имѣвшая явный характеръ спора за право производить работы на своей позиціи.

Разстояніе между нѣмцами и нами было небольшое— всего шаговъ семьсотъ или восемьсотъ, и въ зимнія тихія ночи, особенно при небольшомъ морозѣ, у насъ было слышно рѣшительно все, что дѣлалось у нѣмцевъ. Они же едва ли слышали, что дѣлалось у насъ. Во-первыхъ, сзади насъ тянется поле, сзади нихъ лѣсъ, и потому звуки нашихъ голосовъ теряются, а ихъ, напротивъ, усиливаются эхомъ. Да и потомъ странная, пожалуй, есть у насъ съ нѣмцами разница. Летчики, напримѣръ, говорятъ, что они безошибочно, даже потерявъ оріентировку, опредѣляютъ, надъ чьимъ райономъ они находятся: нашимъ или нѣмецкимъ.

У нихъ всегда мертво, у насъ же всегда есть ротозѣй,

которому нечего дѣлать и который бродитъ между окопами. Зато въ отношеніи говора въ окопахъ наши осторожнѣе: нѣмцы всегда говорятъ громко; наши, напротивъ, такъ тихо, что ихъ и рядомъ еле слышно.

Однажды вечеромъ я заѣхалъ сюда къ ротному командиру взглянуть на новыя установки пулеметовъ, которые, на всякій случай, были сосредоточены здѣсь не въ маломъ числѣ. Покончивъ съ этимъ, мы зашли въ блиндажъ и, за чайкомъ, разговорились. Минута была, оказывается, если и не тревожная, то, во всякомъ случаѣ, требовавшая большого вниманія.

— Пока я еще ничего точно сказать не могу, что̀ нѣмцы намѣрены предпринять, но что они въ В—ахъ усилились, это фактъ.

— Прибыли новыя части?

— Да. Я давеча говорилъ съ батарейнымъ командиромъ, онъ обстрѣливалъ передъ вечеромъ оба шоссе, проходящія чрезъ В—ы, такъ онъ мнѣ сказалъ, что шла сюда колонна около батальона.

— Не разбѣжалась при стрѣльбѣ?

— То-то что нѣтъ. Если бы разбѣжались, такъ бы и знали, что ландштурмъ или австрійская спѣшенная кавалерія, а теперь чортъ ихъ знаетъ... Одно только можно сказать—навѣрное, нѣмцы.

— Можетъ быть, смѣна у нихъ?

— Они до сихъ поръ тихо смѣнялись. Такъ тихо, что объ этомъ иной разъ и узнавали-то только тогда, когда у нихъ уже все готово. Выйдешь утромъ—стрѣляютъ; по привычкѣ пригнешься, а пули-то вонъ гдѣ летятъ, сажени на три надъ головой; такъ, ужъ, и знаешь, что они смѣнились... не пристрѣлялись еще какъ слѣдуетъ.

— Развѣдку вышлешь?

— Да, какъ прикажутъ, вотъ жду отвѣта на донесеніе.

Досидѣли мы такъ до глубокой ночи, но отвѣта покамѣстъ не было. Я собрался ѣхать къ себѣ и вмѣстѣ съ товарищемъ вышелъ изъ блиндажа.

Ночь была на рѣдкость тихая. Луны не было. Солдаты, смѣясь, говорили, что она «осталась въ обозѣ второго разряда». Отблескъ снѣга, однако, скрадывалъ полный мракъ и, приглядѣвшись, я уже различалъ впереди высокую темную стѣну, которой мнѣ представлялся В—скій лѣсъ, слившійся, впотьмахъ, съ усадебнымъ садомъ.

У нѣмцевъ было очень шумно. Слышались пьяные голоса, какіе-то крики, ругательства вперемежку съ «hoch» и «hurra», которые они орали всѣмъ скопомъ.

— Опять перепились.

— Да... Чего добраго полѣзутъ...

— Въ такомъ-то видѣ пусть, пожалуй, лѣзутъ.

— Это-то все равно... не въ первый разъ ихъ такими видимъ... Спать только, черти, не дадутъ, вотъ что досадно: мнѣ, какъ на зло, сегодня спать хочется. Что это у нихъ, бабы?

— Ну?

— Послушай!...

Насторожившись и сдвинувъ на затылокъ папаху, чтобы освободить уши, почти закрытыя ея, я, дѣйствительно, услышалъ женскіе голоса.

— Не можетъ быть... Это намъ, вѣрно, кажется,—сказалъ я, не довѣряя своему слуху. Въ зимнюю ночь и въ такой обстановкѣ, когда нервы сразу какъ-то особенно напрягаются, можно «услыхать» все, что подскажутъ.

— Какъ, не можетъ быть? Слышишь, слышишь—плачетъ?..

На этотъ разъ голоса мнѣ послышались яснѣе, и среди общаго гама, дѣйствительно, какъ будто бы, выдѣлялся плачъ.

— Что за чортъ!...

— Гуляютъ они, ваше в—іе,—замѣтилъ шопотомъ стрѣлокъ, вылѣзшій изъ окопа слѣдомъ за нами.

— Нѣтъ, ты слышишь теперь?

— Такъ точно, ваше в—іе, давно это у нихъ.

— Что?

— Да бабы-то клохчутъ... Потѣху себѣ сдѣлалъ... Тьфу!

И стрѣлокъ съ такимъ омерзѣніемъ сплюнулъ, что вся ненависть, накопившаяся въ его душѣ къ «проклятому», кажется, не могла бы быть выражена рѣзче и сильнѣе.

— Надо бы ихъ попугать,—замѣтилъ товарищъ,—но въ это время рѣзкій, пронзительный крикъ до того остро, до того болѣзненно прозвучалъ въ ушахъ, что картина дикаго изувѣрства, творившагося, очевидно, *тамъ*, стала сразу ясна.

— Ахъ, сволочи этакія!—злобно вырвалось у товарища,—и онъ сразу же прыгнулъ мимо лѣстницы въ окопъ и скрылся въ блиндажѣ телефонистовъ.

Почти въ ту же минуту гдѣ-то впереди сухо треснулъ винтовочный выстрѣлъ. Выстрѣлъ былъ нашъ; нѣмцы не отвѣтили. Шумъ у нихъ, какъ будто, на мгновенье затихъ, но потомъ опять все пошло по-старому.

Снова послышался выстрѣлъ, второй и, почти одновременно съ нимъ, еще два. Потомъ опять тишина... и ясный, неудержимый плачъ женщины совсѣмъ близко, почти рядомъ.

— Кто стрѣлялъ?

— Въ секретахъ это, ваше в—іе... Секретъ у насъ въ той сторонѣ, тамъ яминка есть, противъ прохода въ проволокѣ, такъ въ ей, въ самой,—объяснилъ мнѣ стрѣлокъ.

Плачъ слышался все ближе и ближе.

Глубокія, судорожныя всхлипыванія были до того отчетливо слышны, что казалось мгновеньями, будто и фигура женщины съ вздрагивающими плечами, закрытымъ

лицомъ, растерзанная и избитая, четко обозначается на снѣгу. Но вглядишься впередъ и кромѣ стѣны, которой издали кажется лѣсъ, ничего не видишь. По спинѣ пробѣгаютъ мурашки, сердце бьется сильнѣй, къ горлу подступаетъ злость... Хочется что-нибудь рвать, рѣзать, кинуться куда-нибудь, чтобы не слышать этихъ надрывающихся рыданій и мучительныхъ стоновъ. Я спрыгнулъ въ окопъ и пошелъ искать товарища.

Онъ былъ у телефона.

— Ну, что?—спросилъ онъ, вѣшая трубку.

— Плачетъ.

— Тамъ?

— Нѣтъ... Здѣсь гдѣ-то... Близко... Пошли кого-нибудь посмотрѣть...

— Гм! Сволочи!.. Да, сейчасъ пошлю... Зайди ко мнѣ, я сейчасъ, только вышлю дозоръ.

Неуклюжій денщикъ, видя, что офицеры вернулись, снова засуетился у печки, принимаясь разогрѣвать чай, черный, какъ лакрица, и терпкій, какъ дубильная кислота.

— Ваше в—іе, можетъ, куру подать?

— А поди ты къ чорту съ твоей курой!

Тутъ было не до куръ. Дикая сцена насилія, мерещившаяся тамъ, на воздухѣ, преслѣдовала и здѣсь. На душѣ было мерзко и невыносимо тяжело. Товарищъ вернулся и молча сѣлъ рядомъ со мной на кровать, сколоченную изъ досокъ въ видѣ ящика, до верху засыпаннаго соломой. Мы сидѣли молча, подавленные безсильной злобой. Говорить не хотѣлось, да и не о чемъ было. Да и какія слова пойдутъ на умъ, когда надо дѣйствовать, а это было для насъ невозможно.

— Можетъ быть, гаубичная ихъ обстрѣляетъ...—мрачно замѣтилъ товарищъ, поднимая голову и откидываясь къ стѣнкѣ, закрытой холстомъ, чтобы не просыпалась земля.

— Просилъ?

— Да... Онъ обѣщалъ. Только трудно мѣсто показать точно... А по площади много снарядовъ уйдетъ.

— Чортъ съ ними!

Въ окопѣ, у блиндажа, кто-то завозился.

— Что тамъ?

— Бабу привели, ваше в—іе...

— Давай... веди сюда!

— Ступай, что ли...—Стрѣлки дали дорогу.

Опять тотъ же плачъ, тѣ же рыданія.

Наконецъ, сквозь низкую, узенькую дверь блиндажа еле протиснулась, съ непривычки, нагая фигура... Стрѣлки назвали ее бабой, но что женскаго можно было признать въ этомъ залитомъ кровью, истерзанномъ обликѣ человѣка?

Все тѣло ея, молодое, упругое, было избито и изодрано; буквально изодрано, потому что оно было сплошь покрыто глубокими царапинами, изъ которыхъ сочилась кровь. Мѣстами эти царапины были глубже и оканчивались рваной ранкой; клочья тѣла, съ вывороченнымъ наружу мясомъ, висѣли въ этихъ мѣстахъ и по нимъ медленно сбѣгала алая кровь. Она только что вошла, а уже нѣсколько капель крови расплылось на полу блиндажа. Лицо ея было закрыто. Руки изодранныя, въ синякахъ, съ покраснѣвшими кистями, дрожали, какъ отъ электрическаго тока, мелкой, непрерывной дробью... Обнаженная грудь, искусанная и избитая, покрытая черными кровоподтеками, тряслась отъ рыданій; поперекъ живота, внизу его, шелъ кровавый рубецъ.

— Фельдшера сюда, санитара! Шинель мою дай... Срѣжь погоны...

Сумрачные стрѣлки засуетились. Фельдшеръ сначала было растерялся, хотѣлъ что-то сказать, но потомъ рѣшился и началъ замывать эту сплошную рану, по привычкѣ, тутъ же промазывая кровоточащія мѣста іодомъ.

Жгучая боль вернула ей сознаніе, а съ нимъ и чувство стыда. Она открыла лицо, отвернулась отъ свѣта, съежилась и хотѣла сѣсть на полъ. Ее поддержали, завернули въ шинель и усадили на какой-то обрубокъ, обычно служившій столомъ денщику.

Долго она не могла успокоиться. По крайней мѣрѣ, часъ или больше она просидѣла, какъ мумія, неподвижно, не поворачиваясь къ намъ лицомъ и трясясь всѣмъ тѣломъ, прежде чѣмъ съ ней можно было начать говорить. Она говорила по-польски, примѣшивая русскія слова, чтобы быть лучше понятой.

— Съ тѣхъ поръ, какъ нѣмцы стали въ имѣніи, у насъ почти каждый день пьянство. Откуда они возятъ вино, знаетъ одинъ сатана... Какъ напьются, такъ у нихъ начинаются игры. То въ карты, то на билліардѣ, который они не разбили, какъ заняли усадьбу, а то соберутся и горланятъ пѣсни. Одно время у насъ было тихо. Майоръ, который смѣнилъ прежняго, со своимъ батальономъ, былъ очень строгъ къ своимъ, насъ не трогалъ и не позволялъ своимъ... Но его скоро тоже смѣнили. Вотъ уже три недѣли, какъ у насъ живутъ эти черти-гвардейцы, которыхъ самъ чортъ выдумалъ на нашу погибель... Іезусъ-Марія, что они только дѣлаютъ! Въ усадьбѣ насъ было семь дѣвушекъ и три замужнихъ. Каждый вечеръ они таскали насъ въ домъ... держали по суткамъ... и только стыдомъ, позоромъ можно спастись отъ ихъ кожаной плети... О, эти плети, сколько я выдержала ихъ! Вотъ у меня рубцы...— Она распахнула шинель и показала нѣсколько широкихъ вздутыхъ рубцовъ поперекъ спины и по плечамъ...

— Меня все время звалъ къ себѣ одинъ... офицеръ... адъютантъ майора... Онъ долго щадилъ меня, я молила его, какъ Бога... и онъ былъ честнымъ... Но сегодня онъ напился, и когда я опять стала просить его... онъ... избилъ меня плетью и бросилъ пьянымъ солдатамъ... Я два раза

теряла сознаніе... но четырнадцать я помню... Я помню ихъ...—изступленно закричала она, закрываясь руками.

Лицо ея, все въ синякахъ, закрывшихъ глаза, изодранное, какъ и тѣло, массой ссадинъ, съ надорваннымъ ухомъ, растрепанными волосами, слипшимся отъ крови и грязи въ какія-то дикія пряди,—было ужасно.

— Какъ же вы попали сюда? Кто васъ выпустилъ изъ усадьбы?

— Они меня выгнали... Когда я очнулась, около меня былъ пьяный солдатъ... Я ударила его изо всѣхъ силъ... Двое или трое накинулись на меня, сняли съ меня все до послѣдней нитки и выбросили на проволочную сѣть... И когда я рвалась на ней, чтобы слѣзть на землю, они хохотали, но потомъ ушли... Имъ надоѣло... Потомъ я пошла сюда... По мнѣ стрѣляли... потомъ взяли и повели...

Все было ясно...

Мы молчали, не рѣшаясь сказать что-нибудь послѣ этого страшнаго разсказа.

Взрывъ чемодана заставилъ насъ очнуться.

— Куда?

— Это наши по В—амъ стрѣляютъ...

Стрѣльба учащалась и на разсвѣтѣ усадьба вспыхнула и намъ было приказано наступать.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

